ТАЦИТЪ

и

ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. МОДЕСТОВА.

Auguror, nec me fallit augurium, historias tuas immortales futuras.
Plin. Ep. VII, 33.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

1864.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 22 Ноября 1864.

ВВЕДЕНІЕ.

Книга эта говоритъ о писателѣ, какихъ не много во всемірной литературѣ. Сочиненія Тацита принадлежатъ къ числу тѣхъ великихъ произведеній духа человѣческаго, изученіе которыхъ воспитываетъ, развиваетъ и укрѣпляетъ умъ, склонный къ размышленію о дѣлахъ человѣческихъ, и особенно полезно въ наше время, когда запутанность въ понятіяхъ, убѣжденіяхъ, принципахъ, кажется, уже переходитъ свои границы. Необыкновенный интересъ изученія Тацита усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ его сочиненіяхъ мы имѣемъ дѣло съ изображеніемъ одной изъ величайшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества, надлежащее уразумѣніе которой составляетъ задачу, по своей громадности не имѣющую себѣ подобной для историка. Задача эта не рѣшена Тацитомъ, но никакъ не можетъ быть рѣшена кѣмъ нибудь другимъ безъ его участія.

Мы имѣемъ дѣло съ писателемъ, который, стоя въ послѣдней фазѣ національнаго развитія Рима, задумывается надъ судьбой великаго народа, постепенно пережившаго всѣ формы правленія, испытавшаго всевозможные политическіе и соціальные перевороты въ своемъ развитіи, завоевавшаго вселенную,—народа, который, наконецъ, послѣ неслыханныхъ доблестей, представлялъ зрѣлище глубокаго нравственнаго паденія и политическаго рабства. Въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ историкъ вводитъ насъ въ самую глубину жизни той эпохи, когда Римъ, послѣ совершоннаго и упроченнаго Августомъ государственнаго переворота, потерявши безвозвратно свободу, переходитъ изъ рукъ одного деспота къ другому, при полномъ равнодушіи массъ къ дѣламъ общественнымъ, при страшномъ преобладаніи военной силы, при раболѣпіи высшихъ классовъ общества, при безплодной борьбѣ горсти людей независимыхъ съ произволомъ власти и распущенностью общественныхъ нравовъ, наконецъ при опасности для государства со стороны варварскихъ народовъ, населявшихъ пространство между Рейномъ и Дунаемъ.

Европейская литература послѣднихъ лѣтъ, въ лицѣ нѣсколькихъ своихъ представителей, усиливается доказать, что Тацитъ не понялъ той эпохи, которую изобразилъ съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ, что онъ смотрѣлъ на нее съ точки зрѣнія партіи, которая, потерявши свое политическое значеніе, не хотѣла признавать благодѣтель-

ныхъ послѣдствій государственнаго переворота, ее погубившаго. Такое направленіе взгляда на римскую имперію и Тацита, безспорно важное для исторической науки, гдѣ истина, не имѣя очевидности вывода наукъ положительныхъ, добывается только изъ длиннаго ряда противорѣчій, необходимо дожно вызвать со стороны безпристрастныхъ ученыхъ усиленное изученіе вопроса, прежде чѣмъ новый взглядъ получитъ право гражданства въ наукѣ. Строго—историческое изученіе дѣла, опирающееся на положительные факты и философію здраваго смысла, приведетъ, конечно, всякаго изслѣдователя къ убѣжденію, что новое ученіе о римской имперіи и новый взглядъ на Тацита, заключая въ себѣ нѣкоторыя стороны, которыя не могутъ быть неприняты въ разсчетъ наукою, не выдерживаютъ однако научной критики. Таковъ выводъ и книги, которая предлагается благосклонности читателя.

ГЛАВА I.

Біографія Тацита.

Біографическія свѣдѣнія о Тацитѣ такъ скудны, что нѣтъ никакой возможности нарисовать по нимъ сколько нибудь цѣльную картину жизни знаменитаго историка. Нѣсколько писемъ къ нему Плинія Младшаго, да два—три мѣста изъ писемъ того же Плинія къ друзьямъ, гдѣ упоминается мимоходомъ о Тацитѣ—вотъ всѣ данныя, какія намъ оставили о немъ современники. Что же касается до послѣдующихъ римскихъ писателей, на которыхъ собственно и лежала обязанность передать намъ жизнь столь важнаго представителя римской литературы, то они не только не оставили намъ какой либо біографіи Тацита, но даже почти и не упоминаютъ о немъ. Иногда недостатокъ біографическихъ указаній о писателѣ можетъ въ значительной степени вознаграждаться самими его сочиненіями, въ особенности, если писатель былъ лирическій поэтъ; но для біографіи Тацита почти не существуетъ и этого рода матеріаловъ, потому что историческія сочиненія, давая возможность понять міросозерцаніе писателя, не имѣютъ вовсе мѣста для автобіографическихъ указаній, особенно въ томъ случаѣ,

если историкъ не игралъ личной роли въ описываемыхъ имъ событіяхъ. Такимъ образомъ, если нѣсколько словъ, попадающихся въ сочиненіяхъ Тацита въ видѣ намёковъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ его жизни, и помогаютъ намъ установить нѣкоторыя руководящія вѣхи на пути біографическихъ изслѣдованій, то они составляютъ, даже въ связи съ указаніями Плинія, такой скудный маттеріалъ, что полная и связная біографія Тацита остается для насъ недостижимою.

Существуетъ преданіе, по которому родиной Тацита признается городъ Интерамна (нын. Терни), находившійся въ южной Умбріи на фламиніевой дорогѣ, при рѣкѣ Нарѣ. На основаніи этого преданія, въ началѣ 16–го столѣтія (1514) граждане Терни вздумали поставить нашему историку статую «съ цѣлію возобновить память о знаменитомъ гражданинѣ, а также—возбудить и воспламенить умы потомковъ», какъ гласитъ надпись подъ этой статуей (1). По томуже преданію Терни были и мѣстомъ погребенія Тацита; но въ сущности все оно не имѣетъ для себя другаго основанія, кромѣ обыкновенно принимаемаго родства Тацита съ императоромъ 3–го вѣка Клавдіемъ Тацитомъ, (276 г.), происходившимъ, по сви-

---

(1) См. Angeloni, Historia di Terni p. 42. Roma, 1616. Вотъ эта надпись вполнѣ:

C. Cornelio Tacito
Eq. R. Proc. Gall. Belgicae
Pr. Urbano
XV. viro sacr. fac. Cos. augustissimoque
rerum augustarum. scriptori
M. Cl. Taciti et. M. Annii. Floriani
fratrum. Caesarum. affini
Interamnates. Nahartes
ad renovandam. clarissimi. civis
memoriam
et. ad. excitandos. inflammandos que
posterorum. animos. posuerunt.

дѣтельству Флавія Вописка, изъ Интерамны (¹). Основаніе это на столько шатко, что опираться на него было бы не безопасно. Но не имѣя о мѣстѣ происхожденія Тацита никакого свидѣтельства изъ древности, мы не можемъ благоразумнѣе поступить, какъ оставаться при вышеуказанномъ преданіи.

Будучи не въ состояніи указать положительно мѣсто родины Тацита, мы имѣемъ больше возможности опредѣлить сословіе, къ которому онъ принадлежалъ по своему происхожденію. Обыкновенно обращаются для того къ извѣстному мѣсту Плинія Старшаго, гдѣ разсказывается объ уродствѣ сына Корнелія Тацита, римскаго всадника, управлявшаго финансовою частію въ бельгійской Галліи (²). Хотя многіе изъ старинныхъ ученыхъ, какъ Фоссъ (de historicis latinis) Ю. Липсій (vita Taciti), Рейнезій (Syntagma inscr. antiqu.) и др. и принимаютъ этого Корнелія Тацита за одно лицо съ историкомъ, но такое мнѣніе, какъ не выдерживающее хронологической критики, представляется несостоятельнымъ съ перваго взгляда. Намъ извѣстно, что Плиній Старшій умеръ въ 79 г. при изверженіи Везувія, а Тацитъ женился не раньше 78 г. (см. ниже), слѣдовательно упоминаемый Плиніемъ Корнелій Тацитъ, имѣвшій двухъ или трехъ лѣтъ уродливаго сына, никакимъ образомъ не могъ быть Тацитомъ историкомъ. Но съ другой стороны тождество родоваго имени и прозвища (nomen и cognomen) даетъ намъ право предположить, что упоминаемый въ означенномъ мѣстѣ Плиніемъ Корнелій Тацитъ былъ отецъ, или дядя нашего историка, который въ такомъ случаѣ происходилъ изъ сословія всадниковъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ кодексахъ сочиненій Тацита стоитъ прибавка equitis romani, то, если

(¹) Flav. Vop. Tac. c. 10; Flor., 2.

(²) Ipsi non pridem vidimus eadem ferme omnia praeter pubertatem in filio Corneli Taciti, equitis Romani, Belgicae Galliae rationes procurantis. Pl. Hist. Nat. VII, 16. 76.

только прибавка эта не основывается единственно на указанномъ мѣстѣ Плинія, происхожденію Тацита изъ всадническаго сословія мы согласны придать полную вѣру.

Труднѣе рѣшить, какое было полное имя Тацита. Трудность заключается именно въ томъ, что не имѣя ни изъ современной Тациту литературы, ни изъ литературы слѣдующихъ за нимъ трехъ столѣтій никакихъ указаній на его личное имя (praenomen), мы находимся поставленными между двумя противорѣчащими источниками позднѣйшаго времени и равнаго авторитета. Съ одной стороны лежитъ передъ нами свидѣтельство писателя 5-го вѣка, Сидонія Аполлинарія, который даетъ въ двухъ мѣстахъ (¹) Тациту praenomen—*Gajus*, вошедшій въ нѣсколько новѣйшихъ списковъ Тацита; съ другой стороны древнѣйшая рукопись «Лѣтописи» (annales), недавно мной разсмотрѣнная въ Bibliotheca Laurentiana во Флоренціи, въ четырехъ мѣстахъ придаетъ къ родовому имени Тацита praenomen *Publius* (²). Обыкновенно въ рукописныхъ кодексахъ имя Тацита не имѣетъ praenomen Трудность рѣшенія этого вопроса служитъ причиной, по которой новѣйшіе издатели Тацита очень благоразумно умалчиваютъ о его личномъ имени. Что же касается до найденной будто-бы Лангерманомъ и напечатанной Рейнезіемъ (³) надписи, гдѣ стоитъ Cornelius

---

(¹) Sid. Apol. Ep. IV, 14. 22.

(²) Во главѣ этого манускрипта (codex Mediceus, Fuldensis, Corbeiensis, Vestphalicus) стоитъ: P. Cornelii Taciti. Въ концѣ первой книги написано: Finit P. Corneli Lib. I; въ концѣ 2-й книги: Finit Lib. II P. Corneli; въ концѣ 3-й книги: P. Corneli Liber III Finit. incipit Liber IV.

(³) Syntagma inscriptionum antiquarum, Lips. 1782 p. 103.

Apollini...
Rationatoris honore
Usurus secundum
Cornelius Verus Tacitus
Erexit monumenti loco.

См. также Орелли Jnscr. lat. n. 1069.

Verus Tacitus, имя, приписываемое Рейнезіемъ нашему историку, то если надпись эта и не подложна, мы не можемъ все-таки сдѣлать изъ ней никакого употребленія для открытія полнаго имени Тацита. Ибо сначала нужно было бы доказать, что надпись эта принадлежитъ историку Тациту, или его отцу, или наконецъ дядѣ, а доказывать это тѣмъ труднѣе, что Рейнезій, какъ собиратель надписей, не заслуживаетъ большой вѣры.

Продолжая біографію Тацита, мы принуждены постоянно бороться съ разными трудностями, по неимѣнію данныхъ Только самое внимательное вниканіе въ письма Плинія Младшаго и самое настойчивое допрашиваніе самого историка, иногда мимоходомъ упоминающаго о какомъ либо обстоятельствѣ своей жизни, могутъ привести насъ къ какимъ нибудь результатамъ. Годъ рожденія Тацита нигдѣ и никѣмъ не указанъ; однако на основаніи нѣкоторыхъ соображеній его можно опредѣлить очень приблизительно. Главныя основанія къ рѣшенію этого вопроса подаетъ то письмо ([1]) къ историку друга его Плинія Младшаго, гдѣ этотъ послѣдній, по просьбѣ Тацита разсказываетъ ему о тѣхъ страшныхъ минутахъ своей жизни, какія онъ пережилъ, находясь въ Мизенѣ во время достопамятнаго изверженія Везувія, бывшаго причиною погибели дяди его, знаменитаго натуралиста Плинія. Въ письмѣ этомъ Плиній говоритъ, что ему шелъ тогда восемнадцатый годъ (agebam duodevicesimum annum), а то ужасное событіе, о которомъ онъ разсказываетъ, происходило, какъ извѣстно, 24 Августа 79 по Р. Х., или 832 года Рима, въ началѣ правленія Тита. А такъ какъ Плиній въ другомъ письмѣ ([2]) къ Тациту называетъ его «почти ровесникомъ» себѣ, то годъ рож-

---

([1]) Pl. Ep. VI, 20.

([2]) Pl. Ep. VII, 20: Erit rarum et insigne duos homines, aetate prope modum aequales... alterum alterius studia fovisse.

денія Тацита долженъ падать на одинъ изъ ближайшихъ къ 61—62 отъ Р. Х., когда родился Плиній. Если бы намъ вздумалось усилить любопытство и попытаться отыскать, во что бы то ни стало, дѣйствительный годъ рожденія Тацита, то нашему соображенію прежде всего продоставляется разгадать слѣдующее мѣсто въ «Исторіяхъ» Тацита: «Я не отрицаю, что начало моему значенію въ государствѣ положилъ Веспасіанъ, Титъ увеличилъ его, а Домиціанъ поднялъ еще выше» (1). Государственная должность, которою начиналась почетная служба въ Римѣ, была *квестура*, primus gradus honoris какъ выражается Цицеронъ (in Verr. 1, 4, 11); а возрастъ, раньше котораго нельзя было по закону получить этой должности въ то время, былъ 25-й годъ (2). Этимъ мы уже нашли годъ, позже котораго не могъ родиться Тацитъ, получившій квестуру отъ Веспасіана, который умеръ 23 іюня 79 года (3). Такимъ образомъ Тацитъ родился никакъ не позже 54 (807) года, въ началѣ правленія Нерона. Съ этимъ согласно и то указаніе въ «Dialogus de oratoribus» (4) что авторъ его въ шестой годъ Веспасіанова правленія, т. е. въ 75 году нашей эры, былъ еще очень молодъ (juvenis admodum), ибо по этому счету онъ могъ имѣть тогда не больше двадцати лѣтъ. Не противорѣтитъ также такое опредѣленіе года рожденія Тацита и вышеприведенному свидѣтельству Плинія, по которому Тацитъ съ Пиніемъ были почти ровесники, а именно историкъ нашъ выходитъ не старше своего друга 7-ю—8-ю годами. Другія соображенія (см. ниже) заставляютъ меня отнести годъ квестуры Тацита на 78 годъ на-

---

(1) Hist. I, 1.

(2) См. Липсія ad. Tac. An. III, D.; Cp. Dio Cass. 52, 20; 53, 28; Vell. 2, 94; Dig. 50, 4, 8.

(3) Suet. Vesp 14.

(4) См. гл. 1, 17.

шей эры, и тогда время рожденія Тацита падаетъ не на 54, а на 53 годъ, т. е. на послѣдній годъ правленія Клавдія (1).

Хотя намъ ровно ничего не передано о дѣтствѣ и воспитаніи Тацита, однако мы вправѣ предположить, что ему было дано хорошее воспитаніе. Не знаемъ, посѣщалъ ли онъ, какъ обыкновенно воспитывались въ его время въ Римѣ, школу какого нибудь грамматика, или получилъ первоначальное воспитаніе дома; не знаемъ и того, какой риторъ затѣмъ былъ его учителемъ, упражняя его въ suasoriae и controversiae. Но очень можетъ быть, что это былъ самъ знаменитый Квинтиліанъ, бывшій учителемъ Плинія, (2) и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ школѣ Квинтиліана завязалась между нашимъ историкомъ и Плиніемъ та тѣсная и неразрывная дружба, которую такъ высоко цѣнилъ Плиній. (3) На вѣрное мы знаемъ только то, что онъ съ жадностью искалъ наставленій въ искусствѣ краснорѣчія отъ корифеевъ трибуны Веспасіанова времени—М. Апра и Ю. Секунда. «Ихъ обоихъ», говоритъ онъ, (4) «не только слушалъ я внимательно въ судахъ, но приходилъ къ нимъ на домъ и сопровождалъ ихъ въ общественныхъ мѣстахъ. Съ удивительной охотой учиться и съ какимъ-то юношескимъ увлеченіемъ я старался усвоивать себѣ ихъ разговоры, диспуты и интимную бесѣду.»

До насъ не дошло адвокатскихъ рѣчей Тацита, но прини-

---

(1) Именно въ жизнеописаніи своего тестя Агриколы Тацитъ говоритъ (Agr. 9), что Агрикола въ годъ своего консульства (77 отъ Р. Х.) просваталъ за него дочь свою, а въ слѣдующемъ году выдалъ ее замужъ (ac post consulatum collocavit). Надобно думать, что консулъ выдалъ свою дочь за человѣка, который уже началъ государственную карьеру.

(2) Pl. Ep. II, 14.

(3) Pl. Ep. VII, 20; IX, 23; IX, 14; VII, 33 и др.

(4) Dial. 2.

мая во вниманіе сужденія Плинія объ его ораторскомъ талантѣ, мы можемъ полагать, что Тацитъ принадлежалъ не къ послѣднимъ ораторамъ своего времени. Еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ имѣлъ репутацію оратора, которому стоило подражать. Вотъ что писалъ однажды Плиній нашему историку: ([1]) «это будетъ рѣдкій и замѣчательный примѣръ, что два человѣка, по лѣтамъ почти ровесники, не безъ имени въ литературѣ (принужденъ говорить скромнѣе и о тебѣ, потому что и о себѣ вмѣстѣ говорю), пощряли другъ друга въ занятіяхъ. Будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, когда ты процвѣталъ уже извѣстностью и славою, я желалъ за тобой слѣдовать, быть и считаться ближайшимъ къ тебѣ при далекомъ между нами разстояніи. Было много знаменитыхъ талантовъ; но ты казался мнѣ (къ тому вело сходство по натурѣ) такимъ, которому наиболѣе можно и наиболѣе должно мнѣ было подражать!» Эта извѣстность, которою пользовался Тацитъ еще въ молодые годы, была извѣстность не историка, а оратора. Въ то время было въ модѣ ([2]) съ раннихъ лѣтъ выступать на форумъ въ качествѣ адвоката по гражданскимъ дѣламъ передъ коллегіей ста мужей (centumviri). Плиній началъ эту дѣятельность на девятнадцатомъ году, ([3]) и, какъ самъ признается, тоже скоро получилъ извѣстность. ([4]) И можетъ быть этой ранней извѣстности Плиній обязанъ былъ тѣмъ, что сосѣдній его этрусскому помѣстью (Tusci) городъ Тифернъ Тибрскій (въ Умбріи, при истокахъ Тибра) принялъ его въ свои патроны, ([5]) когда онъ еще былъ очень молодъ. Не смотря на склонность Плинія говорить о

([1]) Ep. VII, 20.
([2]) Pl. Ep. II, 14.
([3]) Ep. V, 8.
([4]) Ep. I, 18.
([5]) Ep. IV, 1. Me paene adhuc puerum patronum cooptavit.

Тацитѣ въ особенно лестныхъ выраженіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если нашъ историкъ стоялъ въ мнѣніи посѣтителей форума далеко выше, чѣмъ его другъ, меньшій по лѣтамъ. Особенность ораторскаго таланта Тацита состояла, по словамъ Плинія, въ величественности тона его рѣчи, что обозначается у послѣдняго греческимъ словомъ σεμνῶς. (1) Такова была впослѣдствіи его обвинительная рѣчь противъ проконсула Африки, Марія Приска, обвиненнаго при обоюдномъ содѣйствіи двухъ друзей (Тацита и Плинія) по закону о взяткахъ въ 100 году. (2) Говоря о надгробной рѣчи, произнесенной Тацитомъ въ годъ своего консульства (97 стр. X.) надъ консуломъ Вергиніемъ Руфомъ, Плиній называетъ своего друга: laudator eloquentissimus (3).

Но ораторскіе успѣхи въ двухъ случаяхъ, на которые мы сейчасъ указали, относятся уже къ тому періоду жизни Тацита, когда онъ успѣлъ заявить себя и на другомъ поприщѣ, котораго онъ ужъ не хотѣлъ покидать въ продолженіе всей своей жизни, (4) и которому имя его обязано славою и безсмертіемъ, предсказаннымъ ему еще Плиніемъ. (5) Между тѣмъ въ продолженіе этого времени, т. е. между первымъ вступленіемъ въ общественную жизнь съ какою-нибудь рѣчью по гражданскимъ дѣламъ въ качествѣ адвоката передъ коллегіей ста мужей и выпускомъ перваго историческаго труда, Тацитъ успѣлъ пройти всю дорогу государственной службы, будучи въ самый годъ изданія жизнеописанія Агриколы уже консуломъ (97 г.). Дѣтство Тацита прошло въ правленіе Нерона и въ періодъ послѣдовавшихъ за смертію послѣдняго междуусобныхъ

---

(1) Ep. II, 11.
(2) Ibid.
(3) Ep. II. 1.
(4) Hist. I, 1.
(5) Ep. VII, 33.

войнъ Гальбы съ Отономъ, Отона съ Вителліемъ и Вителлія съ Веспасіаномъ. Въ концѣ правленія этого послѣдняго Тацитъ вступилъ въ государственную службу. Надобно полагать, что до полученія квесторской должности Тацитъ занималъ какую нибудь должность въ качествѣ члена коллегіи двадцати, обыкновенно служившую предварительнымъ условіемъ (1) для вступленія въ почетную гражданскую службу, начинавшуюся съ пріобрѣтеніемъ званія квестора. Что должность, которою Тацитъ считаетъ себя обязаннымъ Веспасіану, была квестура, а не та низшая должность, которую онъ занималъ, какъ членъ коллегіи двадцати, это видно уже изъ обозначенія ея словомъ dignitas, (2)—качество, принадлежавшее высшимъ государственнымъ должностямъ (magistratus majores), начинавшимся съ *квестуры*. (3) Вообще вступленіе въ гражданскую службу считалось съ пріобрѣтенія этой должности. Поэтому говоря объ Агриколѣ, что онъ, прослуживши военнымъ трибуномъ въ Британіи въ войскѣ Светонія Павлина, возвратился въ Римъ ad capessendos magistratus, Тацитъ разумѣлъ (4) подъ этимъ квестуру. Равнымъ образомъ, перечисляя государственныя должности по случаю большой смертности между римскими чиновниками въ консульство М. Азинія и М. Ацилія (54 по Р. Х., 807 Рима), онъ начинаетъ этотъ перечень съ квестора, (5) не считая нужнымъ упоминать о разныхъ тріумвирахъ, децемвирахъ и другихъ чиновникахъ, служившихъ въ коллегіи двадцати. Поэтому странно, что такой солидный ученый, какъ Газе (Haase), не напалъ на эти соображенія и думаетъ, что Тацитъ считаетъ себя обязаннымъ Веспасіану не квестурой, а какой-

(1) An. III, 29; Dio Cass. 54, 26; 60, 5.
(2) Hist. I, 1: dignitatem nostram a Vespasiano inchoatam.
(3) Cic. in Verr I, 4, 11: quaestura, primus gradus honoris.
(4) Agr. 6. См. также примѣчаніе Вальха въ его изд. p. 155.
(5) An. XII, 64.

нибудь должностью въ коллегіи двадцати. (1) Отсюда у него вся путаница, съ какой онъ распредѣляетъ по времени должности, пройденныя Тацитомъ. По мнѣнію Баха, (2) Тацитъ получилъ квестуру въ томъ же году, въ которомъ (3) онъ женился на дочери Агриколы, т. е. въ 78. Мнѣніе это, хотя и не основанное на непреложномъ свидѣтельствѣ, я принялъ тѣмъ охотнѣе, что иначе была бы странною выдача дочери консула въ замужество за человѣка безъ упроченнаго государственнаго значенія. (4) Болѣе же ранняго вступленія Тацита въ дѣйствительную государственную службу допустить нельзя по соображеніямъ, какія мы представили для опредѣленія года его рожденія. Вполнѣ соглашаясь съ Бахомъ относительно вышеупомянутаго мнѣнія, я нахожу лишеннымъ основанія предположеніе его о томъ, будто Тацитъ отправился для отправленія квестуры въ Британію, куда назначенъ былъ его тесть въ томъ же году военнымъ управителемъ (5) Бахъ основывается здѣсь на сомнительномъ объясненіи, сдѣланномъ Пассовымъ, но принимаемомъ имъ однако безъ указанія на источникъ, слѣдующаго мѣста въ «Агриколѣ»: (6) «Агрикола принялъ одного изъ царьковъ Гиберніи, выгнаннаго вслѣдствіе туземнаго возстанія и подъ видомъ дружбы удерживалъ его на всякій случай. Я часто слыхалъ отъ него (saepe ex eo audivi), что съ однимъ легіономъ и небольшимъ

---

(1) См. предисловіе къ его изданію, Лейпцигъ, 1855, стр. IX.

(2) Предисл. къ изд. стр. XVI.

(3) Agr. 9: consul egregiae tum spei filiam juveni mihi despondit, ac post consulatum collocavit.

(4) Занимать государственную должность въ Римѣ всегда считалось почетнымъ дѣломъ (honorem gerere). Кромѣ Т. Ливія, мы не знаемъ ни одной исторической личности, которая бы не занимала въ Римѣ государственныхъ должностей. См. между прочимъ мою статью «Римская nobilitas» въ жур. М. Н. Пр. Апрѣль, 1863.

(5) Agr. 9.

(6) Agr 24.

вспомогательнымъ войскомъ можно завоевать и удерживать въ повиновеніи Гибернію.» Ссылаясь именно на выраженіе «ех eo» и относя его къ царьку, Пассовъ, (1) а за нимъ и Бахъ, (2) составили мнѣніе о пребываніи Тацита вмѣстѣ съ Агриколой въ Британіи. Хотя такое толкованіе означеннаго мѣста и можетъ, по видимому, оправдываться грамматикой, тѣмъ не менѣе результатъ, выводимый изъ него, не вѣроятенъ, особенно потому, что у Тацита нѣтъ ни малѣйшаго намека на свое пребываніе и дѣятельность въ Британіи. Особенно важно обратить здѣсь вниманіе на то обстоятельство, что убѣжище, данное Агриколой бѣжавшему царьку, относится къ пятому (3) году подвиговъ Агриколы въ Британіи. Между тѣмъ извѣстно, что Тацитъ получилъ отъ Тита высшую должность въ сравненіи съ квестурой, т. е. эдильство, или народный трибунатъ, какъ принимаетъ и самъ Бахъ: какимъ же образомъ это было возможно, когда тотъ умеръ въ сентябрѣ 81 года, (4) а Тацитъ даже и въ 82 (пятый годъ экспедицій Агриколы въ Британіи) находился еще въ Британіи? Очевидно, что мнѣніе объ отправленіи Тацита на службу къ Агриколѣ въ Британію, составленное на основаніи грамматической конъэктуры, составлено очень не глубокомысленно. Была ли должность, полученная Тацитомъ отъ Тита эдильство, или народный трибунатъ, или наконецъ какая нибудь другая должность, отвѣчать на этотъ вопросъ нѣтъ никакой возможности. Всего вѣроятнѣе—эдильство или народный трибунатъ, составлявшіе обыкновенный переходъ отъ квестуры. За тѣмъ въ половинѣ правленія Домиціана Тацитъ облеченъ былъ въ званіе претора, о чемъ мы знаемъ изъ собствен-

---

(1) Passow, Uber Tacitus'Germania въ Verm. Schr. p. 60.
(2) Пред. къ изд. p. XVI.
(3) Agr. 24: quinto expeditionum anno.
(4) Suet. Tit. XI.

ныхъ словъ историка. ([1]) Это было въ 88 году нашей эры, или 841 г. Рима. Отмѣчаемъ этотъ годъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что это первая, положительно указанная, дата изъ жизни Тацита. Онъ самъ ее указываетъ, говоря, по поводу восьмисотлѣтняго юбилея, отпразднованнаго Клавдіемъ, о такомъ же юбилеѣ, который вздумалось снова отпраздновать Домиціану: при этомъ послѣднемъ событіи Тацитъ участвовалъ какъ жрецъ коллегіи пятнадцати и преторъ. ([2]).

Сложивъ съ себя званіе претора, Тацитъ, неизвѣстно куда, отправился изъ Рима вмѣстѣ съ женой, и возвратился назадъ не раньше, какъ спустя четыре года ([3]). Отсутствіе его изъ Рима было причиной, по которой ему неудалось ([4]) присутствовать при кончинѣ и погребеніи своего тестя Агриколы, скончавшагося въ Римѣ 23 Августа 93 г. (846) ([5]). Относительно повода удаленія Тацита изъ Рима на такое продолжительное время ученые строили много предположеній. Юстъ Липсій, справедливо отвергая мнѣніе тѣхъ, которые приписывали четырехлѣтнее отсутствіе Тацита изъ Рима изгнанію, полагалъ, что Тацитъ предпринялъ добровольное путешествіе, тяготясь современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Римѣ и желая успокоиться ([6]). Произвольное предположеніе Липсія можно тѣмъ легче оставить безъ вниманія, что, будучи преторомъ въ 88 г., Тацитъ могъ получить поправу назначеніе—отправиться для управленія одной изъ провинцій, поручавшагося обыкновенно бывшему претору, или консулу. Что Тацитъ удерживался внѣ Рима обстоятельствами, отъ него не зависѣвшими, это до-

---

([1]) An. XI, 11.

([2]) Ibid.

([3]) Agr. 45. Nobis tam longae *absentiae conditione ante quadriennium amissus est.*

([4]) Ibid.

([5]) Agr. 44.

([6]) Липсій, vita Taciti.

казывается тѣмъ, что онъ никакъ не имѣлъ возможности поспѣшить въ Римъ, получивъ извѣстіе о тяжкой болѣзни Агриколы; а также и по смерти его онъ не могъ поторопиться пріѣздомъ, какъ видно изъ того обстоятельства, что его не было въ Римѣ во время обвиненія Массы Бебія ([1]), процессъ котораго съ провинціей Бетикой былъ оконченъ, когда Агриколы уже не было въ живыхъ ([2]). Я беру это объясненіе у Газе, котораго статья, предшествующая изданію сочиненій Тацита, принадлежитъ къ числу очень немногихъ обстоятельныхъ статей о Тацитѣ ([3]).

То было страшное время, когда Тацитъ возвратился въ Римъ. Разсвирѣпѣвшій тираннъ, гнуснѣйшій изъ всѣхъ деспотовъ, управлявшихъ Римомъ, Домиціанъ казнилъ и злодѣйствовалъ безъ остановки, лишая государство лучшихъ сыновъ его. Никто еще такъ не издѣвался надъ порабощеннымъ, но когда—то гордымъ свободою народомъ, какъ этотъ человѣкъ, требовавшій, чтобъ его называли «господиномъ и богомъ» (dominus et deus) ([4]). Поэтому Тацитъ, оплакивая преждевременную смерть своего тестя, замѣчаетъ: «за преждевременную смерть онъ понесъ съ собой утѣшеніе, что ускользнулъ отъ того послѣдняго времени, когда Домиціанъ уже не съ промежутками и отдыхами, а безъ остановки и какъ бы однимъ натискомъ рѣшился раздавить республику. Не видѣлъ Агрикола, продолжаетъ Тацитъ, осажденной куріи и запертаго оружіемъ сената, не видѣлъ онъ одновременнаго побоища столькихъ людей, принадлежавшихъ къ консульскому званію, ссылки и бѣгства столькихъ знатныхъ женщинъ.

([1]) Pl. Ep VII, 33.

([2]) Agr. 45. При кончинѣ Агриколы Масса былъ только подъ судомъ, tum reus erat.

([3]) Corn. Taciti opera, editio steoret., Lips. 1855. См. Пред. p. X.

([4]) Suet. Dom. XIII.

Только по одной побѣдѣ цѣнился тогда Каръ Мецій (1), только внутри албанскаго замка раздавался кровавый приговоръ Мессалина (2) и Масса Бебій (3) тогда находился подъ судомъ. Но вскорѣ наши собственныя руки повели въ темницу Гельвидія, вскорѣ насъ поразило зрѣлище Маврика и Рустика (4) и обагрила насъ невинная кровь Сенеціона. Неронъ покрайней мѣрѣ отварачивалъ глаза, онъ приказывалъ убійства, но несмотрѣлъ на нихъ. При Домиціанѣ верхомъ несчастія было видѣть и быть видимымъ, когда считались наши вздохи, когда съ этимъ свирѣпымъ лицомъ, краснота котораго предохраняла его отъ стыда, онъ пристально разсматривалъ блѣдность на столькихъ лицахъ. Счастливъ ты, Агрикола, не только славой своей жизни, но и тѣмъ, что умеръ заблаговременно» (5)! Много погибло въ то время народу, принадлежавшаго къ образованному и высоко стоявшему по политическому положенію классу (6), изгнаны были изъ Рима философы (въ 94 г.), «чтобъ ничего честнаго больше не встрѣчалось (7)» тамъ, и ужасъ царствовалъ въ Римѣ, пока наконецъ виновникъ его не

---

(1) Это былъ знаменитый доносчикъ, упоминаемый Плиніемъ (Ep. 1, 5; VII, 27) Марціаломъ (12,25) и Ювеналомъ (1,36).

(2) Juv. XI, 115: Grande et conspicuum sui temporis monstrum. См. Pl. Ep. V, 22; Aurel. Vict. Epit. 12.

(3) Прокураторъ провинціи Бетики. См. о его процессѣ Pl. Ep. VII, 33.

(4) Это были братья, изъ которыхъ одинъ (Юній Маврикъ) долженъ былъ идти въ изгнаніе, въ то время какъ другой (Аруленъ Рустикъ) былъ казненъ. См. примѣчаніе Вальха, р. 424. Всѣ четверо; Гельвидій Прискъ, Маврикъ, Аруленъ Рустикъ и Геренній Сенеціонъ были стоики. См. о Гельвид. Tac. Hist. IV, 5; Suet. Dom. 10, о Маврикѣ Hist. IV, 40; о Рустикѣ An. XVI, 26; Hist. III, 80; Agr. 2; о Сенец. Agr. 2; Pl. Ep. III, 11; IV, 7; Dio 67. 13.

(5) Agr. 44—46.

(6) Suet. Dom. 10 и слѣд.

(7) Agr. 2.

погибъ отъ рукъ своихъ друзей отпущенниковъ 18 сентября 96 г. (849). (1) Судьба спасла Тацита среди этихъ ужасовъ смерти, хотя, занимая видное мѣсто въ сенатѣ, какъ бывшій преторъ, онъ могъ каждую минуту привлечь на свою голову несчастіе. Спасеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ отчасти тому благоразумному поведенію, той сдержанности, которую онъ такъ одобряетъ въ своемъ тестѣ, доказавшемъ, по его мнѣнію, что «и при худыхъ государяхъ могутъ быть великіе люди» (2). При разборѣ сочиненій историка, мы увидимъ, что его политическимъ принципомъ вообще была *умѣренность*, оказавшая ему при Домиціанѣ не малую услугу.

Такимъ образомъ Тациту удалось, послѣ пятнадцати лѣтъ самаго ужаснаго деспотизма, увидѣть то хорошее время, когда по его словамъ, можно было «чувствовать, что хочешь, и говорить, что чувствуешь» (3), и когда не казались несовмѣстными принципатъ и свобода—явленія «дотолѣ непримиримыя» (4). Въ счастливый и прославленный имъ вѣкъ, принесенный вступленіемъ въ управленіе Нервы, онъ вступилъ консуломъ. Годъ своего консульства (97 отъ Р. Х., 850 Рима) онъ ознаменовалъ превосходною, по словамъ Плинія (5), рѣчью, произнесенною надъ гробомъ Вергинія Руфа, о чемъ было уже нами упомянуто по другому случаю. Съ этогоже времени начинается періодъ той литературной дѣятельности Тацита, которая и послужила предметомъ настоящаго сочиненія. Въ слѣдъ за тѣмъ политическое поприще Тацита оканчивается, по крайней мѣрѣ для насъ, по отсутствію свѣденій. Надобно думать однако, что Тацитъ и

---

(1) Suet. Dom. 17.
(2) Agr. 42.
(3) Hist. I, 1.
(4) Agr. 3.
(5) Pl. Ep. II, 1.

въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ него, ибо онъ взялъ на себя огромный трудъ—написать исторію отъ смерти Августа до правленій Нервы и Траяна включительно. Планъ исторіи, какъ мы увидимъ дальше, у него мѣняется нѣсколько разъ, но потребность работы все усиливается. Прежде всего онъ издаетъ жизнеописаніе Агриколы, гдѣ обѣщается приступить къ исторіи «рабства» прежнихъ лѣтъ и затѣмъ въ параллель ей засвидѣтельствовать о счастіи современныхъ ему дней ([1]), но вмѣсто того выпускаетъ этнографическое сочиненіе о Германіи. Оканчиваетъ наконецъ исторію рабства, начавши ее періодомъ междуусобныхъ войнъ, послѣдовавшимъ за смертью Нерона, но не исполняетъ обѣщанія—изобразить время Нервы и Траяна. Въ замѣнъ того онъ описываетъ болѣе трудное для историка время отъ смерти Августа до консульства Гальбы. На половинѣ этой работы онъ приходитъ къ мысли взяться за исторію самаго Августа, но, по всей вѣроятности, умираетъ, не окончивши ея. Такимъ образомъ трудно полагать, чтобы, среди такой массы ученой работы, Тацитъ не переставалъ заниматься государственными дѣлами, и мы согласны думать, что нѣсколько лѣтъ спустя послѣ своего консульства историкъ нашъ совсѣмъ сошелъ съ политической арены.

Намъ остается лишь отмѣтить нѣсколько фактовъ, которыми мы владѣемъ для продолженія біографіи Тацита, и за тѣмъ она окончена. Въ 100 (853) г. Тацитъ вмѣстѣ съ Плиніемъ данъ былъ Сенатомъ въ адвокаты Африканцамъ, обвинявшимъ своего бывшаго проконсула, Марія Приска по закону о взяткахъ. Въ этомъ процессѣ, который надѣлалъ, какъ видно изъ письма Плинія ([2]), много шуму въ Римѣ, и которому назначенные Сенатомъ адвокаты позаботились придать всю важность, обвиняя проконсула съ своей стороны еще въ звѣрской же-

---

([1]) Agr. 3.
([2]) Pl. Ep. II, 11.

стокости, Тацитъ ознаменовалъ себя блистательною рѣчью, по поводу которой Плиній указываетъ особенную черту въ краснорѣчіи Тацита, какое-то величіе, возвышенность (σεμνότης) (1). Къ слѣдующему году относится, по соображенію Массона (2) то письмо (3) Плинія къ Тациту, въ которомъ первый проситъ своего друга присмотрѣть между окружавшей его молодежью людей, которыхъ бы Плиній могъ пригласить въ учителя для вновь открываемой школы въ его отечественномъ городѣ Комо (Novum Comum). Письмо это свидѣтельствуетъ, что Тацитъ, какъ ораторъ, имѣлъ также ревностныхъ почитателей своего таланта между молодыми людьми, искавшими съ нимъ знакомства, какъ самъ онъ въ юности былъ обожателемъ Апра и Ю. Секунда, изъ устъ которыхъ онъ ловилъ каждое слово (4). Затѣмъ хронологическія данныя изъ жизни Тацита исчезаютъ въ римской литературѣ. Обстоятельство это служитъ новымъ подтвержденіемъ высказанному мною мнѣнію, что Тацитъ сошелъ уже въ это время съ политическаго поприща, посвятивши себя всецѣло исторіи. Но жизнь Тацита однако еще не совсѣмъ скрылась изъ нашихъ глазъ. Въ 1820 и 1830 годахъ открыто по частямъ въ виноградникѣ Санте Аммендолы на via Appia близъ Рима завѣщаніе (5) нѣкоего Дазумія, документъ чрезвычайной важности для науки, какъ единствен-

(1) Ibid.
(2) Masson, Plinii Secundi vita, Amstelod. 1709, p. 118.
(3) Pl. Ep. IY, 13.
(4) Dial· de orat., 2.
(5) См. о немъ: Rhein. Mus. 1827 г. Tom. 1, fasc. 3., p. 249; Annali dell'instituto della corrispondenza archeologica, vol. III, p. 388—статья Амброша; Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, 12 том., 3 тетр., Берл. 1845.

Документъ этотъ (testamentum Dasumii) я разсматривалъ внимательно въ бытность мою въ Римѣ. Онъ находится теперь въ сѣняхъ у входа въ біблiотеку Института археологической корресподенціи, на Капитоліѣ.

ное въ такой полнотѣ дошедшее до нас изъ—до христіанскаго періода Рима завѣщаніе. Въ числѣ наслѣдниковъ Дазумія стоятъ рядомъ имена Тацита съ Плиніемъ, изъ которыхъ каждому отказывается по «два фунта золота». Завѣщаніе Дазумія составлено, какъ видно изъ 123 строки его, въ консульство Элія Адріана и Требація Приска, т. е. въ 109 (862) г. Этимъ документомъ подтверждаются и слова Плинія, указывающаго между прочимъ на завѣщанія, какъ доказательство общественнаго мнѣнія о тѣсной дружбѣ между имъ и нашимъ историкомъ (1). Сколько лѣтъ жилъ послѣ того Тацитъ—неизвѣстно. Но основываясь на замѣчаніи (2) его о восточной границѣ римской имперіи, слѣдуетъ полагать, что онъ жилъ еще и писалъ свою «лѣтопись» между 115 годомъ нашей эры, когда персидскій заливъ сдѣланъ былъ Траяномъ восточною границею римскихъ владѣній (3) и 117 г., когда эти границы были потеряны Адріаномъ (4). Такимъ образомъ Тацитъ прожилъ покрайней мѣрѣ около 65 лѣтъ. Неизвѣстно ничего о томъ, какъ долго съ нимъ жила жена его, дочь Агриколы, и имѣлъ ли онъ отъ ней дѣтей. Впрочемъ послѣднее едвали подлежитъ сомнѣнію, потому что императоръ 3-го вѣка (276 г.. Клавдій Тацитъ (5) и Полемій, преторіанскій префектъ 479 года считали себя его потомками (6).

---

(1) Pl. Ep. VII. 20: eadem legata, et quidem pariter accipimus.

(2) Ann. II, 61.

(3) Eutrop. VIII, 3. См. также примѣчаніе Ниппердея къ An. II, 61 въ его изд.

(4) Spart., Hadr. 5; Eutr. VIII, 6.

(5) Vopis. Tac. 10.

(6) Sid. Apol. ep. IV, 14.

ГЛАВА II.

Объ отношеніяхъ Плинія къ Тациту.

Біографію Тацита нельзя окончить, не сказавши нѣсколько словъ о человѣкѣ, которому мы обязаны почти всѣми свѣдѣніями о нашемъ историкѣ, и который находился съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Дѣло идетъ о Плиніѣ Цециліѣ Секундѣ, обыкновенно извѣстномъ подъ именемъ Плинія *Младшаго* (junior), и такъ названномъ въ отличіе отъ его знаменитаго дяди и усыновителя Г. Плинія Секунда, или Плинія *Старшаго* (major). До сихъ поръ я не говорилъ о нравственныхъ свойствахъ Тацита, а разсказывалъ, на сколько это возможно при существующихъ источникахъ, только внѣшнее теченіе его жизни. Такъ поступилъ я въ намѣреніи вывести нравственную личность историка изъ разбора его сочиненій, которому преимущественно посвящается эта книга. Нужно, чтобъ эта замѣчательная личность обрисовалась передъ нами мало по малу и сама собою со всѣхъ сторонъ, съ которыхъ только намъ позволяетъ разсматривать ее современное состояніе источниковъ. Желая говорить теперь о другѣ Тацита и объ отношеніяхъ, въ которыхъ выражалась эта дружба двухъ знаменитыхъ людей траянова вѣка, я думаю, что тѣмъ кладется начало ближайшему знакомству съ историкомъ.

Плиній Младшій родился въ 62 г. по Р. Х. въ Цизальпинской колоніи Comum,—городѣ находящемся и до сихъ поръ на берегу комскаго озера (Lacus Larius въ древности). Рано лишившись отца, онъ получилъ воспитаніе подъ руководствомъ

своего опекуна ([1]), извѣстнаго намъ уже, Вергинія Руфа, и дяди своего натуралиста Плинія Старшаго, который даже усыновилъ себѣ племянника ([2]). Учителями его были Квинтиліанъ и жрецъ Никита ([3]), знаменитые риторы того времени. Рано Плиній началъ говорить на форумѣ судебныя рѣчи ([4]), скоро пріобрѣлъ этимъ нѣкоторую популярность ([5]) и успѣшно прокладывалъ себѣ дорогу къ государственнымъ должностямъ. Въ 100 г. Траянъ назначилъ его консуломъ. Принадлежа по рожденію и потомъ по общественному положенію къ хорошему обществу, Плиній принадлежалъ и къ очень богатымъ людямъ своего времени. У него было нѣсколько роскошныхъ помѣстій, куда онъ удалялся изъ Рима проводить время отъ времени часы досуга. Его Lavrentinum находилось не далеко (въ 17 миляхъ) отъ Рима, по близости къ Остіи. Оно было расположено на берегу тирренскаго моря въ хорошемъ климатѣ и давало великолѣпный видъ съ одной стороны на море, съ другой—вдоль берега, усѣяннаго роскошными виллами. Описаніе этого помѣстья сдѣлано самимъ Плиніемъ въ письмѣ къ Галлу ([6]). Другое замѣчательное помѣстье Туски (Tusci) особенно нравилось его владѣтелю. Оно находилось неподалеку отъ истоковъ Тибра на склонѣ Апеннинъ и имѣло вокругъ себя великолѣпную панораму роскошной природы, гдѣ съ одной стороны рисовались своими мягкими и лѣсистыми склонами величественные Апеннины, съ другой глаза встрѣчались съ зелеными лугами, бѣжавшими къ Тибру. Плиній приходитъ въ поэтическій восторгъ при описаніи своей виллы другу своему

---

(1) Ep. II, 1.
(2) Ep. V. 8.
(3) Ep. II 14; VI, 6.
(4) Ep. V. 8.
(5) Ep. I. 18.
(6) Ep. II. 17.

Аполлинарію (1). Кромѣ того, у него были виллы (2) въ Тускулумѣ, въ Тибурѣ (Тиволи), Пренесте и нѣсколько виллъ при комскомъ озерѣ, изъ которыхъ двѣ, устроенныя на манеръ виллъ байскаго берега (more Bajano) ему особенно нравились. Человѣкъ гуманный, Плиній не жалѣлъ денегъ для того, чтобы помочь находившемуся въ крайности бѣдному другу, (3) не прочь былъ построить на свой счетъ храмъ (4) въ городѣ, котораго онъ былъ въ Римѣ патрономъ, или оказать помощь сиротамъ своей комской общины, открыть для ней школу и библіотеку (5), равно какъ всегда готовъ былъ употребить свое вліяніе и краснорѣчіе на защиту праваго дѣла, (6) или на осужденіе вреднаго для общества человѣка (7). Онъ принадлежалъ къ самымъ образованнымъ людямъ своего времени Но его образованіе не отличалось ни глубиной ученаго, ни силой талантливаго человѣка; это было образованіе свѣтскаго человѣка, любившаго писать стихи (8), читать ихъ публично и друзьямъ (9), человѣка, который думалъ взяться за исторію, не умѣя самъ выбрать предмета (10), но который всегда былъ въ состояніи произнести судебную рѣчь (11). Его

---

(1) Ep. V, 6.
(2) Ibid.
(3) Ep. II, 4; III, 11; VI, 32 и др. Послѣдняя цитата указываетъ на письмо, въ которомъ Плиній назначаетъ отъ себя въ приданое дочери Квинтиліана 50,000 сестерцій (2,500 руб. сер.). Но по всей вѣроятности тутъ дѣло идетъ о какомъ нибудь другомъ Квинтиліанѣ, а не объ извѣстномъ учителѣ риторики и авторѣ institutio oratoria. См. примѣчаніе Морица Дёринга въ его изданіи. том 2-й стр. 65.
(4) Ep. IV, 1.
(5) Ep. VII. 18; IV, 13; I, 8.
(6) Ep. VI, 29; V, 14.
(7) Ep. II, 11; III, 9.
(8) Ep. IY, 14; V, 3. 11; VII, 4; IX, 16.
(9) Ep. V, 3; VII, 4; VIII. 21, и др.
(10) Ep. V, 8.
(11) См. выше.

письма, которыя онъ писалъ такъ охотно, видимо подражая Цицерону, свидѣтельствуютъ, что Плиній былъ человѣкъ вкуса, замѣчательной ловкости въ словѣ, способный говорить хорошо и пріятно о пустякахъ, человѣкъ благородный, симпатичный, съ тактомъ и гуманностью. Изъ множества рѣчей говоренныхъ имъ, до насъ дошла только одна, «похвальное слово Траяну». Не смотря на всю заботливость, съ какою рѣчь эта писана и отдѣлана, несмотря даже на вторичную ея переработку ([1]), въ которой мы ее читаемъ, это—все-таки жалкій образецъ упавшаго краснорѣчія, гдѣ съ недостаткомъ мысли и непритворнаго паѳоса напрасно борется антитезъ и всякая пикантная фраза. Это не краснорѣчіе республиканскаго времени, живое по содержанію, энергическое по чувствамъ любви и ненависти, порывистое по духу партій, смѣлое по политической свободѣ, а декламація умершей политической жизни, тощее, безъ силы и безъ мысли краснорѣчіе. Вообще о Плиніѣ надобно сказать, что въ его сочиненіяхъ лежитъ передъ нами разительный примѣръ утонченаго образованія въ Римскомъ обществѣ 1-го и 2-го вѣка имперіи, гдѣ есть все, кромѣ творческой силы, которая бы свидѣтельствовала о жизни развивающейся, и недостатокъ которой всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ упадка націи, или утомленной и истощившейся на время, или и вовсе сдѣлавшейся неспособною продолжать свое развитіе. Читая Плинія и его современниковъ нельзя не видѣть, что эта роскошная съ виду литература— послѣднее выраженіе великихъ, но угасающихъ преданій великаго народа, привлекательное, но вечернее сіяніе въ умственной атмосферѣ изумительной цивилизаціонной силою націи. Періодъ времени, послѣдовавшій за смертію Тацита, Плинія и Ювенала доказалъ эту истину очевиднымъ образомъ.

([1]) Ep. III, 18.

Собранныя въ десяти книгахъ письма Плинія представляютъ большой интересъ для изученія общественныхъ и литературныхъ нравовъ той эпохи. Письма эти написаны человѣкомъ, который находился въ сношеніяхъ со всѣми представителями интеллигенціи своего времени. Число его корреспондентовъ доходитъ до 113 человѣкъ. (1) Какъ ни любопытно было бы заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ писемъ Плинія къ разнымъ лицамъ, особенно для знакомства съ литературными отношеніями того времени, но я принужденъ въ настоящемъ случаѣ отказаться отъ этой работы, имѣя своею задачею въ этой главѣ—разсмотрѣніе отношеній Плинія только къ Тациту. Изъ писемъ Плинія къ Тациту видно, что они жили между собою въ тѣсной дружбѣ, начало которой относится къ очень раннему времени, и основаніемъ которой служило единство занятій. Интересно въ этомъ случаѣ слѣдующее письмо Плинія, (2) которое я считаю нужнымъ передать вполнѣ. «Я прочиталъ твою книгу, пишетъ Плиній, и какъ нельзя внимательнѣе отмѣтилъ въ ней, что́, на мой взглядъ нужно измѣнить, и что выкинуть, ибо я также привыкъ говорить тебѣ правду, какъ ты охотно выслушивать ее. Да и никто съ такимъ терпѣніемъ не выноситъ упрековъ, какъ тотъ, кто особенно заслуживаетъ похвалъ. Теперь я ожидаю отъ тебя своей книги съ твоими замѣчаніями. Пріятная, прекрасная взаимность! Какъ это утѣшительно, что если только потомству будетъ дѣло до насъ, то всегда будутъ разсказывать, въ какомъ мы жили согласіи, въ какой простотѣ и вѣрности! То будетъ рѣдкій и замѣчательный примѣръ, что два человѣка, по лѣтамъ почти ровесники, не безъ имени въ литературѣ (принужденъ отзываться и о тебѣ

---

(1) Merival, History of the Romans under the empire. volum. VII, p. 314, London, 1862.

(2) Ep. VII, 20.

скромнѣе, потому что о себѣ тутъ вмѣстѣ говорю), поощряли одинъ другаго въ занятіяхъ. Еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, когда ты процвѣталъ уже извѣстностью и славою, я желалъ за тобой слѣдовать, быть и считаться ближайшимъ къ тебѣ, хотя и при далекомъ между нами разстояніи. Было не мало знаменитыхъ талантовъ: но ты казался мнѣ (къ тому вело сходство въ натурахъ) такимъ, которому особенно можно и особенно должно мнѣ было подражать. Тѣмъ больше поэтому я радуюсь, что, какъ только зайдетъ рѣчь о литературныхъ занятіяхъ, то насъ называютъ вмѣстѣ, и что гдѣ только заговорятъ о тебѣ, тамъ тотчасъ и обо мнѣ рѣчь. Есть люди, которыхъ ставятъ выше обоихъ насъ: но мнѣ нѣтъ нужды до того, на какомъ мѣстѣ насъ соединяютъ, ибо для меня первое то, которое къ тебѣ самое близкое. (1) Ты могъ замѣтить даже, что и по завѣщаніямъ мы получаемъ одни и тѣже легаты и даже поровну, развѣ кто ужъ особенно друженъ съ однимъ изъ насъ. Все это указываетъ на то, что мы тѣмъ пламеннѣе должны любить другъ друга, что насъ соединяютъ столькими узами занятія, нравы, молва и наконецъ послѣдняя воля (2) людей. Прощай.» Плиній издалъ свои письма безъ всякаго хронологическаго порядка, въ чемъ признается и самъ онъ (3); потому намъ нельзя опредѣлить времени, къ которому относится это письмо. Но важность его остается таже самая. Оно свидѣтельствуетъ, что дружба Тацита съ Пливіемъ была настоящей дружбой, что она началась въ ихъ молодые годы (можетъ быть въ школѣ Квинтиліана, какъ я еще прежде высказалъ эту догадку)

---

(1) Текстъ въ послѣднихъ двухъ строкахъ испорченъ. Мой переводъ рознится отъ обыкновеннаго толкованія.

(2) Suprema judicia Такое значеніе приписывалось завѣщаніямъ и въ то время точно также, какъ и въ наше.

(3) Ep. I, 1.

и что она была извѣстна обществу. Плиній тѣмъ больше цѣнилъ эту дружбу, что видѣлъ въ ней залогъ славы своего имени въ потомствѣ, о чемъ онъ заботился, какъ истый Римлянинъ.

Слѣдующее письмо особенно характеристично: оно показываетъ, какъ высоко смотрѣлъ на Тацита Плиній, ревниво заботившійся о славѣ. Дѣло идетъ тутъ о томъ, что Плиній передаетъ Тациту ходъ процесса извѣстнаго намъ уже Массы Бебія, (1) въ осужденіи котораго Плиній, въ качествѣ адвоката, даннаго провинціи Бетикѣ отъ сената, принималъ дѣятельное участіе. (2) «Я предсказываю и предсказаніе меня не обманываетъ, что твои исторіи будутъ безсмертны; тѣмъ болѣе (признаюсь благородно) я желаю попасть въ нихъ. Ибо если мы обыкновенно заботимся о томъ, что бы лице наше изображалось лучшими художниками, то какъ же намъ не желать, чтобы дѣянія наши были описаны и оцѣнены подобнымъ тебѣ писателемъ?»

Не знаемъ, на сколько страдалъ тщеславіемъ Тацитъ, но у Плинія страсть эта видна постоянно. Въ особенности интересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій разсказъ его въ письмѣ къ Максиму. (3) Письмо это начинается признаніемъ Плинія, что неоднократно его заслуги получали торжественную похвалу въ судахъ коллегіи ста мужей, неоднократно выражалъ ему и сенатъ свою признательность; «но никогда, продолжаетъ онъ, не получалъ я такого удовольствія, какое недавно доставилъ мнѣ разсказъ Корнелія Тацита. Сидѣлъ съ нимъ, разсказывалъ онъ, на послѣднихъ играхъ въ циркѣ одинъ римскій всадникъ. Послѣ разныхъ ученыхъ разговоровъ всадникъ этотъ спросилъ Тацита: «ты итальянецъ или про-

(1) Agr. 45.
(2) Ep. VII, 33.
(3) Ep. IX, 23.

винціалъ?» тотъ отвѣчалъ: «ты знаешь меня и именно по литературнымъ трудамъ.» На это онъ: «Тацитъ ты, или Плиній?» Не могу выразить, какъ мнѣ пріятно, что наши имена обозначаются въ литературѣ, какъ бы имена не людей, а самой литературы.» Письмо это Плиній заключаетъ такими словами: Неужели я не долженъ радоваться знаменитости моего имени? но я радуюсь и говорю, что радуюсь; и небоюсь показаться слишкомъ хвастливымъ, потому что произношу о себѣ не свое, а чужое мнѣніе.»

Тацитъ съ своей стороны считалъ Плинія человѣкомъ здраваго ума и вкуса. Я приводилъ уже одно письмо Плинія, гдѣ говорится о книгѣ присланной этому послѣднему для просмотра и рецензіи Тацитомъ. Въ письмѣ, (¹) которое сейчасъ будетъ приведено, говорится о другой книгѣ, посланной Тацитомъ своему другу съ тою же цѣлью. «Ни какъ учитель учителю, пишетъ Плиній, ни какъ ученикъ ученику (какъ ты пишешь), но какъ ученику учитель (ибо ты учитель, а я наоборотъ; поэтому ты меня и зовешь въ школу, а я досихъ поръ тяну сатурналіи) послалъ ты свою книгу. Я не могъ дольше продолжать гибербатонъ (фиг. словоизмѣненія см. Квинт. VIII, 6, 22) и тѣмъ самымъ доказывать, что я не только твоимъ учителемъ, но и ученикомъ–то не долженъ называться. Возьму однако роль учителя и покажу на твоей книгѣ право, которое ты мнѣ далъ; и это я буду дѣлать тѣмъ свободнѣе, что не намѣренъ въ это время послать тебѣ ничего такого, гдѣ бы ты могъ отомстить за себя. Прощай.»

Въ свою очередь Плиній спрашиваетъ мнѣнія Тацита объ одномъ вопросѣ, касающемся ораторскаго искусства, (²) именно о томъ, чѣмъ рѣчь больше выигрываетъ сжатостью, крат-

---

(¹) Ep. VIII, 7.
(²) Ep. I, 20.

костью, или полнотою на цицероновскій манеръ. Плиній, какъ ученикъ Квинтиліана, держался послѣдней теоріи. Доказывая справедливость ея въ длинномъ письмѣ, онъ заключаетъ его такъ: «вотъ мое мнѣніе, я измѣню его, если ты съ нимъ не согласенъ, только ты, пожалуйста, объясни отчетливо, почему ты не согласенъ. Хотя мнѣ и слѣдуетъ уступить твоему авторитету, однако справедливѣе, полагаю, въ такомъ дѣлѣ уступить разумному убѣжденію, чѣмъ авторитету.»

Такъ жили между собой два блистательныхъ представителя литературы Траянова вѣка. Ихъ корреспонденція производитъ на насъ во всякомъ случаѣ пріятное впечатлѣніе. Замѣчательно, что нѣтъ ни одного письма Плинія къ Тациту, гдѣ бы ни слова небыло сказано о литературѣ. Не рискуя ошибиться, можно сдѣлать предположеніе, что такой тонъ корреспонденціи былъ данъ Тацитомъ, потому что въ отношеніи другихъ друзей письма Плинія представляютъ очень разнообразный характеръ. Поэтому, еслибы даже до насъ и не дошли произведенія Тацита, свидѣтельствующія такъ ясно объ огромной учености и высокомъ литературномъ образованіи ихъ автора, мы могли бы по однимъ письмамъ Плинія заключить о сильной любви Тацита къ литературѣ и ученымъ занятіямъ. Изъ этихъ писемъ видно, что историкъ нашъ велъ ту серьёзную жизнь, гдѣ не было мѣста ни чудовищному разврату того времени, ни пріятной праздности, въ которой проводили большую часть времени римскіе вельможи. Вотъ почему Плиній никогда не могъ говорить о своемъ другѣ безъ особеннаго уваженія. Напр. къ Фундану (¹) Плиній пишетъ: «Азинія Руфа я люблю особенно. Это человѣкъ безподобный и другъ людей добрыхъ. Почему же не считать мнѣ и себя въ числѣ добрыхъ людей. Онъ тоже особенно близокъ къ Корнелію Тациту (самъ знаешь—къ какому че-

(¹) Ep. IV, 15.

ловѣку!). Поэтому если нравимся тебѣ мы оба, то необходимо ты долженъ питать тѣже чувства и къ Руфу, такъ какъ для основанія дружбы служитъ самою крѣпкою связью сходство нравовъ.» Нравственныя воззрѣнія Тацита мы увидимъ изъ его сочиненій, но во всякомъ случаѣ отзывъ о немъ лучшихъ людей его времени долженъ имѣть не малую важность. Отъ дальнѣйшихъ заключеній о Тацитѣ изъ писемъ Плинія я удерживаюсь изъ опасенія, чтобы разныя предположенія, не имѣя въ свое подтвержденіе осязательныхъ фактовъ, не показались читателю скорѣе риторической болтовней, чѣмъ серьёзнымъ изложеніемъ мыслей, свойственнымъ ученому изслѣдованію.

ГЛАВА III.

Періодъ литературной дѣятельности Тацита до историческихъ трудовъ.—Dialogus de oratoribus.

Предметъ, подлежащій изслѣдованію въ началѣ этой главы, окруженъ такимъ мракомъ, что требуется не малая смѣлость, чтобы рѣшиться разсматривать его. Сочиненія, о которыхъ должна итти сейчасъ рѣчь, потерялись, не оставивши никакого слѣда послѣ себя. Между тѣмъ ихъ было не мало, какъ можно заключать и изъ разныхъ указаній Плинія, и изъ того, что до появленія въ свѣтъ перваго дошедшаго до насъ съ нѣсколько опредѣленной датой сочиненія (Агрикола) прошли цѣлыхъ двѣ трети жизни Тацита. А если мы при этомъ возьмемъ во вниманіе раннюю славу нашего историка о которой свидѣтельствуетъ Плиній, (1) его необыкновенную

---

(1) Ep. VII, 20.

даровитость и замѣчательную выработку слова уже въ первомъ дошедшемъ до насъ сочиненіи, то предположеніе о немаломъ количествѣ литературныхъ трудовъ Тацита до вступленія въ управленіе государствомъ Нервы дѣлается еще вѣроятнѣе. Сочиненія эти должны были принадлежать главнымъ образомъ къ ораторскому роду, потому что таково было приготовленіе Тацита къ общественной дѣятельности, какъ мы знаемъ изъ собственныхъ словъ его объ отношеніяхъ, въ какихъ онъ находился къ тогдашнимъ корифеямъ форума ([1]); свидѣтельство Плинія о двухъ рѣчахъ произнесенныхъ имъ въ важныхъ случаяхъ (*См. выше*), равно какъ и о томъ, что вокругъ Тацита собиралась толпа студирующей молодежи, приводитъ насъ къ тому же заключенію. Въ отсутствіи сколько-нибудь положительныхъ свѣденій по этому предмету мы можемъ отчасти винить Плинія, который издавая въ свѣтъ свои письма, не придалъ имъ никакого хронологическаго порядка. Быть можетъ, еслибы намъ была извѣстна хрологогія писемъ Плинія, мы могли бы отдѣлить въ его указаніяхъ историческія и неисторическія сочиненія Тацита. Но теперь нѣтъ никакой возможности узнать, чтó это за двѣ книги, которыя онъ присылалъ Плинію для просмотра: ([2]) историческія ли это сочиненія, или ораторскія, или реторическія, или наконецъ поэтическія, рѣшить этого никакъ нельзя. Что Тацитъ занимался и поэзіей, подобно тому, какъ Плиній (См. выше въ предыдущей главѣ) и другіе римскіе литераторы, это очень вѣроятно; даже одно изъ писемъ къ нему Плинія ([3]) удостовѣряетъ насъ въ томъ. Но такъ какъ

([1]) Dial. 2.

([2]) Ep. VII, 20; VIII, 7.

([3]) Ep. IX, 10. Плиній говоритъ, что поэмы пишутся, по мнѣнію Тацита, съ наибольшимъ удобствомъ среди рощъ и лѣсовъ. Нѣкоторыми учеными письмо это приписывается самому Тациту, однако безъ основанія.

мы не имѣемъ изъ стихотвореній Тацита ни малѣйшаго остатка, то не можетъ быть здѣсь о нихъ и рѣчи. Но объ ораторскихъ его трудахъ мы имѣемъ нѣкоторыя свѣденія, поэтому и остановимся на нихъ. Намъ извѣстны двѣ блистательныя рѣчи Тацита, о которыхъ намъ приходилось уже упоминать. Это надгробная рѣчь ([1]) надъ консуломъ 97 г. Вергиніемъ Руфомъ, которую Плиній превозноситъ до небесъ, и затѣмъ обвинительная рѣчь противъ проконсула Африки Марія Приска, произнесенная въ сенатѣ въ 100 г. ([2]) Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что обѣ эти рѣчи, какъ важныя по обстоятельствамъ, ихъ вызвавшимъ, и замѣчательныя по силѣ краснорѣчія, были въ свое время изданы и читались въ публикѣ. Были произнесены Тацитомъ, по всей вѣроятности, и другія замѣчательныя рѣчи судебныя или похвальныя, но объ нихъ мы не имѣемъ ни какихъ свѣденій. Недавно упомянутое письмо ([3]) Плинія, гдѣ онъ спрашиваетъ мнѣнія Тацита о краткости и полнотѣ ораторской рѣчи, заставляетъ насъ, думать что Тацитъ занимался и теоретическими вопросами по части краснорѣчія (риторикой). Сюда можетъ быть всего приличнѣе отнести и странное указаніе грамматика Фульгенція ([4]) на какую-то facetiarum liber Корнелія Тацита. Справедливѣе впрочемъ свидѣтельство этого грамматика варварскаго времени совершенно оставить безъ вниманія. Ложность цитатъ и даже намѣренный обманъ въ ссылкахъ его доказаны еще Лершемъ ([5]) и въ настоящее время почти ни кѣмъ не подвергаются сом-

---

([1]) Ep. II, 1.
([2]) Ep. II, 11.
([3]) Ep. 1, 20.
([4]) De abstrusis sermonibus. ed. Lersch. Bonn, 1844 p. XXIV: Elogium est hereditas im malo, sicut Cornelius Tacitus in libro Facetiarum ait: cessit itaque morum elogio in filiis relicto См. также изданіе Герлаха и Рота p. 328, Basileae, 1842; изд. Мерцера, 1825 Lips. p. 556.
([5]) Ibid.

нѣнію (1). Кромѣ того имя Корнелія Тацита могло войти въ слѣдствіе невѣжества, или ошибки какого-либо переписчика. Слова «Cornelius» даже во все нѣтъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, а «Tacitus» могло выйти изъ какого нибудь другаго имени, дурно прочитаннаго переписчикомъ, какъ напр. изъ Catius или подобнаго имени (2).

Какъ бы то нибыло, а эти и подобныя сочиненія Тацита для насъ потеряны безвозвратно. Къ счастію изъ всей литературной дѣятельности Тацита, которая была, плодомъ его ораторскаго и риторическаго образованія, уцѣлѣло, хотя и не вполнѣ, чрезвычайно важное сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ «Разговоръ объ ораторахъ» (dialogus de oratoribus). Много было споровъ о томъ, кому принадлежитъ это сочиненіе. Съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый голландскій ученый 16-го и начала 17 в. Юстъ Липсій, считавшійся долгое время въ рѣшеніи филологическихъ вопросовъ оракуломъ, объявилъ, что по слогу «Разговора объ ораторахъ» его никакъ нельзя принять за сочиненіе Тацита, два съ половиною столѣтія ломали себѣ головы филологи надъ рѣшеніемъ вопроса,—кому же принадлежитъ «Dialogus de oratoribus». Одни, не смотря на приговоръ Липсія, принимали авторомъ его Тацита, другіе Квинтиліана, третьи Плинія Младшаго, нѣкоторые Куріація Матерна наконецъ были и такіе, которые оставались въ полнѣйшемъ недоумѣніи на этотъ счетъ. Какъ можетъ вредно дѣйствовать вліяніе авторитетовъ въ наукѣ, это доказано блестящимъ образомъ разработкою вопроса объ авторѣ «dialogus de oratoribus». Кто бы ни занимался этимъ вопросомъ въ послѣднія два столѣтія, Липсіево «stylus abnuit» (3) стояло для вся-

---

(1) Бернгарди, Grundriss der röm. Lit., p. 332 (3-e Bearbeitung).

(2) См. изд. Руперти, praef. XVI.

(3) См. о мнѣніяхъ разныхъ ученыхъ: Fabricii bibl. lat. изд. Ernesti t. II, p. 325; *Ruperti*, предисловіе къ изданію, p. LXIII; Bähr, Geschichte d. rom. Literatur.

каго на дорогѣ пугаломъ, мѣшавшимъ взяться за дѣло безъ предубѣжденія. Даже въ послѣднее время, когда мнѣнія о принадлежности этого сочиненія стали рѣшительно склоняться въ пользу Тацита, одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ Германіи бывшій бреславльскій профессоръ Газе, разсматривая этотъ вопросъ сначала на двухъ страничкахъ очень мелкой печати, отнимаетъ это сочиненіе у Тацита, а потомъ на трехъ страничкахъ распространяется о томъ, что препятствій къ признанію «Разговора объ ораторахъ» за произведеніе Тацита собственно нѣтъ никакихъ (¹). Нечего и говорить объ ученой толпѣ, для которой, по слабости собственной мысли, мнѣніе авторитета всегда было самымъ вѣрнымъ мнѣніемъ. Не входя въ безполезный разборъ мнѣній разныхъ ученыхъ, я намѣренъ приступить къ самому дѣлу и заняться рѣшеніемъ вопроса тѣмъ простымъ путемъ, который, къ сожалѣнію, часто опускается изъ виду при научныхъ изслѣдованіяхъ.

«Dialogus de oratoribus» дошелъ до насъ въ связи съ другими сочиненіями Тацита въ нѣсколькихъ кодексахъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ для этого сочиненія считается кодексъ Неаполитанскій (Codex Neapolitanus, или Farnesianus). Въ немъ равно какъ и въ четырехъ ватиканскихъ манускриптахъ (№ № № № 1518, 1862, 2964 и 4498) сочиненіе это подписывается: C. Corn. Taciti Dialogus de oratoribus, а въ Вѣнскомъ кодексѣ оно носитъ названіе: C. Corneli Taciti Dialogus de oratoribus suis et antiquis comparatis (²). Въ первое изданіе сочиненій Тацита, вышедшее въ Венеціи въ 1470 и называющееся editio Spirensis (по имени типографа) вошелъ также и Dialogus de oratoribus. Затѣмъ извѣстный грамматикъ 15-го в. Pomponius Sabinus тоже не имѣлъ сомнѣнія въ принадлежности «Dialogus» Тациту, когда, дѣлая примѣчанія къ стихо-

(¹) C. Tac. opera. ed. Haase. Lips. 1855. praef p. XV—XX.
(²) См. Rupert praef. p. CVIII—CX.

творенію de obitu Maccenatis, замѣтилъ: C. Tacitus appellat scripta Maccenatis calamistros; при этомъ грамматикъ имѣлъ въ виду извѣстное мѣсто въ Dialogus c. 26 (¹). Такимъ образомъ, свидѣтельство манускриптовъ, ученаго грамматика 15 в. и первыхъ изданій (²) доказываютъ, что основаніемъ, по которому «Dialogus» сочтенъ произведеніемъ Тацита, служатъ тѣ же самыя какъ дипломатическія такъ и другія преданія, по которымъ опредѣлена принадлежность Тациту и другихъ его мелкихъ сочиненій. Надобно замѣтить, что «Dialogus de oratoribus» ни въ одномъ, до насъ дошедшемъ, кодексѣ не стоитъ отдѣльно, а всегда, напротивъ, въ связи съ другими сочиненіями Тацита (³).

Преданія въ дѣлѣ утвержденія древняго сочиненія за тѣмъ, или другимъ авторомъ имѣютъ, безъ сомнѣнія, важное значеніе. Но нѣтъ нужды рѣшать настоящій вопросъ на основаніи однихъ преданій: есть доказательства, основанія, внутреннія, находящіяся въ самомъ сочиненіи и рѣшающія вопросъ положительно въ пользу Тацита. Такъ въ одномъ изъ писемъ Плинія (⁴) къ Тациту говорится: «Итакъ отдыхаютъ поэтическія произведенія, которыя, *по твоему мнѣнію*, всего удобнѣе слагаются *среди лѣсовъ и рощъ*» (inter nemora et lucos). Таже самая мысль, которую здѣсь приписываетъ Плиній Тациту, высказывается дважды авторомъ «Dialogus». Въ концѣ 9 главы такъ говоритъ Аперъ, уговаривая Матерна перестать заниматься поэзіей: «прибавь къ этому (къ тому что раньше сказано), что поэтамъ, если только они хотятъ произвести что-нибудь достойное, надобно отказаться отъ бесѣды съ друзь-

---

(¹) **Malim** hercle C. Gracchi impetum aut L, Crassi maturitatem, quam *calamistros Maecenatis*.

(²) См. Ruperti, praef. p. CX. и слѣд.

(³) См. *Lange*. Dialogus de oratoribus Tacito vindicatus въ Vermischte Schriften p. 4. Leipz. 1832.

(⁴) Ep. IX, 10.

ями и пріятностей городской жизни, надобно оставить другія обязанности, и какъ они сами говорятъ, удалиться *въ лъса и рощи*, т. е. въ уединеніе. Въ началѣ 12 гл. говорится о тѣхъ же самыхъ «рощахъ и лѣсахъ», какъ уединеніяхъ, нужныхъ для поэта. Есть тоже очевидное сходство въ описаніи золотого вѣка въ Annales III, 26 и въ Dialogus 12. Есть много сходствъ въ сужденіяхъ о лицахъ «Разговора» и другихъ сочиненій Тацита, равно какъ и въ обыкновенныхъ выраженіяхъ (1). За тѣмъ, «Разговоръ объ ораторахъ» написанъ для человѣка (Фабія Юста) (2), находившагося въ дружескихъ связяхъ съ Плиніемъ, слѣдовательно не чуждаго и Тациту. Кромѣ этихъ доказательствъ въ пользу Тацита есть и другія, очень важныя. Такъ событіе самаго разговора падаетъ на время, когда Тацитъ былъ именно очень молодымъ человѣкомъ, какъ говоритъ о себѣ авторъ «Разговора»: (3) оно происходило въ 75 г. нашей эры; (4) когда Тациту было 21—22 году отъ роду. Наконецъ нужно прибавить и то, что изъ всѣхъ современниковъ Тацита, нельзя найти человѣка, обладавшаго такой силой ума и такой энергіей слова, какія блещутъ въ каждой строкѣ этого первокласнаго произведенія римской литературы, и какія такъ много напоминаютъ Тацита.

Мнѣнія тѣхъ, которые приписываютъ это сочиненіе Квинтиліану, не выдерживаютъ въ настоящее время никакой критики. Квинтиліанъ, учитель Плинія, а можетъ быть и Тацита, въ 75 г. не былъ далеко уже juvenis admodum, имѣя больше 30 лѣтъ отъ роду и преподавая въ Римѣ риторику

---

(1) См. Lange, стр. 8 и 9 въ указанномъ мѣстѣ; Ruperti; praef. p. LXVI и т. д.
(2) Ep. I, 4; VII, 2; I 5.
(3) Dial. 1.
(4) Dial. 17, 24.

при Веспасіанѣ (¹). Еще меньше могъ быть его учителемъ Юлій Секундъ, котораго авторъ діалога слушалъ съ такою жадностью. (Dial, 2), и котораго Квинтиліанъ (²) называетъ своимъ *ровесникомъ* и другомъ. Удивительно послѣ этого, какъ Липсій (См. его изд. 1585) могъ принять Квинтиліана (³) за автора Dialogus de oratoribus, и тѣмъ удивительнѣе, что не дошедшая до насъ книга Квинталіана «de causis corruptae eloquentiae (⁴), которую Липсій и его послѣдователи, въ особенности Гейманъ, принимали за тождественную съ «Dialogus de oratoribus», имѣла далеко не то содержаніе, какое принадлежитъ разговору объ ораторахъ» (⁵). Но всего яснѣе несостоятельность этого мнѣнія доказывается тою разницею во взглядахъ, какая существуетъ между Institutio oratoria и Dialogus de oratoribus Для примѣра слѣдуетъ указать взглядъ того и другого сочиненія на Цицерона (⁶). Въ то время, какъ Квинтиліанъ возноситъ знаменитаго оратора республики до небесъ, авторъ «Разговора» находитъ въ немъ очень много недостатковъ.

Еще менѣе основательно мнѣніе Наста. (⁷) приписывавшаго «Dialogus de oratoribus» Плинію Младшему. Оно нашло себѣ послѣдователей, (⁸) какъ находитъ ихъ всякое нелѣпое и

(¹) Hieron. in chr. Euseb. a 88.

(²) Inst. or. X. 3. 12.

(³) Въ послѣдствіи Липсій отказался отъ этого мнѣнія, не рѣшаясь произносить никакого опредѣленнаго мнѣнія объ авторѣ Dialogus.

(⁴) Inst. or. VI, prooem. 3.

(⁵) См. Inst. orat. VIII, 3, 58; II. 4, 42; V, 12, 23.

(⁶) См. Q. inst. or. X, 1, 105—113; VIII 3, 64. 66; XII, 1, 9. 20; XII, 11, 28. Dial. 22.

(⁷) Его переводъ Діалога на нѣм. языкъ, Halle 1787, стр. 10 и слѣд. См. опроверженіе Экштейна, Prolegomena in Taciti, qui vulgo fertur, Dialogum. de oratoribus, Halis Saxonum, 1835, p. 47 и слѣд.

(⁸) Frotscher, ed. Quint. X, p. 152; Hesse, dissert. de C. Caec. Plinio min, dialogi de oratoribus auctore въ Jahrbüch. der Pädag. zu Magdeb., VI, 1831.

странное мнѣніе. Основаній для этого мнѣнія нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что «Dialogus» былъ написанъ для Фабія Юста, друга Плинія (см. выше). Но разрушать на одномъ этомъ основаніи дипломатическія преданія, по которымъ сочиненіе приписывается единственно Тациту, принести ему въ жертву и всѣ другія соображенія въ пользу Тацита (см. выше) не возможно даже по требованію простаго смысла, не говоря уже о научной критикѣ. Что же касается до другихъ доказательствъ, приводимыхъ Настомъ въ пользу своего мнѣнія, то они не стоятъ не только опроверженія, но и упоминовенія. (¹).

Точно также слѣдуетъ оставить безъ вниманія какъ мнѣніе тѣхъ, которые приписываютъ «Dialogus» Светонію, такъ и тѣхъ, которымъ казалось возможнымъ найти искомаго автора въ М. Валеріѣ Мессалѣ, или въ Куріаціѣ Матернѣ (одномъ изъ дѣтствующихъ лицъ въ Dialogus). Мнѣнія эти не имѣютъ за себя ничего, кромѣ оригинальности.

Вообще единственное, по видимому, серьёзное возраженіе противъ мнѣнія, мною защищаемаго, заключается въ указаніи на разницу слога «Dialogus» съ прочими сочиненіями Тацита. Съ этимъ возраженіемъ нельзя не имѣть разсчета; къ тому же оно принадлежитъ Липсію, человѣку, который какъ справедливо замѣтилъ Дёдерлейнъ, (²) съ такою любовію занимался Тацитомъ, что читая и перечитывая его сочиненія, изучилъ ихъ до слова и сдѣлался самъ какъ бы вторымъ Тацитомъ. Но какъ бы ни много значилъ въ подобныхъ дѣлахъ авторитетъ Липсія, мы сейчасъ увидимъ, что мнѣніе (³) его не отличается большой глубиной соображенія.

(¹) Между прочимъ можно видѣть перечень ихъ у Руперти ed. Tacit, praef. LXXII.

(²) См. предисловіе ко 2-му тому изд. Тацита, стр. XX; Halis, 1847.

(³) См. примѣч. Липсія къ Dial. de oratoribus. Вотъ его слова. «Stylus valde abnuit, non fallax in hoc genere argumentum. qui in nostro con-

Правда ли, что нѣтъ никакого сходства въ слогѣ «Діалога» съ другими сочиненіями Тацита? Если сравнить мѣста, приведенныя Беттихеромъ (1) изъ annales и historiae Тацита, гдѣ этому послѣднему приходится говорить объ ораторахъ и краснорѣчіи, съ соотвѣтствующими мѣстами въ «Діалогѣ», то куда дѣвается эта разница въ слогѣ, обличающая будто бы разныхъ писателей? Беттихеръ, занимавшійся Тацитомъ не меньше Липсія и дѣйствительно изучившій каждое слово его, что доказываетъ составленный имъ къ Тациту лексиконъ, дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Въ отдѣльныхъ словахъ Діалога, равно какъ въ связи и построеніи словъ *есть многое, что или ниукого другаго, кромѣ Тацита, не встрѣчается, или встрѣчается у него всего чаще и въ постоянномъ употребленіи.*» (2) А что разница въ слогѣ историка и автора «Діалога» довольна значительна, то это—самое естественное явленіе, ибо слогъ одного и тогоже автора необходимо обусловливается предметомъ сочиненія, тѣмъ болѣе оно естественно въ настоящемъ случаѣ, что авторъ «Діалога» (какъ бы предчувствуя, что найдутся люди, подобные Липсію) напередъ заявляетъ, что передаетъ намъ живую рѣчь каждаго изъ разговаривающихъ лицъ (3) iisdem numeris iisdemque rationi-

---

strictus ubique, teres, acutus, et severus magis, quam lepidus: hic (въ Діалогѣ) omnia contra. At mutari is in aetate aut argumento potest, inquiunt. Non nego. sed nunquam ita, ut abeat prorsus a sese. Quid quid Cicero scripsit, senex, juvenis, philologum, philosophum; in iis lineamenta apparent ejusdem viri et vultus. Nec aliter fit in omnibus nobis.

(1) Lexicon Taciteum, proleg. p. XI.

(2) Ibid. p. XII. См. также Eckstein, Prolegomena in Taciti Dial. de orator. p. 79. Halis Saxonum. 1835.

(3) Dial. 1. Такъ какъ Тацитъ не могъ спустя нѣсколько лѣтъ помнить хорошо, производившагося въ 75 г., спора, то онъ долженъ былъ

bus Ланге въ упомянутыхъ уже нами сочиненіи ([1]) дѣлаетъ замѣчаніе, что самъ Липсій въ разныя времена писалъ самымъ различнымъ образомъ. Впрочемъ сходство въ манерѣ писать автора annales и historiae съ манерой автора «Dialogus» очень большое: тоже стремленіе къ сентенціямъ, та же любовь къ остроумію и другія свойства стиля Тацита, съ какими мы знакомы по неоспориваемымъ ни кѣмъ сочиненіямъ Тацита, бросаются въ глаза и въ «Діалогѣ.» ([2]) Читатель видитъ, что единственное, повидимому, серьёзное возраженіе противъ принадлежности Тациту «Разговора объ ораторахъ» слишкомъ слабо или лучше слишкомъ неосновательно, чтобъ служить поводомъ къ дальнѣйшему продолженію спора.

«Разговоръ объ ораторахъ» есть произведеніе чрезвычайной важности въ исторіи римской литературы. Здѣсь передъ нами живой памятникъ не только теорій краснорѣчія, но и вообще умственнаго настроенія въ римскомъ обществѣ первой половины 2-го вѣка имперіи. Читая его, мы становимся лицемъ къ лицу съ передовыми представителями интеллигенціи того времени и слышимъ изъ собственныхъ устъ ихъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находились они къ обществу и правительству, какъ смотрѣли на настоящее и какъ относились къ прошедшему. Поэтому мы обратимъ особенное вниманіе на разсмотрѣніе содержанія этого сочиненія.

Нѣкто Фабій Юстъ, другъ Плинія и Тацита, просилъ неоднократно этого послѣдняго дать свое мнѣніе о причинахъ упадка въ Римѣ краснорѣчія. Въ отвѣтъ на это Тацитъ рѣшился сообщить ему замѣчательный разговоръ, происходившій въ его молодые годы между главнѣйшими представителями

конечно поддѣлываться подъ чужую рѣчь, что̀ въ особенности налагало на его слогъ чужую печать.

([1]) Dialogus de oratoribus Tacito vindicatus p. 11 въ Vermischte Schrift.

([2]) См. Lange, стр. 12.

трибуны Веспасіанова времени о томъ же самомъ предметѣ Вотъ какъ происходилъ этотъ разговоръ.

По случаю нѣкотораго шума въ Римѣ, возбужденнаго трагедіею «Катонъ,» которую съ оппозиціонною цѣлью прочелъ публично Куріацій Матернъ, пришли къ нему Маркъ Аперъ и Юлій Секундъ, самые знаменитые таланты римскаго форума того времени. Куріацій Матернъ прежде занимался самъ адвокатурой, но наскучивъ ею, обратился къ поэзіи, употребляя ее, какъ оружіе, съ которымъ онъ нападалъ на сильныхъ людей времени. Пришедшіе къ нему гости, а въ особенности Аперъ, Галлъ по происхожденію ([1]), стали уговаривать хозяина бросить поэзію, какъ занятіе пустое и въ тоже время не безопасное, и снова обратиться къ краснорѣчію. Съ жаромъ и ловкостью начинаетъ доказывать Матерну Аперъ превосходство краснорѣчія надъ поэзіей (гл. 5—11). Онъ выставляетъ Матерну на видъ, какъ велика польза, которую можно приносить краснорѣчіемъ друзьямъ, обществу и себѣ самому, и ссылается между прочимъ на примѣръ Эпрія Марцелла, который заставилъ силой своего слова замолчать въ сенатѣ философа Гельвидія Приска, ([2]) онъ указываетъ на славу, почетъ, извѣстность въ Римѣ и провинціяхъ, такъ легко, по его мнѣнію, пріобрѣтаемы ораторомъ и такъ трудно дающіяся поэтамъ; наконецъ богатство и даже политическое значеніе служатъ наградой, по его мнѣнію, не поэзіи, а краснорѣчію (гл. 8). Чтобы придать своей рѣчи больше дѣйствія на Матерна, онъ унизительно отзывается о поэзіи. «Кому, говоритъ онъ, польза, если у тебя (у Матерна) Агамемнонъ или Язонъ краснорѣчиво говорятъ»? (гл. 9). И какая слава отъ стиховъ? «Посредственныхъ поэтовъ не знаетъ никто, а хорошихъ знаютъ не многіе» (гл. 10). И что за поль-

---

([1]) Dial. 9

([2]) См. Hist. IV, 6—9.

за подвергаться опасности не изъ–за друга какого–нибудь, а изъ–за Катона? и т. д. На пикантную и отчасти отзывающуюся фанфаронствомъ рѣчь Апра, Матернъ отвѣчаетъ спокойно, что его безопасность находитъ себѣ лучшую защиту «въ невинности, чѣмъ въ краснорѣчіи,» а слава, какая у него есть, пріобрѣтена имъ скорѣе стихами, чѣмъ рѣчами (гл. 11). Въ доказательство несправедливаго замѣчанія Апра о невниманіи публики къ поэтамъ, онъ ссылается на примѣръ Виргилія, который пріобрѣлъ поэзіей такую славу, что когда въ театрѣ были прочитаны его стихи, то весь народъ всталъ и воздалъ ему тѣже почести, какія онъ воздавалъ Августу (гл. 13). Аперъ выставлялъ невыгоду поэтическихъ занятій еще въ томъ отношеніи, что для поэта, желающаго произвести что нибудь высокое, требуется удаленіе отъ шума городской жизни и друзей въ лѣса и рощи, въ уединеніе (гл. 9); Матернъ замѣчаетъ на это, что наслажденіе уединенной бесѣды съ музами въ лѣсахъ и рощахъ онъ далеко предпочитаетъ тревожной и суетливой жизни форума (гл. 12 и 13).

Но вотъ входитъ въ спальню къ Матерну человѣкъ высокаго образованія, поклонникъ блестящаго краснорѣчія временъ республики и знаменитый ораторъ своего времени, Випстанъ Мессала. Съ его приходомъ завязывается тотъ живой разговоръ, на которомъ сосредоточивается весь интересъ и значеніе написаннаго Тацитомъ сочиненія,

Въ самомъ дѣлѣ сейчасъ будетъ разрѣшаться передъ нами споръ двухъ разныхъ эпохъ цивилизаціи римскаго народа. Хотя въ частности споръ этотъ ведется о краснорѣчіи, но онъ вызываетъ невольно на сцену всѣ характеристическія черты обѣихъ эпохъ, ибо краснорѣчіе въ Римѣ стояло въ слишкомъ тѣсной связи съ исторіей народа. Аперъ становится защитникомъ краснорѣчія своего времени. Это, какъ было уже упомянуто, не Римлянинъ и не Итальянецъ, а Галлъ,

по происхожденію; пришедши въ Римъ искать счастья, онъ добился высокихъ государственныхъ должностей, до претора включительно ([1]) и занималъ кресло въ сенатѣ. Какъ выходцу, ему не были своими преданія прежняго времени Рима, ему не жаль было прошедшаго, онъ былъ вполнѣ доволенъ тѣмъ, что, при новомъ порядкѣ вещей, ему удалось пробить себѣ политическую дорогу и составить состояніе. Тацитъ былъ очень хитеръ, выбравши защитникомъ упадка краснорѣчія такого человѣка.

Завязывается споръ между Апромъ и Мессалой. Матернъ и Ю. Секундъ обѣщаются принять въ немъ также участіе. Объявивши себя защитникомъ своего времени, Аперъ хочетъ прежде всего сбить Мессалу съ толку, прикидываясь, что онъ не понимаетъ, почему Цицерона, Цезаря, Брута, Азинія Полліона и др. считаютъ ораторами, принадлежащими къ другому времени, почему называютъ ихъ «древними» (antiqui), когда отъ смерти Цицерона прошло всего только 120 лѣтъ (гл. 17). Онъ находитъ, что форма краснорѣчія измѣнилась, но что это очень естественное явленіе, зависящее отъ простой перемѣны времени, какъ это было и прежде. «Такъ Г. Гракхъ, говоритъ онъ, въ сравненіи съ старымъ Катономъ, полнѣе и плодовитѣе, такъ Крассъ обработаннѣе и красивѣе Гракха, обоихъ ихъ опредѣленнѣе, изящнѣе и возвышеннѣе Цицеронъ, а Корвинъ мягче, пріятнѣе и болѣе обработанъ въ выраженіяхъ чѣмъ Цицеронъ. Я не ищу здѣсь, кто изъ нихъ наиболѣе краснорѣчивъ; но доволенъ тѣмъ, что доказалъ этимъ, что у краснорѣчія не одна физіономія, но что даже и у тѣхъ, которыхъ вы называете древними, замѣчается много видовъ краснорѣчія. И не должно торопиться называть худшимъ то, что различно; но это зависитъ отъ человѣческой злобы, что всегда хвалятъ древнее и порицаютъ настоящее» (гл. 18).

([1]) Dial. 7.

Затѣмъ Аперъ указываетъ на то, что были порицатели и Цицерона, и Брута, и Кальва, и самъ высчитываетъ недостатки древнихъ ораторовъ, длинноту ихъ рѣчей и всю риторическую обстановку этихъ послѣднихъ, находя, что вкусъ его времени не могъ бы выносить краснорѣчія такого рода. Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, если со времени Кассія Севера краснорѣчіе пошло по другой дорогѣ, то это не зависѣло отъ недостатка талантовъ или отъ невѣжества ораторовъ, а происходило совершенно разумно и сознательно. «Кто теперь можетъ выносить оратора, говорящаго прежде всего о слабости своего здоровья, какъ начинаются почти всѣ рѣчи Корвина? Кто будетъ ожидать теперь пяти книгъ противъ Верреса?» (гл. 20) Въ настоящее время требуютъ отъ рѣчей быстроты, блеска, остроумія, краткости сентенцій, изящества и поэтическихъ красокъ. «И наши рѣчи не производятъ меньшаго дѣйствія отъ того, что доходятъ до ушей судей съ пріятностью. За чѣмъ считать храмы нашего времени менѣе прочными потому, что они строятся не изъ безобразнаго кирпича съ грубымъ цементомъ, но блестятъ мраморомъ и золотомъ»? (гл. 20). Обращаясь къ древнимъ, Аперъ находитъ что многое въ краснорѣчіи того времени можетъ только возбуждать смѣхъ, а многое наводитъ сонъ на читателя. Рѣчь свою онъ оканчиваетъ обращеніемъ къ собесѣдникамъ, которыхъ онъ упрашиваетъ прославить свое время особенно блестящимъ краснорѣчіемъ, гдѣ хорошія стороны ораторскаго искусства прежней эпохи должны быть соединены съ новымъ вкусомъ и требованіями своего времени (гл. 23).

Въ рѣчи своей Аперъ выказалъ не мало таланта и много ловкости спорить. Ему удалось доказать, что прославляемое совершенство древнихъ ораторовъ не такая истина, которую бы можно было принимать безъ критики, онъ стремился также доказать историческую законность новаго характера краснорѣчія своего времени, но доказательства его были поверхно-

стны, — онѣ опирались только на внѣшнюю сторону дѣла. Аперъ не хотѣлъ понять, что разница между новымъ и древнимъ краснорѣчіемъ заключается главнымъ образомъ не въ формѣ, а въ содержаніи, и что блескъ формы никогда невознаградитъ за внутреннюю пустоту, которая во время имперіи обусловливалась ничтожностью роли общественныхъ дѣятелей. Поэтому публика, къ которой была обращена рѣчь Апра, не поколебалась ни на минуту въ своемъ убѣжденіи о превосходствѣ древняго краснорѣчія передъ новымъ. Апру отвѣчалъ Мессала.

Прежде, чѣмъ приступить прямо къ изложенію причинъ упадка краснорѣчія, Мессала счелъ нужнымъ опровергнуть мнѣніе Апра о часто мѣняющемся характерѣ краснорѣчія. Есть, говоритъ онъ, особенности въ рѣчахъ Кальва, Азинія, Цезаря, Брута, Цицерона, но у всѣхъ у нихъ—одно и тоже *здоровое* краснорѣчіе и какъ ни различны ихъ таланты, они обличаютъ сходство и родство между собою (25). Затѣмъ, указывая на сущность краснорѣчія древнихъ, Мессала говоритъ, что онъ предпочитаетъ «порывистость Г. Гракха и зрѣлость Л. Красса кудреватости (¹) Мецената и бряцанью Галліона: что по его мнѣнію, «лучше если ораторъ является въ мохнатой тогѣ, чѣмъ подрумяненный и въ платьѣ развратной женщины. То не ораторскіе пріемы, даже и не пріемы мущины, которые въ такой модѣ у ораторовъ нашего времени, если они тривіальностью выраженій, легкостью мнѣній и вольностью сочиненія подражаютъ пріемамъ комедіантовъ, и, что даже слышать не прилично, многіе въ замѣнъ почета, славы и таланта, хвалятся тѣмъ, что ихъ рѣчи можно пѣть и танцовать. Отсюда эта гнусная, хотя и обыкновенная у нѣкоторыхъ людей, похвала на выворотъ, что ораторы наши нѣжно говорятъ, а

(¹) Calamister или calamistrum значитъ собственно щипцы для завивки волосъ.

актеры краснорѣчиво танцуютъ. Конечно я не стану отрицать что Кассій Северъ, котораго одного осмѣлился поименовать нашъ Аперъ, въ сравненіи съ тѣми, которые за нимъ слѣдовали, можетъ быть названъ ораторомъ, хотя онъ въ большей части своихъ сочиненій обнаруживаетъ больше порывистости, чѣмъ воодушевленія. Будучи первымъ, который пренебрегъ послѣдовательностью, отбросилъ въ сторону скромность и стыдъ въ выборѣ словъ, онъ не искусно владѣетъ даже тѣмъ самымъ оружіемъ, за которое взялся; желая поразить противника, но большею частью отражаемый, онъ не сражается, а бранится. Впрочемъ, какъ я сказалъ, въ сравненіи съ послѣдующими ораторами,, онъ и разнообразіемъ учености, и привлекательностью остроумной рѣчи, и крѣпостью самихъ силъ стоитъ далеко выше другихъ, изъ которыхъ Аперъ ни кого не пробовалъ назвать, и, такъ сказать, вывести на поле битвы. А я ожидалъ, что послѣ нападокъ на Азинія, Целія, Кальва, онъ выведетъ передъ нами другой строй ораторовъ, и поименуетъ еще большее число или ужъ всячески столько же ораторовъ, изъ которыхъ бы можно было одного противопоставить Цицерону, другаго Цезарю и такъ далѣе ставить одного противъ другого.» (гл. 26).

Не успѣлъ еще Мессала кончить на эту тему, какъ его прерываетъ Матернъ напоминаніемъ, что онъ взялся раскрыть причины разницы въ краснорѣчіи между древними и новыми ораторами, и что преимущество первыхъ предъ послѣдними и безъ того хорошо извѣстно.

Какія-же причины, по мнѣнію Мессалы, произвели въ Римѣ упадокъ краснорѣчія? Не недостатокъ талантовъ, а недостатокъ хорошаго воспитанія и обученія содѣйствовалъ этому упадку (гл. 28). Мессала начинаетъ рисовать картину современнаго воспитанія въ параллель древнему и указываетъ на то, что прежде ребенокъ росъ на рукахъ матери и близкихъ родственниковъ, а теперь онъ сосетъ молоко греческой служанки,

повѣряется попеченію одного или нѣсколькихъ рабовъ, обыкновенно негодяевъ и людей, неспособныхъ ни къ какой другой работѣ. Съ раннихъ лѣтъ дитя слушаетъ рѣчи такихъ людей и никому нѣтъ нужды, что̀ передъ нимъ говорится и дѣлается. Не видя хорошаго примѣра и въ родителяхъ, ребенокъ свыкается за тѣмъ съ деморализующими вліяніями столичной жизни. Школа даетъ ему тоже мало хорошаго (29). За тѣмъ Мессала переходитъ къ ораторскому образованію (гл. 30). Прежде требовалось для оратора основательное научное приготовленіе по всѣмъ отраслямъ знанія: при этомъ Мессала ссылается на Цицерона, который изучивши у Квинта Муція гражданское право, у академика Филона и стоика Діодота прошедши основательно всѣ части философіи, предпринялъ путешествіе по Греціи и Малой Азіи, изучая все, что только достойно любопытства. Теперь же, говоритъ онъ (гл. 31), учатся въ риторскихъ школахъ декламировать на разныя выдуманныя и неправдоподобныя темы, изощряя только языкъ и голосъ. По мнѣнію Мессалы, ораторомъ можетъ назваться тотъ, кто о всякомъ вопросѣ можетъ говорить прилично, красиво, убѣдительно и къ пользѣ слушателей, приспособляясь къ предмету и ко времени (гл. 30). А современные Мессалѣ ораторы не знаютъ ни законовъ, ни сенатскихъ постановленій, смѣются надъ гражданскимъ правомъ и боятся философіи; поневолѣ должны они загнать краснорѣчіе въ нѣсколько мыслей и узкія сентенціи (32).

Мессала не хочетъ продолжать далѣе раскрытія причинъ паденія краснорѣчія, предоставляя теперь рѣчь другимъ собесѣдникамъ; но его просятъ продолжать, и онъ начинаетъ говорить о практическомъ приготовленіи оратора (33,34). Прежде приготовлялись къ ораторскому поприщу не только школой и наукой, но и самой жизнію: такъ молодой человѣкъ отдавался подъ руководство какого-нибудь уже знаменитаго оратора, за которымъ онъ вездѣ слѣдовалъ и въ судахъ и собрані-

яхъ, внимая его рѣчамъ. Слушалъ онъ и другихъ ораторовъ, посѣщалъ форумъ, суды, привыкалъ къ судебной практикѣ и знакомился какъ съ судьями, такъ и съ публикой. Въ противоположность этому, современные ораторы приготовляются въ риторскихъ школахъ, «гдѣ, не легко сказать, мѣсто ли самое, товарищи, или родъ занятій причиняютъ болѣе вреда талантамъ» (гл. 35). Въ школахъ этихъ преподаются два рода краснорѣчія: увѣщательное и судебное (Sщasoriae et controversiae). Увѣщательнымъ родомъ краснорѣчія занимаются ученики помоложе, а судебнымъ, какъ болѣе труднымъ, занимаются уже тѣ, которые постарше. Этимъ послѣднимъ даютъ самыя странныя темы: награды за цареубійство, о средствахъ противъ язвы, о кровосмѣшеніи и т. п. однимъ словомъ такія темы, на которыя или рѣдко, или вовсе неприходится говорить на форумѣ.

Окончанія рѣчи Мессалы нѣтъ въ сохранившихся манускриптахъ. Съ 36 гл. идетъ уже рѣчь Матерна, начало которой тоже потеряно.

Расположеніе разговора сдѣлано Тацитомъ весьма искусно Чтобы выяснить вполнѣ вопросъ о современномъ краснорѣчіи или, лучше объ его упадкѣ, онъ поручаетъ сначала Апру высказать все, что можно, въ пользу новаго краснорѣчія. За тѣмъ выступаетъ на сцену Мессала, человѣкъ столько же рѣшительнаго мнѣнія противъ ораторовъ имперіи, сколько у Апра было энергіи защищать ихъ. Теперь беретъ слово Матернъ. Онъ разбираетъ вопросъ гораздо глубже, чѣмъ прежде говорившія лица. Читая внимательно рѣчь Матерна, нельзя не придти къ мысли, что авторъ «Разговора» вложилъ въ Матернову рѣчь собственную мысль (¹) или главную мысль своего сочиненія. Матернъ беретъ вопросъ съ политической сто—

(¹) То же самое мнѣніе высказываетъ Вестерманъ, въ Geschichte der Beredsamkeit in Griechenland und Rom 2-er Theil, § 84, p. 235.

роны и ставитъ, какъ и слѣдуетъ, краснорѣчіе въ связь съ общею жизнію государства.

«Великое краснорѣчіе, какъ пламя, питается матеріей, возбуждается движеніями и свѣтитъ, когда пылаетъ. Таже самая причина произвела и у насъ краснорѣчіе древнихъ. Если ораторы нашего времени достигли въ краснорѣчіи того, что можетъ дать устроенное, спокойное и счастливое государство, то прежніе при тѣхъ смутахъ и вольности достигали большаго, потому что при общемъ смѣшеніи безъ единаго управителя, каждый ораторъ значилъ столько, насколько онъ могъ убѣждать заблуждающійся народъ. Отсюда постоянно новые законы и стремленіе къ популярности имени, отсюда постоянныя воззванія къ народу властей, почти цѣлыя ночи проводящихъ на трибунѣ, отсюда обвиненія сильныхъ и вражда направленная противъ ихъ семействъ; отсюда заговоры знати и вѣчная борьба сената съ народомъ. Все это, конечно, разстроивало республику, но упражняло и высоко награждало краснорѣчіе того времени, потому что чѣмъ сильнѣе кто былъ словомъ, тѣмъ легче пріобрѣталъ почести, тѣмъ скорѣе въ самихъ почестяхъ опережалъ своихъ товарищей, тѣмъ больше снискивалъ себѣ уваженія въ сенатѣ, тѣмъ больше извѣстности и имени въ народѣ. Покровительства знаменитыхъ ораторовъ искали иностранные народы; ихъ боялись чиновники, отправляясь на службу въ провинціи и, возвратившись, ухаживали за ними; имъ безъ труда доставались преторскія и консульскія должности; сдѣлавшись даже частными людьми, они не оставались безъ власти, управляя сенатомъ и народомъ своими совѣтами и значеніемъ. Это было для нихъ яснымъ убѣжденіемъ, что безъ краснорѣчія нельзя ни получить, ни удержать за собой виднаго и выдающагося мѣста въ республикѣ» (гл. 36).

Показавши такимъ образомъ, что республика по самой своей сущности не только покровительствовала краснорѣчію,

но даже была связана съ нимъ внутренно, какъ съ однимъ изъ своихъ существенныхъ элементовъ, Матернъ продолжаетъ: «къ этому присоединялся блескъ подсудимыхъ и важность исковъ, что само по себѣ много доставляетъ краснорѣчію. Въ самомъ дѣлѣ очень много значитъ, долженъ-ли ты говорить поповоду воровства, или о постановленіи (formula) и запрещеніи,— или же о подкупѣ народныхъ собраній, о разграбленіи союзниковъ, объ умерщвленіи римскихъ гражданъ. Конечно, лучше, если нѣтъ подобныхъ бѣдствій, и то состояніе гражданскаго общества, въ которомъ мы ничего такого не терпимъ, надобно считать за превосходное, но когда случались подобныя явленія, то доставляли краснорѣчію громадную пищу. Ибо съ важностью обстоятельствъ растетъ сила таланта, и только тогда можно составить блестящую рѣчь, когда есть соотвѣтственый тому предметъ. Я не думаю, чтобъ Димоѳена прославили рѣчи, написанныя имъ противъ своихъ опекуновъ; и Цицерона сдѣлала великимъ ораторомъ незащита Квинтія, или Лицинія Архія, а Катилина, Верресъ, Милонъ, Антоній,—вотъ кто окружилъ его такою славою. Неговорю, что республикѣ стоило терпѣть дурныхъ гражданъ для того, чтобъ ораторы имѣли богатые сюжеты для краснорѣчія, но мы должны помнить о трактуемомъ вопросѣ и знать, что рѣчь идетъ у насъ о предметѣ, для котораго сподручнѣе были бурныя и безпокойныя времена. Ктожъ не знаетъ, что полезнѣе и лучше наслаждаться миромъ, чѣмъ испытывать ужасы войны? Тѣмъ не менѣе войны, а не миръ, образуютъ хорошихъ ратниковъ».

За тѣмъ Матернъ переходитъ къ внѣшней обстановкѣ дѣятельности оратора въ прежнее время и сравнивая ее съ современною, находитъ тоже невыгоды для послѣдней. Прежде ораторъ не былъ ограничиваемъ нѣсколькими часами въ защищеніи дѣла, какъ теперь; а также нельзя опустить изъ виду того, что прежніе ораторы говорили на форумѣ, въ присут-

ствіи претора и многочисленной публики, а не передъ коллегіей ста мужей, что дѣлается въ большинствѣ случаевъ съ тѣхъ поръ, какъ Августъ *«умиротворилъ* краснорѣчіе, какъ и все остальное» (гл. 38).

Къ стѣснительной обстановкѣ при произнесеніи рѣчей въ его время Мессала присоединяетъ и введеніе для адвокатовъ особенныхъ плащей, которые назывались paenulae, ([1]) и имѣли свойство стѣснять свободу движеній оратора; кромѣ того должны были ораторы очень часто говорить теперь въ аудиторіяхъ и въ государственныхъ архивахъ, а не такъ какъ прежде на форумѣ передъ многочисленной публикой, когда ихъ слушали цѣлыя трибы, депутаціи отъ городовъ, когда самъ римскій народъ считалъ дѣломъ своего интереса знать, по какому дѣлу идетъ судъ (гл. 39).

Обращаясь снова къ важности прежде судимыхъ дѣлъ и личностей и къ величію республиканской обстановки, Матернъ прибавляетъ: «Но это великое краснорѣчіе есть питомецъ вольности, которую глупые называютъ свободой, спутникъ возмущеній, подстрекатель необузданнаго народа, не способное къ повиновенію и строгой сдержанности, дерзкое, безразсудное, высокомѣрное, которому нѣтъ мѣста въ хорошо устроенныхъ гражданскихъ обществахъ. Слыхали ль мы о какомъ нибудь ораторѣ изъ Спарты или Крита—государствъ, извѣстныхъ весьма строгими учрежденіями и законами? Точно также не знаемъ мы краснорѣчія ни Македонянъ, ни Персовъ, ни другаго какого народа, который былъ управляемъ крѣпкою властью. Ораторы появились въ небольшомъ числѣ у Родосцевъ, но всего больше ихъ было у Аѳинянъ, гдѣ все могъ дѣлать

([1]) Paenula, φαιλόνης, φαιλώνης, φαινόλης — совершенно тоже самое, что употребляемая въ нашей церкви, Фелонь. См. изображеніе того костюма въ томъ видѣ, въ какомъ его употребляли древніе обыкновенно носившіе его въ дорогѣ и въ ненастную погоду, у Рича: Dictionary of Roman and Greek Antiquities, подъ словомъ paenula.

народъ, все могли дѣлать невѣжды, все, такъ сказать, всѣ! Такъ и съ нашей республикой. Покуда она поддавалась обману, покуда истощала себя партіями, раздорами и несогласіями, пока не было ни мира на форумѣ, ни согласія въ сенатѣ, ни порядка въ судахъ, ни уваженія къ высшимъ, ни сдержанности въ чиновникахъ, она производила болѣе могущественное краснорѣчіе, какъ земля неукрощенная плугомъ производитъ нѣкоторыя травы въ болѣе роскошномъ видѣ. Но ни краснорѣчіе Гракховъ не вознаграждало республику за ихъ законы, ни кончина Цицерона не была такъ хороша, какъ слава его краснорѣчія» (¹) (гл. 40).

Въ слѣдъ за этими примирительными словами, оглядываясь на настоящее, не представляющее ничего бурнаго и необыкновеннаго для судебныхъ дѣлъ, Матернъ старается утѣшить друзей отсутствіемъ необходимости въ хорошихъ ораторахъ. «Какъ наименѣе практики и выгоды имѣетъ медицинское искусство у тѣхъ народовъ, которые пользуются крѣпкимъ здоровьемъ и обладаютъ сильными организмами, такъ и ораторская слава меньше и темнѣе среди добрыхъ нравовъ и людей расположенныхъ къ повиновенію управителю. Какая нужда теперь, въ продолжительныхъ диспутахъ въ сенатѣ, когда благонамѣренные тотчасъ соглашаются? Къ чему теперь часто взывать къ народу, когда государственными дѣлами завѣдуютъ не невѣжды и многіе, а мудрѣйшій и одинъ? Зачѣмъ предпринимать съ охотою обвиненія, когда преступленія такъ рѣдки и такъ не важны? Какой смыслъ имѣютъ эти ненавистныя и превышающія мѣру защитительныя рѣчи, когда милосердіе государя всегда готово итти на встрѣчу подвергающимся опасности?» (гл. 41).

Защитнику древняго краснорѣчія, Мессалѣ хотѣлось поспо-

(¹) Послѣдняя фраза въ подлинникѣ испорчена и до сихъ поръ не имѣетъ опредѣленнаго чтенія.

рить съ Матерномъ, но время было уже слишкомъ позднее, и споръ былъ отложенъ до другаго раза.

Я остановился на содержаніи «Разговора объ ораторахъ» нѣсколько дольше, чѣмъ это лежало въ планѣ моего сочиненія. Но чѣмъ больше я читалъ это высокое произведеніе и вникалъ въ духъ его, тѣмъ больше казалось оно мнѣ важнымъ вступленіемъ къ разбору другихъ сочиненій Тацита. Читатель легко согласится, что главное лицо въ «Разговорѣ» Матернъ. Отъ него идетъ начало спора, онъ и оканчиваетъ его. Матернъ оставилъ краснорѣчіе, которымъ занимался прежде не безъ славы. (гл. 5, 13, 23). Блестящая рѣчь его, которою заканчивается сочиненіе, свидѣтельствуетъ о томъ, что, по его сознанію, прошло время для ораторской дѣятельности (¹), давно уже лишившейся самого жизненнаго своего элемента—свободы (гл. 36 и слѣд.). Онъ признаетъ вполнѣ историческую необходимость такого порядка вещей, хотя и *не безъ ироніи* говоритъ объ «умиротвореніи» краснорѣчія (гл. 38) и отсутствіи въ немъ нужды потому, что государствомъ теперь управляютъ «не невѣжды и толпа, а мудрѣйшій и одинъ» (гл. 40). Ставши на философско-историческую точку зрѣнія, онъ не порицаетъ своего времени на счетъ стараго, какъ это дѣлаетъ поклонникъ послѣдняго Мессала, а нѣкоторымъ образомъ примѣряется съ нимъ во имя общественнаго порядка и спокойствія (гл, 40, 41). Но это примиреніе его съ новымъ порядкомъ—не симпатія къ нему, какъ у Апра, ибо онъ отъ души ненавидитъ тиранновъ и выставляетъ ихъ на позоръ (гл. 2, 3 и 11), за что, по свидѣтельству Діона Кассія (²), онъ долженъ былъ поплатиться жизнію. Съ этимъ Матерномъ, покинувшимъ краснорѣчіе, ненавидѣвшимъ тира-

---

(¹) См. по преимуществу 41 главу.

(²) Dio, 67, 12, Domitianus. *Μάτερνον δὲ σοφιστὴν, ὅτι κατὰ τυράννων εἶπε τι ἄσκων, ἀπέκτεινε.*

новъ и смотрѣвшимъ на римскую имперію съ философско-исторической точки зрѣнія, въ продолженіи этого сочиненія мы не разъ встрѣтимся въ лицѣ самаго Тацита.

Когда написанъ «Dialogus de oratoribus», сказать трудно; но во всякомъ случаѣ—много лѣтъ спустя послѣ описываемаго разговора, происходившаго, какъ мы знаемъ въ 75 г. нашей эры (828 Рима). Къ этому предположенію приводятъ меня слѣдующія соображенія. Во первыхъ то, что Тацитъ, говоря объ Апрѣ и Секундѣ, выражается о нихъ: «знаменитѣйшіе *въ то время* таланты нашего форума». (1) Если такимъ образомъ Тацитъ указываетъ на другое время, то понятно, что время, когда онъ писалъ это сочиненіе, не могло быть близкимъ къ тому, когда происходилъ этотъ знаменитый разговоръ объ ораторахъ. Другое соображеніе состоитъ въ томъ, что если Фабій Юстъ такъ настойчиво (2) обращался къ Тациту, какъ къ авторитету, за рѣшеніемъ вопроса о причинахъ упадка въ Римѣ краснорѣчія, то, конечно, этимъ авторитетомъ не могъ быть очень молодой человѣкъ, какимъ былъ Тацитъ, по собственному признанію (3), во время бесѣды объ ораторахъ. Но главное, это зрѣлость самаго сочиненія, обнаруживающая въ авторѣ столько же солиднаго образованія, сколько крѣпости мысли, такая зрѣлость, которая никакъ не можетъ подать поводъ къ мысли о молодости автора. Поэтому было бы очень удивительно, что Риттеръ (4) относитъ изданіе «Разговора« объ ораторахъ» къ правленію Тита, (т. е. по его мнѣнію, изданіе это сдѣлано только пять лѣтъ спустя послѣ описываемаго разговора), если бы неосторожность въ выводахъ и промахи всякаго рода не были такъ обыкновенны у почтеннаго боннскаго профессора. Несоглашаясь съ Риттеромъ, мы тѣмъ не ме-

(1) Dial. 2. Celeberrima *tum* ingenia fori nostri.
(2) Dial. 1.
(3) Ibid.
(4) См. Предисловіе къ его кембриджскому изданію Тацита. p. XI.

нѣе не можемъ опредѣлить времени написанія и изданія въ свѣтъ «Разговора объ ораторахъ», по неимѣнію положительныхъ данныхъ. Почти всѣ ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, согласны въ томъ, что Dial. de orat. написанъ не раньше правленія Домиціана, но никто изъ нихъ не доказалъ, что сочиненіе это *не могло* быть написано *послѣ* смерти Домиціана. Съ другой стороны ни Эрнести (¹), относящій это произведеніе къ началу 2-го вѣка, на основаніи плохо опредѣленнаго времени введенія между адвокатами обычая надѣвать фелонь (peenula), ни Ниппердей (²) не считающій «Dialogus» раннимъ произведеніемъ между другими, не представили въ пользу своихъ мнѣній ясныхъ доказательствъ. Надобно полагать, что сочиненіе это написано при Домиціанѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ необыкновенно сдержанный тонъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится объ имперіи въ параллель съ республикой; (³) но съ другой стороны по необыкновенной зрѣлости сочиненія, съ какою нейдетъ въ сравненіе жизнеописаніе Агриколы, его хочется отнести къ послѣдующему періоду литературной дѣятельностиТацита (⁴).

(¹) Предисл. къ изд. Тацита.

(²) Введеніе къ изданію «Annales», p. XXXII 3-го изд. 1862.

(³) Слѣдуетъ обратить вниманіе на оговорки въ рѣчи Матерна, когда онъ въ изображеніи силы и блеска республиканскаго краснорѣчія возвышается до поэтическаго тона; въ такихъ случаяхъ онъ напоминаетъ собесѣдникамъ, что онъ-де не одобряетъ того времени, но говоритъ только, что оно полезно было для краснорѣчія (гл. 37, въ двухъ мѣстахъ)-

(⁴) Наиболѣе обстоятельныя соображенія о времени написанія Dialogus de oratoribus находятся у Экштейна, Prolegom, p. 37 и слѣд.

ГЛАВА IV.

Историческія сочиненія Тацита.—Жизнеописаніе Агриколы.—О Германіи.

Первое (¹) историческое сочиненія Тацита есть жизнеописаніе его тестя, Агриколы. Историку было уже сорокъ четыре года, когда онъ выпустилъ въ свѣтъ это сочиненіе. Оно окончено въ зиму $^{97}/_{98}$ г. между 18 сентября, когда Нерва усыновилъ Траяна и 27 Января, когда Нерва скончался (²). На первый взглядъ обстоятельство, что Тацитъ такъ поздно выступилъ на историческое поприще можетъ показаться страннымъ; но на самомъ дѣлѣ оно было естественно. Агрикола умеръ въ 93 году: можетъ быть еще тогда Тацитъ принялся за составленіе біографіи своего тестя, но издать его въ свѣтъ онъ не могъ по причинѣ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, окончившихся лишь съ умерщвленіемъ Домиціана (19 сентября 96 года). Съ глубокою скорбію говоритъ самъ Тацитъ о пятнадцати годахъ Домиціанова правленія, проведенныхъ имъ въ молчаніи (³), но оно было неизбѣжно. Историки Домиціана оставили намъ столь страшныя описанія этихъ пятнадцати годовъ, что трудно вообразить болѣе несчастную эпоху, которую когда либо переживалъ какой нибудь цивилизованный народъ. Въ самомъ дѣлѣ, если только существовалъ когда либо на свѣтѣ среди образованнаго міра настоящій тираннъ, въ дикомъ опьяненіи властью без-

(¹) Agr. 3. Non pigebit *vel incodita ac rudi voce* memoriam prioris servitutis ac testimonium praesentium bonorum composuisse.

(²) Нерва представляется здѣсь уже усыновившимъ Траяна, но еще живымъ, такъ какъ онъ не названъ divus. Agr. 3.

(³) Ibid.

гранично презиравшій родъ человѣческій, то это былъ, конечно, сынъ достопочтеннаго Веспасіана и братъ добродушнаго Тита, Домиціанъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ человѣкѣ Діонъ Кассій:

«Домиціанъ былъ съ одной стороны дерзокъ и раздражителенъ, съ другой—коваренъ и скрытенъ, такъ что въ одномъ отношеніи въ характерѣ его была стремительность, въ другомъ—обманчивость. Много зла совершалъ онъ, нападая на людей съ быстротою молніи, во многихъ случаяхъ злодѣйствовалъ обдуманно... Никого не любилъ онъ истинно, кромѣ нѣкоторыхъ женщинъ, но всегда дѣлалъ видъ, что онъ любитъ того, кого ему особенно хотѣлось умертвить. И въ отношеніи къ тѣмъ, которые дѣлали ему подарки, или услуживали ему въ самыхъ гнусныхъ дѣлахъ, онъ былъ такъ вѣроломенъ, что когда нѣкоторые доставили ему большую сумму денегъ, или сдѣлали много доносовъ, онъ губилъ ихъ тѣмъ не менѣе, и особенно рабовъ, что-нибудь донесшихъ на своихъ господъ» ([1]).

Такъ начинаетъ характеристику Домиціана Діонъ Кассій, подтверждающій ее за тѣмъ множествомъ фактовъ, которыхъ нѣтъ большой нужды приводить въ настоящемъ случаѣ. Достаточно будетъ сказать, что Домиціанъ равно ненавидѣлъ какъ тѣхъ, которые были одного съ нимъ мнѣнія, такъ и тѣхъ, которые мыслили иначе, ([2]) что онъ былъ равно ужасенъ для почитателей своихъ и для не почитателей ([3]). Чтобы имѣть на своей сторонѣ чернь, онъ потѣшалъ ее играми, кормилъ и поилъ виномъ съ баснословной расточительностью ([4]); но чтобъ имѣть для этого деньги, онъ умерще-

([1]) Dio, 67, 1.
([2]) Ibid. 2.
([3]) Ib. 4.
([4]) Ib. 4.

влялъ тѣхъ, имуществомъ которыхъ можно было покрыть его безумныя издержки ([1]) и въ этихъ случаяхъ, по свидѣтельству Светонія, ([2]) онъ не стѣснялся никакими предлогами. Онъ хотѣлъ наполнить цѣлый міръ своими статуями—золотыми и серебрянными. ([3]) Прокураторы его должны были начинать свои циркуляры слѣдующей формулой: «нашъ господинъ и Богъ симъ повелѣваетъ» и не хотѣлъ чтобъ его называли иначе, въ письмахъ, или въ разговорѣ ([4]). Онъ казнилъ одну женщину за то, что, она «раздѣвалась передъ его изображеніемъ» ([5]). Многое множество народа погибло отъ руки этого изверга. Многіе были казнены лишь потому, что занимались философіей; а уцѣлѣвшіе изъ нихъ были выгнаны изъ Рима и Италіи ([6]). Замѣчательна въ этомъ тираннѣ еще та черта злоупотребленія людскимъ терпѣніемъ, что, произнося судебный приговоръ, онъ всегда начиналъ рѣчью о своемъ высокомъ милосердіи въ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ былъ особенно жестокъ ([7]). Не даромъ, когда наконецъ злодѣй былъ умерщевленъ въ своемъ дворцѣ руками своихъ друзей, распространился слухъ, что въ тотъ самый часъ извѣстный чудодѣй Аполлоній Тіанскій будучи на другомъ концѣ Средиземнаго моря, въ Ефесѣ, собралъ около себя народъ, чтобъ обрадовать его вѣстію объ умерщевленіи тиранна ([8]).

Что же можно было Тациту писать, а тѣмъ больше издавать въ такое время? Что бы быть литераторомъ при тѣхъ обстоятельствахъ надобно было быть или такимъ рабомъ, какъ Марціалъ или Стацій, или же на столько неустрашимымъ, какъ

([1]) Ibid.
([2]) Svet., Domit. 12.
([3]) Dio, ibid. 8.
([4]) Svet. Dom., 13.
([5]) Dio ib. 12.
([6]) Dio, ib. 13; Свет. Dom. 10.
([7]) Свет. ibid. 11.
([8]) Dio. ib. 18.

Гельвидій Прискъ, Аруленъ Рустикъ и Геренній Сенеціонъ Неговоря уже объ умѣренномъ направленіи Тацита, здравый смыслъ требовалъ отъ него предпочитать безполезной оппозиціи молчаніе, а рабомъ онъ не былъ созданъ. Нельзя впрочемъ думать, что Тацитъ въ то время былъ совершенно чуждъ литературной дѣятельности; трудно только предполагать, что бы онъ осмѣливался издавать такія сочиненія, какъ дошедшее до насъ жизнеописаніе Агриколы. Поэтому въ сущности ничто не препятствуетъ намъ согласиться съ мнѣніемъ Нибура ([1]), что «Агрикола» имѣлъ два изданія—одно вскорѣ послѣ смерти Агриколы, а другое по умерщевленіи Домиціана—то самое которымъ мы пользуемся; только нужно замѣтить, что Нибурово мнѣніе составлено на основаніи слишкомъ произвольнаго толкованія одного изъ самыхъ испорченныхъ и темныхъ мѣстъ у Тацита ([2]). Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ такое предположеніе, что жизнеописаніе Агриколы написано Тацитомъ вскорѣ по смерти своего тестя, но не было тогда же издано; по умерщевленіи Домиціана, Тацитъ исправилъ его и дополнилъ тѣмъ знаменитымъ предисловіемъ, которое было по всей вѣроятности первымъ столь энергическимъ и краснорѣчивымъ протестомъ противъ злодѣйскаго правленія Домиціана. По мнѣнію Риттера, Тацитъ не только написалъ въ концѣ Домиціанова правленія жизнеописаніе Агриколы и опасался только издать его, но даже у него готовы уже были «исторіи» въ то время, когда Агрикола еще не былъ изданъ ([3]). Увѣреніе Рит-

---

([1]) Kleine historische und philologische Schriften, Erste Sammlung, Bonn. 1828, p 331.

([2]) At nunc (по Нибуру nuper) mihi narraturo vitam defuncti hominis venia *opus fuit* .. Legimus (по Нибуру здѣсь vorlesen) cum... capitale fuisse (по Нибуру fuisset). Agr. 2. Niebuhr, ibidem. См. Примѣчаніе Вальха въ его изданіи 1828 стр. 109 а потомъ 433 и слѣд. См. также Крюкова Observationes ad Taciti Agricolam (докторская диссертація), p. 11 и слѣд.

([3]) Предисловіе къ изданію Тацита, p. XVIII.

тера слишкомъ оригинально и до такой степени лишено всякаго основанія, что нѣтъ нужды и опровергать его. (¹)

Во всякомъ случаѣ положительно извѣстно только то, что первое историческое сочиненіе Тацита—жизнеописаніе Агриколы вышло въ свѣтъ уже во время правленія Нервы. Къ этому нужно прибавить: оно вышло бы раньше, если бъ это было возможно.

На біографію Агриколы нужно смотрѣть не только, какъ на образчикъ обыкновенныхъ въ римской литературѣ жизнеописаній, которыми увѣковѣчивалась память замѣчательнаго, по мнѣнію біографа, человѣка, но и какъ на политическій протестъ противъ Домиціанова правленія, вызванный естественною потребностью изліянія накопившагося въ душѣ негодованія противъ памяти гнуснѣйшаго изъ тиранновъ. При этихъ двухъ точкахъ зрѣнія не надобно опускать изъ виду еще третью, которою указывается политическій принципъ Тацита. Въ первомъ отношеніи біографія Агриколы не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Тутъ разсматривается жизнь человѣка, получившаго довольно хорошее воспитаніе вдали отъ римскаго разврата въ древнѣйшей фокейской колоніи, Массиліи (гл. 4), дѣйствовавшаго потомъ главнымъ образомъ на военной службѣ, почтительнаго къ начальникамъ, (гл. 8), милостиваго къ подчиненнымъ (гл. 9), большаго любителя военной славы, а, главное, умѣвшаго, несмотря на занятіе виднаго мѣста, своею умѣренностью избѣгать Домиціановой ярости (гл. 42). При всемъ стараніи Тацита сдѣлать изъ Агриколы замѣчательную личность, ему это не удается. Но это стремленіе—поднять на степень исторической личности такого человѣка, какъ Агрикола, положимъ, честнаго гражданина и добраго семьянина, усерднаго къ дѣлу служаку, даже

(¹) Мы должны будемъ коснуться этого предмета въ своемъ мѣстѣ см. слѣдующую главу.

не безъ заслугъ для государства, но все таки человѣка, не блистательнаго ни силой талантовъ, ни величіемъ характера, послужило тому причиною, что разсматриваемое сочиненіе далеко на имѣетъ того художественнаго значенія, какимъ обладаютъ въ высокой степени всѣ остальныя сочиненія Тацита. Поставивъ себѣ задачею прославить передъ современнымъ обществомъ и потомствомъ своего тестя, смерть котораго для родственнаго сердца Тацита можетъ быть и дѣйствительно составляла горькую утрату, историкъ нашъ не могъ приступить къ своему, такъ сказать, герою съ тѣмъ глубоко анатомирующимъ анализомъ, черезъ который прошли у него всѣ лица, имѣвшія неоспоримо историческое значеніе. Тоже самое не совсѣмъ естественное отношеніе къ Агриколѣ, какъ къ исторической личности, произвело другую невыгоду, именно то, что тонъ жизнеописанія по мѣстамъ отзывается натянутостью, производящею непріятное впечатлѣніе. «Все что мы любили въ Агриколѣ, такъ заключаетъ Тацитъ біографію своего тестя, все, чему мы удивлялись въ немъ останется и пребудетъ въ душахъ людей, въ вѣчности временъ, въ славѣ дѣяній. Многихъ изъ древнихъ, какъ бы не славныхъ и не знатныхъ, покрыло забвеніе; но Агрикола, въ моемъ повѣствованіи переданный потомству, будетъ безсмертенъ» (¹) То правда, что талантъ Тацита спасъ Агриколу отъ забвенія, равно какъ правда и то, что для многихъ ученыхъ мужей, благодаря высокому значенію Тацита, личность его тестя до сихъ поръ кажется высокимъ идеаломъ (²), но это нисколько не мѣшаетъ намъ во имя научнаго безпристрастія смотрѣть на Агриколу, какъ на самаго обыкновеннаго смертнаго и не признавать

(¹) Agr. 46.

(²) См. по преимуществу Вальха, über Tacitus' Agricola oder die Kunstform der antiken Biographie p. XLIII и слѣд, въ его изданіи Агриколы» Berl. 1828. Статья эта отличается между прочимъ по мѣстамъ непроницаемою тьмою философіи.

за біографіей Тацита высокаго художественнаго достоинства.

По словамъ Тацита, «Агрикола» имъ написанъ только съ цѣлію прославленія своего тестя ([1]). Но нельзя однако не видѣть, что тутъ была и другая цѣль—заклеймить позоромъ нечестивое время правленія Домиціана. Первыя три главы этого сочиненія, какъ можно догадываться, прибавленныя къ составленному уже заранѣе жизнеописанію Агриколы порождены главнымъ образомъ потребностью произнести приговоръ надъ страшной эпохой, въ продолженіи которой, Тацитъ обреченъ былъ на убійственное для сильной души молчаніе. «Подлинно, восклицаетъ онъ изъ глубины сердца, мы дали высокое доказательство терпѣнія; и какъ наши предки были свидѣтелями того, до какой крайности можетъ дойти свобода, такъ мы видѣли послѣднюю степень рабства, послѣ того какъ мы лишены были шпіонствомъ взаимнаго сношенія посредствомъ слова и слуха. Мы потеряли бы съ голосомъ и самую память, если бы также было въ нашей власти забывать, какъ и молчать. Теперь наконецъ мы оживаемъ. Но хотя Цезарь Нерва при первой зарѣ этого блаженнаго вѣка и умѣлъ соединить не соединимыя дотолѣ вещи—единовластіе и свободу, а Нерва Траянъ съ каждымъ днемъ увеличиваетъ благоденствіе государства, и хотя общественная безопасность существуетъ не въ надеждѣ только и стремленіяхъ, но пользуется довѣріемъ и укрѣпляется, тѣмъ не менѣе по природѣ человѣческой немощи врачеванія дѣйствуютъ медленнѣе, чѣмъ самыя бѣдствія. Какъ тѣла наши растутъ медленно, а разрушаются быстро, такъ и таланты и литературу можно легко задушить, но не такъ легко оживить ихъ. Ибо и праздность имѣетъ свою пріятность, такъ что ненавистная сначала, она потомъ

([1]) Hic liber honori Agricolae soceri mei destinatus. Agr. 3. Cp. Agr. 46.

слюбливается. Что же сказать, если въ продолженіи пятнадцати лѣтъ—значительная доля жизни человѣка—много народу погибло по разнымъ причинамъ, а все талантливое по жестокости государя. Мы немногіе пережили, такъ сказать, не только другихъ, но и самихъ себя, такъ какъ отъ жизни нашей исторгнуто столько лѣтъ, въ безмолвное теченіе которыхъ молодые изъ насъ пришли къ старости, а старики достигли послѣдней границы человѣческаго возраста» ([1]).

Вотъ слова того протеста, отъ котораго не могъ удержаться самый талантливый и самый сильный писатель того времени. Они производятъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ самыя страшныя сцены, повѣствуемыя Светоніемъ и Діономъ Кассіемъ. Протестомъ противъ тиранніи Домиціана началъ Тацитъ жизнеописаніе Агриколы; протестомъ противъ ней онъ и кончилъ это сочиненіе. Представивъ въ нѣсколькихъ строкахъ картину ужаса ([2]) послѣднихъ лѣтъ Домиціанова правленія, онъ восклицаетъ: «счастливъ же ты, Агрикола не только славою твоей жизни, но и тѣмъ, что умеръ заблаговременно»!

Очень ясно высказывается Тацитомъ уже въ этомъ сочиненіи тотъ основной политическій принципъ, который проходитъ черезъ всѣ его сочиненія (кромѣ «Германіи», гдѣ для него не было мѣста), принципъ, которымъ долженъ руководиться, по его мнѣнію, всякій римлянинъ, какъ гражданинъ и политическій дѣятель: это *умѣренность* (moderatio). Здѣсь не мѣсто оцѣнивать достоинство этого принципа; но нельзя не замѣтить, что Тацитъ пришелъ къ нему путемъ опытности какъ къ единственно мудрому политическому правилу, при которомъ, во время имперіи, возможно было соединить личную безопасность съ общественною пользою. Герой его, Агрикола

---

(1) Agr. 2—3.
(2) Agr 44—45. Переводъ этого мѣста сдѣланъ мной въ 1-й главѣ.

доказалъ, по его мнѣнію, всю великую важность для того времени умѣренности, передъ которою склонялась, или лучше о которую разбивалась даже бѣшенная натура Домиціана (¹). Принципъ умѣренности нигдѣ въ сочиненіяхъ Тацита не нашелъ такого громкаго выраженія, какъ въ слѣдующихъ словахъ: «пусть знаютъ тѣ, въ характерѣ которыхъ удивляться героизму неподчиненія, что и при худыхъ государяхъ могутъ быть великіе люди, что повиновеніе и умѣренность, при дѣятельности и энергіи, достигаютъ той же высоты славы, которою окружили себя многіе, обрекая себя своей неустрашимостью на смерть совершенно безполезную для государства» (²). Въ 6-й главѣ предлагаемаго сочиненія, гдѣ будутъ подробно разбираться политическія убѣжденія Тацита, читатель найдетъ все, что требуется для выясненія передъ нами умѣренности, какъ основнаго политическаго принципа, рекомендуемаго Тацитомъ. Въ настоящемъ случаѣ дальнѣйшая рѣчь объ этомъ неумѣстна. Я считалъ нужнымъ только указать здѣсь на ту сторону въ «Агриколѣ», которая очень часто оставляется безъ вниманія.

Съ біографіей Агриколы Тацитъ успѣлъ соединить довольно обстоятельное описаніе Британіи, гдѣ Агрикола провелъ большую часть своей службы отечеству. Это описаніе Британіи, ея народовъ и войнъ, веденныхъ этими послѣдними съ Римлянами, составляетъ двѣ трети всего сочиненія (гл. 10—38). Особенный интересъ этой части жизнеописанія Агриколы заключается въ томъ, что мы встрѣчаемся здѣсь съ первымъ

(¹) Agr 42. Domitiani vero natura praeceps in iram... *moderatione* tamen prudentiaque Agricolae leniebatur, quia non contumacia neque inani jactatione libertatis famam fatum que provocabat.

(²) Agr. Ibid. Въ этомъ мѣстѣ я долженъ былъ отказаться отъ буквальнаго перевода, но думаю, что сохранилъ вполнѣ смыслъ подлинника. Я считалъ бы себя много обязаннымъ тому, кто съумѣлъ бы передать это мѣсто на русскій языкъ, не уклоняясь отъ буквы подлинника.

описаніемъ Британіи, которое составлено на основаніи вѣрныхъ источниковъ. Свѣденія о Британіи были до того скудны, что до времени экспедиціи Агриколы не было еще извѣстно положительно, была ли Британія островъ, или нѣтъ (1). Первыя свѣденія объ этой странѣ приписываются Марсельскому Греку Пиѳеѣ (Πύθεας), объѣзжавшему по океану западъ и сѣверъ Европы въ четвертомъ столѣтіи до Р. Х. Римляне получили въ первой разъ нѣкоторое понятіе о Британіи только послѣ двухкраткой высадки туда Ю. Цезаря (2) (въ 669 и 700 годахъ Рима). Въ слѣдствіе гражданскихъ войнъ, постигнувшихъ Римъ вслѣдъ за этимъ, а потомъ въ слѣдствіе разныхъ другихъ обстоятельствъ, ни Августъ, ни Тиберій, ни Калигула не предпринимали экспедицій въ Британію, и потому свѣденія о ней не увеличивались между Римлянами. Болѣе извѣстною стала дѣлаться Британія съ тѣхъ поръ, какъ Клавдій въ 43 (796) снарядилъ туда экспедицію подъ начальствомъ Плавція Сильвана, и тѣмъ положилъ начало завоеванію этой страны римскимъ оружіемъ. Писателей между Римлянами, повѣствовавшихъ о Британіи до Тацита было не мало; самыми лучшими изъ нихъ, по свидѣтельству Тацита (3), были Т- Ливій (4) и Фабій Рустикъ, историкъ времени Нерона (5). Но не только Т. Ливій писавшій объ этой странѣ лишь поповоду высадки туда Ю. Цезаря и по источникамъ, изъ которыхъ самымъ достовѣрнѣйшимъ были записки самаго Цезаря, видѣвшаго самую ничтожную часть Британіи (6), но

(1) Agr 10; Dio. 66, 20; Quint. n Or. VII, 4, 2.

(2) De bel. Gall. IV, 20—36; V, 4, 23,

(3) Agr. 10.

(4) Описаніи Британіи находилось у него въ 105 книгѣ, которая не дошла до насъ. См. Epitome 105·

(5) An. XIII, 20; XIV, 2; XV, 61.

(6) Онъ не заходилъ дальше мѣстности, обитаемой Кантіями (Cantii) въ нын. графствѣ Кентъ. См. вышеприведенныя указанныя мѣста изъ Bell. Gall.

даже и Фабій Рустикъ, имѣвшій подъ руками свѣдѣнія отъ лицъ, нѣсколько лѣтъ проводившихъ въ той странѣ, не имѣлъ возможности представить такого вѣрнаго и полнаго описанія, какое мы читаемъ у Тацита. По распоряженію Агриколы, въ послѣдній годъ его военныхъ экспедицій въ Британіи (84 = 837) въ первый разъ совершено было плаваніе кругомъ этой страны (1), а восьмилѣтнее пребываніе Агриколы внутри страны, которую этотъ послѣдній исходилъ вдоль и поперегъ, доставило Тациту о географіи, жителяхъ Британіи и культурѣ ихъ такія опредѣленныя свѣденія, о какихъ до того времени нельзя было и думать.

Вскорѣ по изданіи въ свѣтъ жизнеописанія Агриколы, появилась монографія Тацита *о Германіи* (2). Время изданія этого сочиненія опредѣляется тѣмъ его мѣстомъ (3), гдѣ Тацитъ считаетъ время войнъ Рима съ Германцами отъ нашествія Кимвровъ и Тевтоновъ на Италію въ консульство Цецилія Метелла и Папирія Карбона (641 г. Рима) до втораго консульства Траяна, т. е. до 851 г. Рима, или 98 отъ Р. X. Слѣдующія непосредственно затѣмъ слова «такъ долго мы *побѣждаемъ* Германію» не оставляютъ уже сомнѣнія на счетъ времени происхожденія монографіи о Германіи.

Сочиненіе Тацита о Германіи есть безспорно высокій образецъ этнографической монографіи. Несмотря на свой очень ма-

(1) Agr. 10; 38; Dio. 66, 20.

(2) Сочиненіе это въ существующихъ манускриптахъ носитъ разныя названія: Taciti Germania; De origine et situ Germaniae; de origine et situ Germanorum libellus (или opusculum); de situ moribus et populis Germaniae libellus: de moribus et populis Germaniae libellus aureus. Въ первомъ изданіи (editio princeps) и въ изданіи, принадлежащемъ Путеолану, оно озаглавливается: C. Taciti illustrissimi historici de situ, moribus et populis Germaniae libellus aureus. См. Ruperti, praef. p. CVIII. Изданіе Пассова озаглавливается: C. Taciti, Equitis Romani, Germania.

(3) Serm. 37.

лый объемъ, книга эта съ неподражаемою ясностью, опредѣленностью и мѣткостью схватила все то, что нужно было знать о Германцахъ современникамъ Тацита, и чѣмъ интересуемся мы въ первоначальной ихъ исторіи. Здѣсь передъ нами живой народъ, совсѣми его характеристическими чертами въ семействѣ, въ общинѣ, на войнѣ, въ мирное время, съ его обрядами, преданіями, обычаями, добродѣтелями, пороками, привычками, внѣшнимъ видомъ, средствами существованія, своеобразнымъ употребленіемъ даровъ природы и пр. Читая эту маленькую книгу въ 25 страницъ изданія Якова Гримма, нельзя не позавидовать нѣмецкому народу въ обладаніи такимъ великолѣпнымъ введеніемъ къ его исторіи. Если въ этомъ «введеніи» есть географическія неточности, если религіи Германцевъ приданы греко–римскія представленія, то недостатки эти много искупаются общей вѣрностью изображенія народа, блистательно подтвержденною новѣйшими изслѣдованіми.

У нѣмецкихъ филологовъ принято разсуждать о цѣли, какую имѣлъ въ виду Тацитъ, издавая въ свѣтъ свою монографію о Германіи. Уже давно ведется между ними поэтому предмету споръ, остающійся, разумѣется, нерѣшеннымъ до сего времени. Но разсужденія объ этой цѣли относятся въ сущности къ тому роду схоластическихъ упражненій въ наукѣ, которыми любилъ развлекаться еще императоръ Тиберій, обращавшійся къ окружавшимъ его грамматикамъ съ вопросами о томъ, кто была мать Гекубы, какія пѣсни пѣли обыкновенно сирены и т. п. (¹). Другими словами, споръ о цѣли Тацитовой «Германіи» есть чистая нелѣпость, находящая оправданіе только въ неумѣренномъ патріотизмѣ нѣмецкихъ ученыхъ. Не приходитъ же никому въ голову спросить себя, за чѣмъ Тацитъ написалъ «лѣтопись» и «исторіи», а спра-

(¹) Светоній Tib., 70.

шиваютъ только, за чѣмъ онъ издалъ сочиненіе о Германіи. Не спрашиваютъ также и о томъ, съ какою цѣлію Тацитъ дѣлалъ описаніе Британіи въ жизнеописаніи Агриколы, или говорилъ о Палестинѣ въ пятой книгѣ своихъ «исторій». Очевидно такіе вопросы, какъ вопросъ о цѣли «Германіи», также нелѣпы, какъ если бы мы стали разсуждать о томъ, съ какою цѣлью Гизо издалъ исторію цивилизаціи въ Европѣ, или за чѣмъ Кинглекъ написалъ исторію крымской войны. Само собой разумѣется, что я непослѣдую примѣру нѣмецкихъ ученыхъ и не буду искать цѣли, съ какою издана Тацитомъ «Германія». Должно быть понятно всякому разсудительному человѣку, что всякое дѣльное сочиненіе есть плодъ съ одной стороны потребности въ авторѣ умственнаго труда, съ другой стороны—результатъ столь же естественной потребности подѣлиться этимъ трудомъ съ другими. Выборъ предмета для сочиненія зависитъ въ этомъ случаѣ какъ отъ воспитанія и склонностей автора, такъ и отъ обстоятельствъ времени, придающихъ изслѣдованію нѣкоторыхъ предметовъ особенную важность. Если Тациту, какъ историку, вздумалось написать о Германіи отдѣльную книгу, то, неговоря уже о томъ, что ближайшее знакомство съ этой страной требовалось его планомъ написать исторію имперіи отъ смерти Августа до Траяна включительно—времени, въ продолженіе котораго войны съ Германцами играютъ чрезвычайно важную роль, поступокъ его объясняется тѣмъ значеніемъ, какое придавалъ Тацитъ сосѣдству Германцевъ по отношенію къ судьбѣ римскаго народа. «Шестьсотъ сороковой годъ былъ нашему городу, говоритъ онъ, когда въ консульство Цецилія Метелла и Папирія Карбона въ первый разъ сталъ слышенъ звукъ оружія Кимвровъ. Считая съ того времени, до втораго консульства императора Траяна наберется почти 210 лѣтъ: такъ долго мы побѣждаемъ Германію! Въ продолженіе столь длиннаго періода много было потерь съ обѣихъ сторонъ. Ни Самнитяне, ни

Карѳагеняне, ни Испанія, ни Галлія, ни даже Парѳяне не заставляли насъ такъ часто задумываться: видно свобода Германцевъ упорнѣе, чѣмъ царство Арзака. Чѣмъ можетъ похвастаться передъ нами, кромѣ пораженія Красса, Востокъ, самъ потерявшій Пакора и повергнутый къ стопамъ Вентидія? Но Германцы, разбивши или захвативши въ плѣнъ Карбона, Кассія, Скавра Аврелія, Сервилія Цепіона и Марка Манлія, отняли у Римскаго народа пять консульскихъ армій, а у Августа отняли Вара и съ нимъ три легіона. Не безъ потерь также нанесли имъ удары Марій въ Италіи, божественный Юліи (Цезарь) въ Галліи, Друзъ, Тиберій и Германикъ въ ихъ собственныхъ предѣлахъ. Вскорѣ они смѣялись надъ угрозами Гая Цезаря (Калигулы). Затѣмъ слѣдовало спокойствіе, покуда они, по случаю нашей неурядицы и междуусобныхъ войнъ, овладѣвши зимними лагерями нашихъ легіоновъ, не покусились даже на Галлію. Оттуда они были вытѣснены, но въ послѣднее время было больше тріумфовъ, чѣмъ побѣдъ надъ ними». ([1]) Еще яснѣе взглядъ Тацита на Германцевъ, какъ опасныхъ сосѣдей высказался въ слѣдующихъ словахъ: «пусть пребываетъ и продолжается у этихъ народовъ, за недостаткомъ любви къ намъ, взаимная ненависть, когда при стѣснительныхъ судьбахъ имперіи, счастье не можетъ намъ дать ничего больше, какъ несогласіе враговъ». ([2]) Такимъ образомъ столь ясное сознаніе важности сосѣдства такихъ опасныхъ народовъ, которыхъ Римъ слишкомъ въ двѣсти лѣтъ не могъ покорить, хотя и часто побѣждалъ ихъ, могла уже быть для Тацита достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобъ рѣшиться познакомить Римское общество съ Германіей и народами, ее населяющими. Но что тутъ не было какой нибудь частной цѣли, какъ напр. предостороженія Траяна противъ новаго

([1]) Germ. 37

([2]) Germ. 33.

Германскаго похода ([1]), или какой нибудь другой ([2]) цѣли нравственной, или политической, это очевидно изъ самаго содержанія и способа изложенія «Германіи». Очень спокойное разсмотрѣніе характеристическихъ чертъ Германцевъ въ религіозномъ, политическомъ, экономическомъ, культурномъ и нравственномъ отношеніяхъ свидѣтельствуетъ, по моему убѣжденію, очень ясно, что «Германія» есть чисто этнографическое сочиненіе, интересъ котораго если и основывался на современныхъ отношеніяхъ Рима къ народамъ, населявшимъ пространство между Рейномъ и Дунаемъ, то его изданіе было мотивировано не публицистическимъ, а научнымъ побужденіемъ.

Есть, правда, мѣста, иронически—грустный тонъ которыхъ свидѣтельствуетъ какъ бы о нравственныхъ, или политическихъ тенденціяхъ сочиненія; но этими немногими мѣстами было бы неосновательно соблазняться, чтобы придать «Германіи то или другое политическое, или нравственное стремленіе. Бываютъ времена, когда сатира и грустная иронія у передовыхъ людей вѣка такъ свыкаются съ мыслію, что сопровождаютъ ее постоянно, о чемъ бы эти люди ни думали и ни писали. И въ какомъ сочиненіи Тацита нѣтъ сатиры, или правильнѣе ироніи? Обыкновенно несправедливый къ Тациту Меривель дѣлаетъ хотя и очень рѣзкое замѣчаніе, что «не только исторіи, но и всѣ другія произведенія Тацита написаны почти въ формѣ обвиненій противъ его собственнаго вѣ-

---

([1]) Эта мысль пущена въ оборотъ Францомъ Пассовымъ. См. его Ueber Tacitus' Germania, въ Vermischte Schriften, Leipz. 1843, p. 53. Статья эта была первоначально напечатана въ Philomathie von Wachler. t. 1, 1816 г,, p. 19—61.

([2]) См Предисл. къ изд. Тацита Руперти, p. XX; Haase, тоже предисл. къ изданію Тацита, p. XXII; Ritter, въ предисл. къ кебриджскому изданію Тацита. p. XIX въ примѣчаніи.

ка», ([1]) но въ сущности это замѣчаніе вѣрно, и впечатлѣніе выносимое изъ чтенія Тацита всегда таково, что читатель на равнѣ съ авторомъ скорбитъ о глубокомъ паденіи римскаго общества, лишеннаго даже надежды на возрожденіе. Слѣдовательно, иронія, проглядывающая въ «Германіи», не можетъ дать права на приписываніе какихъ нибудь особенныхъ тенденцій этому сочиненію, ибо эта иронія проникаетъ всѣ сочиненія Тацита, какъ явленіе, обусловливаемое глубокимъ внутреннимъ недовольствомъ дѣйствительностью.

Характеръ «Германіи» будетъ для насъ гораздо виднѣе, когда мы возьмемъ изъ ней нѣсколько мѣстъ, въ томъ или другомъ отношеніи замѣчательныхъ. Но предварительно пересмотримъ вкратцѣ содержаніе этого сочиненія вообще. Начинаетъ Тацитъ географическимъ положеніемъ Германіи (гл. 1) Затѣмъ говоритъ о происхожденіи жителей этой страны, разсказываетъ нѣсколько преданій объ ихъ первоначальномъ времени и высказываетъ мнѣніе, что Германцы народъ первобытный на своей почвѣ и несмѣшанный съ другими народами, что̀ доказывается, по его мнѣнію, и однообразіемъ общаго всѣмъ имъ типа (2—5). Говоритъ потомъ о землѣ, ея производительности и скрытыхъ въ ней сокровищахъ (гл. 5), объ оружіи и образѣ войны Германцевъ (6), о князяхъ, полководцахъ и жрецахъ (7), о женщинахъ и уваженіи къ нимъ (8), о религіи и ея обрядахъ (9—10), о совѣщательныхъ собраніяхъ (11), о судопроизводствѣ (12), объ юношахъ, составляющихъ княжескую свиту (13), о военныхъ наклонностяхъ народа (14), о мирныхъ его занятіяхъ (15), объ отсутствіи городовъ, объ устройствѣ деревень и домовъ (16), объ одеждѣ мущинъ и женщинъ (16), о супружествѣ и нравственности женщинъ (18—19), о воспитаніи дѣтей и на-

([1]) A History of the Romans under the Empire, by Charles Merivale, London 1862, vol. VII, p. 298.

слѣдствѣ (20), о преемственномъ переходѣ въ семействѣ дружбы и непріязни, о гостепріимствѣ (21), объ обыденной жизни, между прочимъ о пьянствѣ, ссорахъ и разговорахъ на пирушкахъ (22), о напиткахъ и пищѣ (23), о зрѣлищахъ (24, о рабахъ и отпущенникахъ (25), объ отсутствіи барышничества, земледѣліи и временахъ года (26), о погребеніи и его обрядахъ (27). Наконецъ отъ 28-й главы до конца онъ говоритъ о каждомъ изъ народцевъ Германіи въ отдѣльности. Тацитъ особенно любитъ рисовать нравственное состояніе Германцевъ. Ему нравится простота и неразвращенность ихъ нравовъ; при этомъ, невольно обращаясь мыслію къ чудовищному разврату своихъ соотечественниковъ, онъ не можетъ, при описаніи нравовъ неиспорченнаго цивилизаціей и политическимъ гнетомъ народа, удерживаться отъ намековъ на невыгодный контрастъ въ своемъ отечествѣ. «Супружества у Германцевъ строги, и никакая сторона ихъ нравовъ не заслуживаетъ бóльшей похвалы. Они единственные изъ варваровъ, которые довольствуются одной женой, за исключеніемъ очень не многихъ лицъ, которымъ не сладострастіе, а знатность навязываютъ много брачныхъ связей. Приданое приноситъ не жена мужу, а мужъ женѣ. При этомъ бываютъ на лицо родители и родственники и разсматриваютъ подарки, которые приноровлены не для женской забавы и не служатъ къ украшенію новообрачной, но это—рогатый скотъ, объѣзженный конь, щитъ съ копьемъ и мечемъ. На такіе-то дары получается супруга, которая въ свою очередь сама приноситъ мужу что-либо изъ оружія. Въ этомъ заключается для нихъ самая крѣпкая связь, таинственные обряды и брачные боги. И чтобы жена не считала себя свободной отъ всякой мысли о геройствѣ и случайностяхъ войны, то напоминается ей при самомъ освященіи брака, что она вступаетъ въ него, какъ союзница въ трудахъ и опасностяхъ, и что она въ мирѣ и на войнѣ будетъ сносить и отваживаться на одно съ мужемъ.

Это возвѣщаютъ ей запряженная пара воловъ, снаряженный конь и поднесенное оружіе,—вотъ какъ должна она жить, вотъ какъ умереть; этимъ напоминается ей, что она получаетъ такіе дары, которые въ цѣлости и ненарушимости должна передать своимъ сыновьямъ, отъ которыхъ получаютъ ихъ ея невѣстки и передаютъ въ свою очередь внукамъ. Такъ живутъ онѣ, огражденныя цѣломудріемъ, неиспорченныя ни *обольстительными зрѣлищами*, ни *раздраженіями пировъ*. Тайна переписки незнакома у нихъ ни мущинамъ, ни женщинамъ. Примѣры супружеской невѣрности въ такомъ многочисленномъ народѣ чрезвычайно рѣдки. Наказаніе ея слѣдуетъ немедленно и предоставлено мужьямъ. Съ отрѣзанными косами, раздѣтую до нага, въ присутствіи родственниковъ выгоняетъ невѣрную мужъ изъ дому и черезъ всю деревню стегаетъ ее плетью. Нѣтъ никакого снисхожденія для женщины потерявшей цѣломудріе: ни красотой, ни молодостью, ни богатствомъ она не отыщетъ себѣ мужа. *Ибо тамъ никто не смѣется надъ пороками и развращать и развращаться не называется духомъ времени*» (¹).

Въ приведенныхъ словахъ Тацита нельзя не замѣтить нѣкотораго стремленія наводить читателя на контрастъ между изнѣженною и развратною женщиною утонченнаго Рима и грубою, но цѣломудренною и сильною женщиною воинственныхъ Германцевъ. Обращеніе мысли при описаніи простыхъ нравовъ грубаго народа къ соотвѣтствующимъ сторонамъ римской жизни было слишкомъ естественно, чтобъ можно было воздержаться отъ него. Но тутъ вовсе не было стремленія давать моральныя наставленія своимъ соотечественникамъ и давать имъ примѣры для подражанія изъ жизни варварскаго народа; въ вышеприведенныхъ словахъ слышится только грустное чувство человѣка, не могшаго быть вполнѣ равнодушнымъ къ

(¹) Germ. 18 и 19.

полнѣйшему паденію семейныхъ нравовъ въ отечествѣ, гдѣ «развращать и развращаться» было дѣломъ хорошаго тона (¹). Тоже самое чувство, оскорбленное чудовищною распущенностью нравовъ согражданъ, заставило произнести Тацита и слѣдующія многозначительныя слова: «тамъ (у Германцевъ) болѣе имѣютъ силы добрые нравы, чѣмъ въ *другомъ мѣстѣ* хорошіе законы» (²).

Но говоря о добродѣтеляхъ Германцевъ, Тацитъ не считалъ нужнымъ скрывать и безобразной стороны ихъ нравовъ, а это никакъ не можетъ подтверждать мнѣнія тѣхъ, которые приписываютъ Германіи Тацита моральную цѣль. «Проводить день и ночь въ попойкахъ никому у нихъ не вмѣняется въ безчестіе. Частыя ссоры, обыкновенныя между пьяными, рѣдко оканчиваются ругательствами, а чаще убійствомъ и ранами» (³).

Вообще «Германія» Тацита есть чисто этнографическое сочиненіе, неимѣвшее никакой другой цѣли, кромѣ общей всякому литературно-ученому сочиненію этого рода, которая состоитъ въ ознакомленіи читающей публики съ предметомъ, заслуживающимъ вниманія. Общій тонъ этого сочиненія есть спокойный научный тонъ. Съ совершенно одинакимъ спокойствіемъ занимается здѣсь Тацитъ географіей, религіей, произведеніями страны, какъ и описаніемъ нравовъ и привычекъ народа. Личное чувство автора проглядываетъ лишь изрѣдка, напоминая читателю, что авторъ жилъ не въ счастливую эпоху исторіи своего народа. Написана книга языкомъ простымъ яснымъ и точнымъ. Она не велика объёмомъ, но полна содержаніемъ. «Эта столь краткая книга объ обширномъ пред-

(¹) Предметъ этотъ обработанъ во множествѣ сочиненій. Послѣднее изъ нихъ: Fridländer, „Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms, Leipz. 1862. Часть I, глава V о женщинахъ.

(²) Germ. 19.

(³) Ibid. 22.

метѣ принадлежитъ человѣку, который сокращаетъ всё, потому что онъ все видитъ» (Монтескьё).

Сочиненіе Тацита о Германіи написано не на основаніи личныхъ наблюденій надъ страной и ея обитателями. Это ясно указываетъ авторъ заключительнымъ мѣстомъ о нравахъ Германцевъ: «вотъ что я *узналъ* (accepimus) о происхожденіи и нравахъ Германцевъ вообще», (1) равно какъ и слѣдующими словами: «мы видѣли въ правленіе Веспасіана Веледу» (въ Римѣ). (2) Что же касается до предположеній о личномъ знакомствѣ Тацита съ Германіей и ея обитателями, какъ думалъ Пассовъ, (3) то надобно замѣтить, что они не имѣютъ за себя никакого положительнаго свидѣтельства и основываются лишь на мало остроумныхъ соображеніяхъ. Только одно предположеніе имѣетъ бóльшую степень вѣроятности: если упоминаемый Пдиніемъ Корнелій Тацитъ, прокураторъ финансовъ въ Бельгіи былъ отцемъ нашего историка, то этотъ послѣдній, живя съ нимъ, могъ дѣлать личныя наблюденія надъ пограничными съ Бельгіей германскими народами; впрочемъ это настолько же вѣроятно, какъ и то, что такихъ наблюденій онъ вовсе не дѣлалъ. Не имѣя никакихъ данныхъ для опредѣленнаго разрѣшенія вопроса—былъ, или не былъ Тацитъ въ Германіи, мы должны оставить этотъ вопросъ, какъ неразрѣшимый, и обратиться къ тѣмъ источникамъ, на основаніи которыхъ Тацитъ могъ написатъ свою книгу, не имѣя нужды въ путешествіи по Германіи.

До нашествія Кимвровъ и Тевтоновъ (641 Рима) Римляне

---

(1) Germ, 27.

(2) Ibid. 8. Веледа знаменитая пророчица, долгое время почитавшаяся у народа Бруктеровъ за божество и волновавшая Германію противъ Римлянъ, была схвачена Рутиліемъ Галликомъ и привезена въ Римъ (Statius, Silv. 1, 4, 90). См. также Эрвести Versuch eines geographisch-historisches Wörterbuchs, Nürnb. 1792, p. 177.

(3) Uber Tacitus Germania. въ Vermischte Schriften, p. 57. и слѣд.

не имѣли никакого понятія о народахъ, обитавшихъ по правую сторону Рейна. Да и послѣ того, какъ испуганный Римъ, потерявши уже шесть армій въ войнѣ съ этими чудовищными ([1]) непріятелями, наконецъ пришелъ въ себя послѣ побѣдъ Марія и Лутація Катулла, свѣденія о народахъ, обитавшихъ между Рейномъ и Дунаемъ, долгое время оставались ничтожными. Правда Лутацій Катуллъ, помощникъ Марія въ дѣлѣ освобожденія Италіи отъ сѣверныхъ варваровъ, издалъ сочиненія о событіяхъ, происшедшихъ во время своего консульства ([2]), а поэтъ Архія воспѣлъ эти событія такъ хорошо, что его поэму читалъ съ пріятностью даже грубый и невѣжественный охлократъ Марій, ([3]) но въ этихъ потерянныхъ для насъ сочиненіяхъ, по всей вѣроятности было слишкомъ мало этнографическаго, такъ какъ обстоятельства, при которыхъ Римляне пришли въ столкновеніе съ этими народами, не были нисколько благопріятны для такого рода изученія. Спустя около полстолѣтія послѣ знаменитыхъ освободительныхъ битвъ Марія съ варварами при Aquae sextiae (нын. Aix подлѣ Марсели) въ 652 г. и при Веронѣ въ 653 г. отъ основанія Рима, преемникъ Марія на форумѣ Ю. Цезарь, первый изъ Римлянъ перешелъ Рейнъ (699 Рима) и тѣмъ положилъ начало ближайшему знакомству съ тамошними племенами. Въ 4-ой и 6-ой книгахъ его записокъ «о Гальлской войнѣ», мы читаемъ первыя изъ дошедшихъ до насъ свѣденій о Германцахъ, принадлежащія человѣку глубокой наблюдательности и великаго умѣнья быстро схватывать и отчетливо передавать впечатлѣніе. Это былъ также первый, хотя и неполный источникъ, которымъ пользовался Тацитъ, и на который

([1]) Iuven. Sat. VIII, 252 замѣчаетъ, что Кимвры были чрезвычайно большаго роста. Ср. Flor. III, 3.

([2]) Cic. Brut. 35.

([3]) Cic. pro Arch; 9.

онъ ссылается въ 28-й главѣ своей «Германіи». Войны съ Германцами, начатыя Цезаремъ, продолжались съ перемѣнными успѣхами для Римлянъ и Германцевъ Агриппой, Лолліемъ, Августомъ, Друзомъ, Тиберіемъ, Варомъ, Германикомъ, Апроніемъ и Корбулономъ. Всѣ эти полководцы воевали съ германскими народами внутри ихъ страны, проникая иногда до Эльбы и Дуная, пока наконецъ Корбулонъ не получилъ отъ императора Клавдія приказанія перенести гарнизоны на лѣвый берегъ Рейна ([1]). До этого неожиданнаго событія у Римлянъ накопилась уже та масса свѣденій, изъ которыхъ Плиній Старшій составилъ 20 книгъ о Германіи, ([2]) съ которою онъ познакомился и лично, принимая участіе въ походахъ ([3]). Плиніево сочиненіе о Германіи теперь не существуетъ, но для Тацита оно могло служить чрезвычайно важнымъ пособіемъ, и, безъ сомнѣнія, отличалось такою же точностью фактовъ, съ какою мы знакомы по его «естественной исторіи». Не дошли до насъ, но существовали для Тацита, и тѣ книги исторіи Тита Ливія, въ которыхъ разсказывалось о германскихъ войнахъ ([4]). Квинтиліанъ говоритъ объ описаніи германской войны Ауфидія Басса, сочиненіе котораго, хотя и отличалось въ нѣкоторой степени небрежностью, но тѣмъ не менѣе было «превосходно» написано ([5]). Отчасти могъ пользоваться Тацитъ географіей Страбона (кн. 7-я) и Помпоніемъ Мелой (de situ orbis, 3-я кн.). Вотъ тѣ сочиненія, которыя могли доставить Тациту нужные матеріалы для его «Германіи», и о которыхъ мы имѣемъ положительныя свѣденія. Но кромѣ этихъ источниковъ, Тацитъ могъ пользоваться устными разсказами оче-

---

([1]) Tac. Ann. XI, 20.
([2]) Pl. Ep. III, 5.
([3]) Pl. Ep. ibid.
([4]) Это были, какъ показываетъ Epitome Hist. Liv., книги: 63—68, 104—107, 137—140.
([5]) In. or. X, 1, 103.

видцевъ, принимавшихъ участіе въ Германскихъ войнахъ, равно какъ имѣлъ возможность почерпать свѣденія и изъ оффиціальныхъ источниковъ, какими были донесенія полководцевъ.

На основаніи вышепоименованныхъ источниковъ—письменныхъ и устныхъ Тацитъ составилъ такое этнографическое сочиненіе, которому мы не можемъ не удивляться. По способу изложенія »Германіи» видно, что источники были Тацитомъ изучены тщательно, ибо ему удалось изъ разнообразныхъ по времени и характеру свѣденій составить такое компактное цѣлое, гдѣ нечего выпустить и трудно что нибудь прибавить, гдѣ явленія подведены подъ общія точки зрѣнія и такимъ образомъ сдѣлались яснѣе и понятнѣе. Если же при этомъ объединеніи свѣденій Тациту не разъ приходилось впадать въ ошибку признаніемъ частнаго за общее, или какой-нибудь устарѣвшей черты за новую, то избѣжать этого недостатка при пользованіи книжными источниками разнаго времени, безъ личнаго наблюденія и при крайнемъ ограниченіи объема сочиненія, было невозможно. Нѣтъ сомнѣнія, что нарисованная картина нравовъ Германцевъ составлена не на основаніи знакомства со всѣми германскими племенами, разсѣянными между Рейномъ, океаномъ (въ древнемъ употребленіи слова), Альпами и Дунаемъ, но что она состоитъ изъ чертъ жизни народовъ, обитавшихъ между Рейномъ и Эльбой и попреимуществу ближайшихъ къ Рейну, которые, въ силу особенно частыхъ столкновеній, были попреимуществу знакомы Галламъ и Римлянамъ По этому нѣмецкіе ученые, подтверждая вѣрность Тацитова описанія, указываютъ на существованіе до сихъ поръ нѣкоторыхъ ясныхъ чертъ изъ того, что рисуется у Тацита, именно въ Вестфаліи ([1]). Оно и не могло быть иначе, потому что начиная съ походовъ Ю. Цезаря до 47 г. по Р. X., когда дано

([1]) См. между прочимъ *Weller*, de fide Taciti in rebus Germanorum Quaestio 1. p. 33. Monast. Guestfal. 1846.

было Клавдіемъ приказаніе перенести лагерь на лѣвый берегъ Рейна, Римляне обыкновенно отправлялись въ экспедиціи отъ Нижняго Рейна, гдѣ Castra vetera (подлѣ нын. Ксанта) были указаны еще Августомъ, какъ лучшій пунктъ для держанія въуздѣ германскихъ народовъ (1). Отсюда или изъ Кёльна направлялись римскіе полководцы по сѣверной Германіи къ Эльбѣ воздвигая крѣпости на Маасѣ, Везерѣ и Эльбѣ. (2) По этому кромѣ Вестфаліи, описанія Тацита подтверждались остатками и у другихъ сѣверныхъ германскихъ народовъ, иногда до того оказываясь вѣрными, что шведскій ученый Олофъ Рудбекъ, цитуемый Рюсомъ (3), приходилъ къ предположенію, что авторъ «Германіи» изучалъ древніе шведскіе законы, а по мнѣнію другаго шведскаго ученаго, на котораго указываетъ тотъ же Рюсъ, «Германія» написана въ корвейскомъ монастырѣ, ибо описаніе шведовъ у Тацита можетъ, какъ думалъ этотъ ученый, относиться уже къ шведамъ 9 столѣтія (4). Что Тациту не были извѣстны всѣ народы Германіи, за это всего больше ручается свидѣтельство Плинія о томъ, что «Германія не вся еще изслѣдована» (5) Плиній же, по всей вѣроятности, былъ главнымъ источникомъ для монографіи Тацита.

---

(1) Hist. IV, 23. Illis hibernis obsideri premique Germanias Augustus crediderat. См. также Die Römer in Cheruskerlande. von Aug. Sschierenberg, Frank a. Main, 1862· стр. 1—9.

(2) См. о Друзѣ, отцѣ Германика Flor. IV, 12. Praesidia atque custodias ubique disposuit per Mosam flumen, per, Albin, per Visurgin.

(3) Ausführliche Erlaüterung der zehn ersten Kapitel der Schrift des Tacitus über Deutschland, von Friedrich Rühs, Berl. 1821, p. 59.

(4) Fant bibliotteca crit. hist. Sveciae· Ups. 1808, part. I. См. у Рюса Ibid.

(5) Hist. Nat IV, 28 Nec tota germania percognita est.

ГЛАВА V.

Историческія сочиненія Тацита. Продолженіе.—Annales.—Historiae.

Мы дошли теперь до большихъ историческихъ трудовъ Тацита, на которые по преимуществу опирается слава великаго историка. Рѣчь идетъ объ «исторіяхъ» (Historiarum libri) и «Лѣтописи», (Annales). Сочиненія эти дошли до насъ въ чрезвычайно неполномъ видѣ, но вышедши изъ-подъ пера ихъ автора, они, какъ свидѣтельствуетъ св. Іеронимъ, ([1]) составляли вмѣстѣ 30 книгъ исторіи отъ смерти Августа до смерти Домиціана. Въ настоящее время мы имѣемъ только четыре книги «исторій» съ неполною пятой, шесть первыхъ книгъ «лѣтописи», гдѣ отъ пятой сохранилось только начало, а шестая дошла невполнѣ, и наконецъ въ нашемъ владѣніи— продолженіе «лѣтописи» отъ одинадцатой книги безъ начала до шестнадцатой безъ конца. Сколько изъ написанныхъ Тацитомъ тридцати книгъ, въ которыхъ была изложена исторія отъ смерти Августа до Домиціана включительно, приходилось на долю «лѣтописи» и сколько на долю «исторій», съ точностью рѣшить нельзя. Но что касается до мнѣнія Нибура, будто всѣ эти тридцать книгъ составляли лишь одни «исторіи» безъ «лѣтописи», ([2]) то въ рѣшительномъ отверженіи

([1]) In Zachar. III, 14: «Cornelius Tacitus, qui post Augustum usque ad mortem Domitiani vitas Caesarum *triginta voluminibus* exaravit.

([2]) Kleine hist. und. philol. Schriften, 2-e sammlung, Bonn, 1843. p. 241.

его нельзя колебаться ни на минуту. Нибуръ словно насмѣхнулся надъ источникомъ, воспользовавшись имъ безпримѣрнымъ образомъ: онъ рѣшилъ, что св. Іеронимъ *въ разсѣянности* насчиталъ тридцать книгъ для всего періода отъ смерти Августа до Нервы, тогда какъ эти тридцать книгъ, по мнѣнію глубокомысленнаго нѣмецкаго историка, могутъ падать только (?) на «исторіи», т. е. на время, начавшееся гражданскими войнами по низверженіи Нерона до смерти Домиціана. Для удобнѣйшаго распредѣленія указанныхъ Іеронимомъ тридцати книгъ Тацита на оба сочиненія слѣдуетъ или принять наиболѣе распространенное мнѣніе о шестнадцати книгахъ «лѣтописи», а остальныя четырнадцать отдать «исторіямъ» или, что основательнѣе, положить вмѣстѣ съ Риттеромъ, 18 книгъ на «лѣтопись» и 12 на «исторіи» (¹). Дѣйствительно два послѣдніе года правленія Нерона и шесть мѣсяцевъ—Гальбы, обильный событіями періодъ времени не могли легко быть окончены въ остальной части 16-й книги, которая въ такомъ случаѣ должна была бы заключать въ себѣ, кромѣ неоконченныхъ событій 66 (819) г., также событія 67 (820) и 68 (821) г.г., т. е., и Іудейскую войну, и путешествіе Нерона по Греціи, и возмущеніе въ Галліи противъ Нерона, усмиренное германскими легіонами, путь Гальбы въ Римъ и шесть мѣсяцевъ его правленія—все это для конца 16-й книги было бы невмѣстимо, и требовало по меньшей мѣрѣ еще двухъ книгъ. При этомъ мнѣніе Нибура (²) о томъ, что «лѣтопись» состояла изъ 20 книгъ, я оставляю безъ вниманія, потому что тогда пришлось бы на долю «исторій» отнести только 10, но это число книгъ для событій 36 лѣтъ было бы слишкомъ несообразно съ методой Тацита, особенно когда сохранившіяся четыре съ небольшимъ книги

(¹) Предисловіе къ кембриджскому изданію Тацита, стр. XXV.
(²) Kl. hist. u. philol. Schr. 2-е собраніе, стр. 240.

«исторій»не заключаютъ въ себѣ даже событій и двухъ лѣтъ. (1) Впрочемъ вопросъ этотъ слишкомъ ничтоженъ чтобъ дальнѣйшее его изслѣдованіе, въ особенности на русскомъ языкѣ, могло быть одобрено благоразуміемъ.

Два большихъ историческихъ сочиненія Тацита написаны въ разное время и носятъ, какъ мы знаемъ, разныя названія: одно называется «исторіями,» а другое «лѣтописью». Названіе «исторій» носитъ то сочиненіе, въ которомъ Тацитъ изложилъ ходъ дѣлъ отъ 2-го консульства Гальбы до смерти Домиціана. Такъ называетъ это сочиненіе и Тертулліанъ, когда ссылается на пятую его книгу (2), тоже названіе «исторій»даетъ этому сочиненію и Плиній Младшій, когда проситъ Тацита помѣстить въ немъ о процессѣ противъ Массы Бебія (3), къ нему наконецъ подъ тѣмъ же заглавіемъ относится и ссылка Сидонія Аполлинарія (4). У самаго Тацита для этого сочиненія не встрѣчается особеннаго названія, ссылка же его на свой разсказъ о праздновании восьмисотлѣтняго юбилея Рима при Домиціанѣ ограничивается однимъ общимъ указаніемъ на «книги», въ которыхъ онъ изложилъ событія Домиціанова времени (5). За то не одинъ разъ указывается имъ самимъ

(1) Событія 69 и начала 70 года разсказаны Тацитомъ съ большою подробностью потому, что это были междуусобныя войны, полныя необыкновеннаго интереса для читателя. Достаточно сказать, что въ это время были низвергнуты три императора. Съ вступленіемъ же въ управленіе Веспасіана установившійся миръ далеко не могъ дать Тациту такого обильнаго матеріала.

(2) Apol. adv. gentes, c. 16. Somniastis caput asininum esse deum nostrum. Hanc Cornelius Tacitus suspicionem ejusmodi inseruit Is enim in *quinta Historiarum* suarum bellum judaicum exorsus ab origine gentis, et cet.

(3) Pl. Ep. VII, 33. Auguror, nec me fallit augurium, *historias tuas* immortales futuras.

(4 Ep. IV, 14 C. Tacitus — sub verbis cujuspiam Germanici ducis in *historia* sua retulit. ср. Tac. hist. V, 26.

(5) Ann, XI, 11.. libris, quibus res imperatoris Domitiani composui.

названіе другаго сочиненія, Annales (1). По этому и Іорнандъ (2) называетъ Тацита лѣтописцемъ (annalium scriptor). Что же касается до рукописей, въ которыхъ дошло до насъ эти сочиненія, то въ нихъ нѣтъ никакого опредѣленнаго названія, а иногда и вовсе никакого, кромѣ счета книгъ (3). Поэтому Ниппердей и считалъ себя вправѣ отступить отъ обыкновеннаго названія «Annales» для того сочиненія, которое такъ называлось со времени Ренана, а озаглавилъ его: ab excessu divi Augusti изъ уваженія къ знаменитому кодексу, хранящемуся во Флоренціи въ Bibliotteca Laurentiana. Примѣръ Ниппердея не находитъ однако послѣдователей, и оба сочиненія Тацита носятъ и будутъ носить утвержденныя за ними Липсіемъ — названія: одно — Historiae; а другое — Annales.

Существенной разницы между этими названіями въ древности не было, но Annales было названіе; наиболѣе употребительное между Римлянами. Первоначально Annales были книги, веденіемъ которыхъ завѣдывали римскіе первосвященники, и которымъ придаваемъ былъ эпитетъ Maximi. Появившіеся въ 6 столѣтіи Рима свѣтскіе историки удержали названіе Annales для своихъ сочиненій, и обыкновенно называются анналистами. Имя анналистовъ они удержали нетолько по преданію, но и по праву, потому что ихъ повѣствовательный методъ основывался чисто на хронологіи. Съ теченіемъ времени стало входить въ моду и греческое названіе Historiae,

---

(1) An. III, 65· Quod praecipuum munus *annalium* reor; IY, 32 Nemo *annales nostros* cum scriptura eorum contenderit, qui veteris populi Romani res composuere; XIII, 31 cum ex dignitate populi Romani repertum sit res illustres *annalibus* mandare.

(2) Hist. Goth., 2.

(3) Въ рукописяхъ обыкновенно соединяются оба сочиненія; и первая книга «исторій» тамъ считается 17 й книгою. Въ этомъ я убѣдился лично, разсмотрѣвши рукописи, хранящіяся въ флорентійской bibliotheca Laurentiana. См. изданіе Руперти, предисловіе стр. XIV.

не вытѣсняя собой совершенно прежняго, національнаго. Такимъ образомъ Саллустій, подражатель Ѳукидида, пишетъ уже «исторіи». Какъ озаглавилъ свое произведеніе Титъ Ливій, мы не знаемъ, а у грамматиковъ (Діомеда, Присціана) онъ цитуется обыкновенно: Livius ab urbe condita libro... Плиній Старшій писалъ «исторіи», (1) равно какъ и племянникъ его Плиній Младшій тоже собирался писать «исторіи» (2). Тацитъ же одно свое сочиненіе называетъ Annales а другое Historiae. Я сказалъ, что *существенной* разницы между этими названіями у Римлянъ не было, но та разница, какая была, понималась разными писателями различно. Такъ для Цицерона «исторія» есть такой родъ повѣствованія, который отличается нѣкоторой художественной отдѣлкой, поэтому онъ и замѣчаетъ, что у первыхъ римскихъ анналистовъ исторія была ничѣмъ другимъ, какъ annalium confectio. (3) Геллій (4) приводитъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, по которому разница между «исторіей» и «анналами» (лѣтописью) заключается въ томъ, что въ «исторіи» повѣствуется собственно о событіяхъ *современныхъ* автору. Совершенно того же мнѣнія и Сервій (5). Веррій Флаккъ, на котораго ссылается Геллій, не совсѣмъ соглашается съ этимъ мнѣніемъ (6). Самъ же Геллій раздѣляетъ мнѣніе, которое онъ часто слыхалъ, что «annales совершенно тоже самое, что и historiae, но что historiae не совсѣмъ тоже, что annales; какъ человѣкъ необходимо есть животное,

(1) Praef. ad Hist. Nat, 20; Pl. Ep. V, 8.
(2) Ibid.
(3) Orat. II. 12. 51.
(4) Gell. Noct. Attic. V, 18.
(5) Comm. ad Aen. Virg. 1. 373: inter historiam et annales hoc interest: historia est eorum temporum, quae vel vidimus vel videre potuimus, dicta ἀπὸ τὸυ ἱστὸρῆιν, id est videre. Annales vero sunt eorum temporum annorum que, quae aetas nostra non novit. Unde Livius ex annalibus et historia constat. *haec tamen confunduntur licenter.*
(6) Noct. Attic. V, 88.

а животное не есть необходимо человѣкъ. Такъ говорятъ и про historiae, что онѣ суть или изложеніе, или изъясненіе событій, или какъ нибудь иначе это слѣдуетъ назвать, но annales то, когда излагаются событія многихъ лѣтъ одно за другимъ съ соблюденіемъ порядка каждаго года». ([1])

Что касается до приложенія этихъ разныхъ объясненій къ annales и historiae Тацита, то въ этомъ случаѣ приложимо всего болѣе объясненіе Сервія и тѣхъ ученыхъ, на которыхъ прежде всего указываетъ Геллій; ибо Тацитовы «исторіи» дѣйствительно описываютъ событія, происходившія подъ его глазами, а «лѣтопись» занимается временемъ, бóльшая часть котораго прошла до его появленія на свѣтъ, и небольшая часть котораго была временемъ его дѣтства и отрочества. Но очень можетъ быть, что мнѣніе это какъ Сервіемъ, такъ и тѣми учеными, на которыхъ указываетъ Геллій, составлено именно на основаніи примѣра Тацитовыхъ сочиненій. Отчасти идетъ сюда и мнѣніе самаго Геллія, считающаго существенною стороною «Annales» строго соблюдаемый хронологическій методъ; только Тацитову лѣтопись нельзя сравнивать съ произведеніями тѣхъ анналистовъ, которыхъ имѣлъ въ виду Геллій, или Діомедъ, опредѣлявшій annales по лѣтописямъ римскихъ первосвященниковъ и чиновниковъ. ([2]) Правда у Тацита форма старинныхъ анналовъ соблюдена, каждый годъ выступаетъ съ своими явленіями отдѣльно, описаніе событій, исполненіе которыхъ не совпадаетъ съ окончаніемъ года, нерѣдко прерывается, и продолженіе разказа снова совпадаетъ съ хронологической послѣдовательностью, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ходъ разсказа не представляетъ возможности его раздробле-

---

([1]) Ibid.

([2]) Въ собраніи лат. граммат. Putsche, p. 480: Annales inscribuntur, quod singulorum fere annorum actus contineant, sicut publici annales, quos pontifices scribae que conficiunt.

нія Тацитъ оговаривается; (1) но характеръ сочиненія, единство идеи и отсюда внутренняя связь изложенія, неподчиняющаяся внѣшнему хронологическому дѣленію не позволяютъ намъ никакимъ образомъ ставить «лѣтопись» Тацита въ рядъ произведеній, названныхъ анналами не только по своему внѣшнему, но и внутреннему свойству. Поэтому нельзя не согласиться съ Нибуромъ (2), который говоритъ: «не будь его исторія окончена (т. е. тогда, когда Тацитъ издавалъ свои анналы), то онъ также мало, какъ и Ливій, захотѣлъ бы отдѣлять ее отъ анналовъ. Но для того, чтобы соединить то и другое, начало исторіи надобно бы было разстроить и измѣнить можетъ быть много отдѣльныхъ мѣстъ, и безъ причины. Напротивъ того, если случилось, что произошли два отдѣльныхъ сочиненія, то это было самымъ сообразнымъ дѣломъ». Вотъ это-то обстоятельство, что «Исторіи», обнимающія своимъ содержаніемъ позднѣйшій періодъ времени, были написаны гораздо раньше, и послужило поводомъ какъ къ тому, что «Лѣтопись» составила особое сочиненіе, такъ и къ тому, что ей придана была другая форма, какъ отдѣльному сочиненію, по существу же своему, т. е., что̀ касается до единства исторической идеи и художественнаго изображенія ея, оба сочиненія не отличаются одно отъ другаго (3).

Положительно извѣстно, что «исторіи» написаны раньше «лѣтописи», ибо въ послѣдней Тацитъ ссылается на первыя. (4) Время написаніе «лѣтописи» мы можемъ опредѣлить взявши во вниманіе указаніе (5) въ ней на границы римской

(1) An. XII, 40; XIII, 9.

(2) Kleine historische und philologische Schriften, 2-е собраніе, p. 236.

(3) См. между прочимъ Süvern, Uber den Kunstcharakter des Tacitus въ Abhandlungen der historisch—philologischen Klasse der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1823, p. 80.

(4) An. XI, 11.

(5) An. II, 61.

имперіи на Востокѣ, установленныя Трояномъ въ 115 г. ([1]) Такъ какъ Адріанъ, сдѣлавшись главою римскаго государства въ Августѣ 117 г., тотчасъ же отказался ([2]) отъ Траяновыхъ завоеваній по ту сторону Евфрата, то мы должны предположить, что «annales» писаны между 115 и 117 годами, когда Тациту было за 60 лѣтъ отъ роду. Но чтобы опредѣлить время изданія въ свѣтъ «исторій», для этого нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній, на которыя бы можно было опираться. Остается дѣлать только, на сколько возможно вѣроятныя, догадки. Риттеръ, на неосторожность выводовъ котораго уже было обращено вниманіе читателя, считаетъ «исторіи» написанными еще до изданія «Агриколы» и требовавшими, по изданіи «Агриколы», лишь небольшой поправки для того, чтобы быть изданными. Сообразно съ этимъ Риттеръ относитъ изданіе «исторій» къ 98 г., и считаетъ ихъ изданными вмѣстѣ съ «Германіей». ([3]) Такъ думаетъ Риттеръ на основаніи своеобразнаго толкнованія того мѣста въ Агриколѣ, гдѣ высказывается очевидный намекъ на «исторіи» ([4]). Но въ самихъ «исторіяхъ» мы имѣемъ неопровержимыя доказательства того, что онѣ не могли быть писаны раньше умерщвленія Домиціана: на это указываютъ какъ тѣ мѣста, гдѣ домъ Флавіевъ видѣнъ уже несуществующимъ, такъ и тѣ, гдѣ Тацитъ позволяетъ себѣ рѣзкія выраженія

([1]) Eutr. VIII, 3.

([2]) Spart. Hadr. 5; Eutr. VIII. 6; S. Ruf. 14; August. de civit. Dei IV, c. 29.

([3]) Риттеръ, предисловіе къ кембриджскому изданію стр., XVIII.

([4]) Agr. 3. Non tamen pigebit vel incondita ac rudi voce *memoriam prioris* servitutis ac testimoniun praesentium bonorum *composuisse*. Риттеръ видитъ въ composuisse выраженіе оконченнаго дѣйствія (perfectum), тогда какъ оно здѣсь обозначаетъ дѣйствіе неопредѣленное (аористъ).

на счетъ Домиціана ([1]). Но съ другой стороны слѣдуетъ полагать, что «исторіи» написаны значительно раньше «лѣтописи»; ибо въ началѣ ихъ Тацитъ, обѣщаясь описать правленія Нервы и Траяна, отлагаетъ это дѣло до старости, слѣдовательно, какъ справедливо замѣчаетъ Гаазе, ([2]) тѣмъ самымъ онъ объявляетъ себя еще не старикомъ, какимъ онъ дѣйствительно уже былъ, придавая своей «лѣтописи» послѣднюю редакцію. Вопросъ этотъ могъ бы быть рѣшенъ удовлетворительно, еслибъ намъ была извѣстна дата того Плиніева письма ([3]) къ Тациту, гдѣ высказывается просьба помѣстить въ «исторіяхъ» ходъ процесса противъ Массы Бебія, въ которомъ Плиній принималъ живое участіе. Между тѣмъ намъ извѣстно лишь то, что письмо это писано по смерти Нервы (27 января 98—851), упоминаемаго здѣсь съ эпитетомъ *divus*. Можно однако охотно согласиться съ мнѣніемъ Гаазе ([4]), что «исторіи» изданы около 107 г. нашей эры, хотя мнѣніе это и не имѣетъ за себя какого-нибудь положительнаго основанія. Дѣло въ томъ, что въ началѣ ([5]) «исторій» Тацитъ обѣщается описать впослѣдствіи время правленій Нервы и Траяна, слѣдовательно нужно полагать, что прошло уже значительное время правленія послѣдняго, и тѣмъ болѣе такъ слѣдуетъ думать, что Тацитъ заявляетъ тутъ о богатствѣ матеріаловъ по этому предмету ([6]).

Всѣ эти предварительные вопросы, какіе мы только что разсмотрѣли—о числѣ книгъ того и другаго большаго исто-

---

([1]) Hist. I, 1; I, 8; II. 101; IV, 2, 39, 52, 85, 86. См, Nipperdey, введеніе въ изданіе «лѣтописи», p. IX.

([2]) Пред. къ изд. Тац., p. XIV.

([3]) Ep VII, 33.

([4]) Пред. p. XIV.

([5]) Hist, I, 1.

([6]) Ibid. Quodsi vita suppeditet, principatum divi Nervae et imperium Trajani, *uberiorem securioremque materiam,* senectuti seposui.

рическаго сочиненія Тацита, о разности въ названіи этихъ сочиненій и времени изданія каждаго изъ нихъ, задержали насъ нѣсколько долѣе, чѣмъ требуетъ ихъ научное значеніе. Говоря правду, я обратилъ на нихъ вниманіе не потому, чтобы изслѣдованія такого рода могли имѣть въ настоящемъ случаѣ какую либо историко-литературную важность, а главнымъ образомъ потому, что все это еще нимало не тронуто русскою литературою

Раньше я сказалъ, что на «исторіяхъ» и «лѣтописи» основывается по преимуществу слава Тацита, какъ великаго историка; поэтому на разсмотрѣніе этихъ сочиненій должно быть обращено особенное вниманіе. Именно изъ этихъ сочиненій всего болѣе видно, на сколько великъ художественный талантъ Тацита, какъ велика сила его ума въ пониманіи и осмысливаніи повѣствуемыхъ имъ событій, какою силою слова обладалъ онъ для изображенія историческихъ явленій и выраженія глубокой своей мысли, какого онъ заслуживаетъ довѣрія въ передачѣ фактовъ, далѣе, какія онъ имѣлъ убѣжденія въ религіи, философіи и политикѣ и наконецъ въ какихъ отношеніяхъ стоялъ онъ къ современникамъ въ качествѣ политическаго человѣка. Само собою разумѣется, что тѣже самыя свойства Тацита можно замѣтить и въ прежде разсмотрѣнныхъ нами его сочиненіяхъ, но сущность дѣла раскроется все-таки на разсмотрѣніи «исторій» и «лѣтописи.» Мы приступимъ прежде всего къ «исторіямъ», такъ какъ имъ принадлежитъ хронологическое первенство.

Замѣчательно, что приступая къ исполненію даннаго при изданіи «Агриколы» обѣщанія—передать памяти потомства «исторію рабства» и, въ контрастъ ей, изобразить благоденствіе, которымъ сталъ наслаждаться Римъ съ переходомъ верховной власти въ руки Нервы ([1]), Тацитъ не началъ съ Ав-

---

([1]) Agr. 3.

густа, ни даже съ Тиберія, а приступилъ прямо къ изображенію междуусобныхъ войнъ, предшествовавшихъ переходу принципата въ руки дома Флавіевъ. Нѣтъ однако сомнѣнія, что эрою водворенія въ Римѣ рабства Тацитъ полагаетъ битву при Акціумѣ, послѣ которой вся государственная власть перешла въ руки одного ([1]), а богатства и почести стали дѣлаться достояніемъ тѣхъ, кто обнаруживалъ наиболѣе склонности къ раболѣпію ([2]). Отсюда правленіе Августа называется у Тацита «господствованіемъ» ([3]). Это же время считаетъ нашъ историкъ началомъ и упадка литературы, именно исторической, замѣчая, что съ водвореніемъ единовластія, исчезли великіе историки ([4]). Однимъ словомъ, не можетъ быть сомнѣнія на счетъ того, откуда Тацитъ ведетъ начало порабощенія Рима; между тѣмъ извѣстно, что онъ никогда не писалъ исторіи Августа, и что онъ только въ концѣ своего литературнаго поприща почувствовалъ нужду взяться за эту работу ([5]), на которую однако у него не хватило жизни; ибо св. Іеронимъ ([6]) свидѣтельствуетъ, что 30 книгъ его исторіи Цезарей, начинались временемъ, послѣдовавшимъ за смертію Августа. Но почему Тацитъ приступилъ прежде всего къ исторіи междуусобныхъ войнъ, постигнувшихъ римское государство вслѣдъ за истребленіемъ дома Ю. Цезаря (gens julia) и къ исторіи дома Флавіевъ, это можетъ быть всего легче объяснено тѣмъ, что этотъ періодъ времени, какъ современный ему, представлялъ и больше легкости въ трудѣ, и больше интереса для читателей, видѣвшихъ въ такомъ повѣство-

---

([1]) Hist. I, 1.; An. I, 1.

([2]) An. I, 2: Quanto quis servitio promptior, opibus et honoribus extollerentur.

([3]) Dominatio. An. I, 3.

([4]) Hist. I, 1.

([5]) An. III, 24.

([6]) Comment. in Zachar. III, 14.

ванія исторію своихъ собственныхъ дней. Съ другой стороны ему видимо хотѣлось нарисовать картину ужаснаго правленія Домиціана въ параллель съ изображеніемъ благодатнаго времени, начатаго правленіемъ Нервы, посвятившаго на капитоліѣ храмъ «возстановленной свободѣ». (1) На желаніе поставить параллель между этими двумя періодами Тацитъ указываетъ ясно не только въ извѣстномъ мѣстѣ предисловія къ «Агриколѣ», (2) но и во введеніи въ «исторіи», гдѣ онъ обѣщается вслѣдъ за описаніемъ времени Флавіевъ приступить къ Нервѣ и Траяну, къ тому счастливому времени, «когда можно чувствовать, что хочешь и говорить, что чувствуешь» (3). Отъ чего этотъ планъ былъ впослѣдствіи измѣненъ Тацитомъ и для чего онъ, вмѣсто того, чтобъ предаться описанію счастливыхъ временъ, обратился къ мрачной эпохѣ Тиберія, Каллигулы, Клавдія и Нерона, рѣшить трудно, хотя и можно полагать, что «благодатнѣйшій вѣкъ» Нервы и Траяна ему сталъ казаться впослѣдствіи нѣсколько въ другомъ свѣтѣ, при которомъ прежнія восторженныя похвалы были бы неумѣстны (4).

Содержаніемъ «исторіи» служитъ періодъ времени отъ 2-го консульства Гальбы съ Титомъ Виніемъ до смерти Домиціана (69—96 г.). До насъ же дошелъ лишь небольшой отрывокъ, заключающій въ себѣ повѣствованіе о междуусобныхъ войнахъ, послѣдовавшихъ за смертью Нерона, и о началѣ правленія Веспасіана. Но этотъ отрывокъ, исполненный глубокаго драма-

---

(1) Вотъ надпись, относящаяся къ этому храму въ реставраціи Момзена. Libertati ab. imp. Nerva. Caesare. Aug. anno. ab. urbe. condita D. CCCXXXIIX. XIIII. K. Oct. Restitutae S. P. Q. R.

См. Berichte der Sächsischen Gesellschaft der Wissensch. zu Leipzig 1850. стр. 300. Ср. Плиній Ер IX, 13.

(2) Agr. 3.

(3) Hist. I, 1

(4) Hist. IV, 64: haud facile libertas et domini miscentur.

тизма, мы можемъ разсматривать, какъ отдѣльное цѣлое, которое, какъ мнѣ кажется, въ художественномъ планѣ Тацита должно было служить *введеніемъ* въ исторію Флавіевъ. Въ самомъ дѣлѣ уже въ началѣ повѣствованія о междуусобныхъ войнахъ Тацитъ указываетъ на Веспасіана, какъ человѣка, на долю котораго выпадаетъ роль умиротворителя, предназначеннаго судьбою къ верховной власти (1). Въ продолженіи разсказа нѣсколько разъ выступаетъ имя того же Веспасіана, для котораго работаетъ во время междуусобной неурядицы между Отономъ и Вителліемъ судьба, не покидавшая потомъ его армію въ борьбѣ съ непріятелемъ до самаго Рима (2). Но и независимо отъ дальнѣйшаго повѣствованія, въ которомъ разсказана была исторія Флавіевъ до смерти Домиціана, сохранившійся до насъ отрывокъ «исторіи» представляетъ собой нѣкоторое цѣлое потому, что въ немъ заключается начало и конецъ исторіи междуусобныхъ войнъ, какія опустошали римскую имперію по смерти Нерона до утвержденія верховной власти за Веспасіаномъ. Начинаются «исторіи» вступленіемъ во 2-е консульство Гальбы съ Т. Виніемъ въ 69 (822) г. Это былъ чрезвычайно важный моментъ въ судьбахъ римской имперіи: управлявшій ея судьбами виновникъ государственнаго переворота домъ Ю. Цезаря, члены котораго болѣе полустолѣтія безъ милосердіе истребляли другъ друга кинжаломъ и ядомъ, совершенно пресѣкся убійствомъ послѣдняго изъ нихъ, артиста Нерона. Событіе это произошло 98 лѣтъ спустя послѣ битвы при Акціумѣ, или 96 послѣ того, какъ Октавіанъ Августъ отпраздновалъ сразу тремя тріумфами порабощеніе римскаго народа (3). Что же случилось съ Римомъ, когда не стало больше ни одного члена изъ того дома,

(1) Hist. I. 10.
(2) Hits. III, 80.
(3) Monum. Ancyr. I, 19; Suet- Aug. 22; Dio XI. 21.

который основалъ свое владычество на кровавыхъ развалинахъ республики? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и служатъ «исторіи» Тацита.

«Смерть Нерона, говоритъ нашъ историкъ, послѣ первыхъ порывовъ радости, произвела различныя движенія въ умахъ не только въ Римѣ между сенатомъ, народомъ и столичнымъ войскомъ, но и привела въ движеніе всѣ легіоны и полководцевъ, *послѣ того какъ сдѣлалась извѣстною тайна имперіи, что главой государства (princeps) можно сдѣлаться не въ Римѣ только, а и въ другомъ мѣстѣ* (1). Вотъ исходный пунктъ «исторіи», вотъ и завязка кровавой драмы, которая разыгрывалась болѣе года въ римскомъ мірѣ. Еще до низверженія Нерона, вслѣдствіе возмущенія, поднятаго Виндикомъ въ Галліи, испанскіе легіоны провозгласили императоромъ Сервія Сульпиція Гальбу, который, получивъ извѣстіе о смерти Нерона, принялъ титулъ Цезаря (2) и пошелъ на Римъ. «Путь его былъ медленъ и кровавъ», (3) говоритъ Тацитъ. Онъ обременялъ контрибуціями и разорялъ города Испаніи и Галліи, медлившіе признать его главою государства (4). Между тѣмъ Фонтей Капитонъ, легатъ въ германскомъ войскѣ и Клодій, легатъ въ Африкѣ, подозрѣваемые Гальбой въ соперничествѣ, были умерщвлены имъ черезъ своихъ агентовъ (5). Нимфидія, преторіанскаго префекта изрубили въ куски сами преторіанцы, при обнаруженіи покушенія на власть Цезаря (6). Цингоній Варронъ и Петроній Турпиліанъ—люди консульскаго званія, были умерщвлены Гальбой, одинъ какъ сообщникъ Нимфидія, другой какъ Нероновъ полководецъ, не-

(1) Hist. I, 4.
(2) Suet. Galba 11.
(3) Hist, I, 6.
(4) Suet. Galba. 12.
(5) Suet. Galba, 11; Hist. I, 7.
(6) Hist. I, 5.

будучи допущены къ оправданію (1). Такимъ образомъ Гальба вступилъ въ Римъ, предшествуемый репутаціею человѣка жестокаго и корыстолюбиваго (2). Перебивши безъ нужды въ самомъ Римѣ Нероновыхъ моряковъ, онъ оправдалъ эту репутацію и возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе (3). Наводнивши Римъ иностранными легіонами (4), онъ рѣшился не обращать вниманія на преторіанцевъ и отказалъ имъ въ обѣщанной отъ его имени подачкѣ (donativum), раздражая при этомъ послѣднихъ еще республиканской суровостью; онъ выразился на счетъ donativum, что онъ привыкъ набирать солдатъ, а не покупать ихъ (5). Не привлекши на свою сторону гвардіи, онъ не позаботился снискать себѣ расположеніе и въ низшихъ классахъ столичнаго населенія, привыкшихъ питаться отъ безумной роскоши Нерона (6). Поэтому недовольный его скупостью народъ смѣялся надъ его старостью сравнивая ее невыгодно съ молодостью Нерона (7). Правда сенаторы, знатные всадники и принадлежавшіе къ богатымъ домамъ кліенты были чрезвычайно довольны низверженіемъ Нерона и не оказывали къ новому императору нерасположенія, но и они не могли быть довольны тѣмъ продажнымъ и высокомѣрнымъ правительствомъ, которое устроилъ Гальба изъ друзей своихъ: корыстолюбиваго Т. Винія, высокомѣрнаго Корнелія Лакона и отпущенника Ицела (8). Таково было состояніе умовъ въ Римѣ, когда пришло туда извѣстіе о возмущеніи германскихъ легіоновъ, сначала объявившихъ себя лишь

(1) Ibid. I. 6.
(2) Suet. Gal. 12.
(3) Hist. I, 6; Suet. Galb. 12.
(4) Hist. I, 6; Plena urbs exercitu insolito.
(5) Hist. I, 5; Suet. Gal. 16.
(6) Hist. I, 4.
(7) Ibid. I, 7.
(8) Hist. I, 6 и 7, Suet. Gal 14.

противъ Гальбы и позволявшихъ *сенату и народу римскому* выбрать другаго императора, (¹) но вскорѣ за тѣмъ провозгласившихъ главнокомандующаго легіонами нижней Германіи, Вителлія императоромъ.

Гальба не понималъ великаго секрета, открытаго собственнымъ достиженіемъ верховной власти не по инипіативѣ сената и не по выбору преторіанской гвардіи, а по волѣ и съ помощію иностранныхъ легіоновъ. Къ тому же, избранный солдатами и не безъ крови достигши признанія своей власти въ Римѣ, онъ думалъ избавиться отъ власти солдатъ, не давая имъ обѣщанной подачки. Онъ былъ даже до того недальновиденъ, что въ критическую минуту полученія достовѣрныхъ свѣденій о возмущеніи германскихъ легіоновъ, онъ не искалъ другого средства спасти себя и государство, какъ—усыновить себѣ человѣка республиканскихъ нравовъ, потомка древней аристократіи, Пизона (²) и тѣмъ самымъ снискать себѣ опору въ сенатѣ. Между тѣмъ на главную силу, на которую ему слѣдовало опереться, онъ до того необращалъ вниманія, что Тацитъ вполнѣ справедливо обвиняетъ его въ недальновидности, когда замѣчаетъ: «извѣстно, что малѣйшая щедрость со стороны скупого старика могла бы примирить умы; его погубили древняя строгость и чрезмѣрная суровость, которыя уже не по силамъ нашему времени». (³) И вотъ 10 января (69—822) Пизонъ былъ рекомендованъ солдатамъ и усыновленъ, а 15-го произошло возмущеніе въ преторіанскихъ когортахъ. Гальба и Пизонъ были убиты и императоромъ провозглашенъ былъ Отонъ, знаменитый развратною жизнію при Неронѣ дворѣ. Совершеніе такого переворота приняли на себя два

(¹) Hist. I. 12.
(²) Hist. I, 14.
(³) Hist. I, 18.

простыхъ солдата, и это имъ удалось ([1]). Авторитетъ сената не послужилъ Гальбѣ ровно ни къ чему: раболѣпный сенатъ, вызывавшійся передъ Гальбой отмстить возмутителю спокойствія, Отону ([2]), черезъ нѣсколько часовъ цѣловалъ уже руки у новаго императора ([3]).

Несчастный Римъ, еще не опомнившись отъ кровавой катастрофы, поставившей во главѣ управленія человѣка, напоминавшаго ([4]) образомъ жизни еще недавно свергнутаго Нерона, содрогнулся теперь при вѣсти о междуусобной войнѣ, предпринимаемой Вителліемъ, вѣсти, которую до сихъ поръ повозможности скрывалъ Гальба отъ населенія столицы ([5]). Съ ужасомъ вспоминалъ теперь римскій народъ про Фарсалію Филиппы, Перузію и Мутину, вспоминалъ о томъ, какъ столица была взята нѣсколько разъ римскими войсками. Но прежде онъ стоялъ по крайней мѣрѣ за Ю. Цезаря, за Августа, Помпея, Брута, а теперь ему нужно сражаться за Отона, или за Вителлія, «изъ которыхъ хуже будетъ тотъ, кто останется побѣдителемъ». ([6])

Между тѣмъ полководцы Вителлія, Фабій Валентъ и Цецина были уже на пути въ Италію. Первый двинулся изъ нижней Германіи съ 40-тысячнымъ войскомъ въ Галлію, чтобы вторгнуться въ Италію черезъ Мон-Женевръ, или можетъ быть черезъ Мон-Сени; второй изъ верхней Германіи съ 30-тысячнымъ войскомъ пошелъ ближайшимъ путемъ черезъ с. Бер-

---

([1]) Ibid. I, 22.
([2]) Ibid. I, 35.
([3]) Ib, I. 45.
([4]) Suet. Otho 2: Summum inter amicos (Neronis) locum tenuit *congruentiâ morum*, ut vero quidam tradunt, et consvetudine mutui stupri. Онъ принялъ прозвище Нерона въ первыхъ циркулярахъ къ начальникамъ провинцій, Свет. Otho. 7.
([5]) Hist. I, 50.
([6]) Ibid.

наръ. Ужасъ объялъ обѣ Галліи, когда варварское войско Валента безъ всякаго повода накинулось на несчастный городъ Диводуръ (Мецъ), опустошая его, грабя и убивая жителей: до 4,000 человѣкъ было при этомъ убито совершенно напрасно, безъ причины. Этотъ безчеловѣчный поступокъ имѣлъ слѣдствіемъ то, что всѣ города Галліи при приближеніи Валентова войска стали высылать ему на встрѣчу съ мольбами своихъ чиновниковъ, равно какъ женщинъ и мальчиковъ, которые располагались по дорогамъ, чтобы умилостивить неуважающаго никакихъ правъ солдата (¹). Еще большею жестокостью и кровопролитіемъ ознаменовало себя войско Цецины, проходя черезъ землю Гельветовъ, незнавшихъ еще о низверженіи Гальбы и не хотѣвшихъ признать Вителлія (²). Огромная масса этого народа была перебита, много было продано въ рабство (³). И эти неописанныя звѣрства совершались въ мирное время и были производимы въ провинціяхъ, уже давно преданныхъ римскому народу, но имѣвшихъ несчастіе быть сосѣдними къ Италіи.

Но въ то время, когда полководцы Вителлія по сѣверную сторону альповъ безнаказанно предавались въ мирныхъ провинціяхъ злодѣйствамъ всякаго рода, избалованные и пьянные солдаты Отона съ одной стороны наводятъ ужасъ на Римъ, грозя перебить не только центуріоновъ и трибуновъ, но и весь сенатъ (⁴), съ другой—опустошаютъ огнемъ и мечемъ сѣверную Италію, какъ бы непріятельскую землю (⁵). Вся вина этихъ несчастныхъ разоренныхъ городовъ, деревень и странъ заключалась лишь въ томъ, что развратный Отонъ

(¹) Hist. I. 63.
(²) Ibid. I, 67.
(³) Ibid. I, 68.
(⁴) Ibid. I, 80—84.
(⁵) Ib. II, 12.

и обжорливый Вителлій вздумали спорить между собою о томъ, кто изъ нихъ достойнѣе управлять міромъ. Къ счастію, борьба двухъ противниковъ продолжалась не долго. Одержавши своимъ флотомъ нѣкоторое превосходство надъ Вителліанцами у береговъ нарбоннской Галліи, Отонъ не могъ съ своими преторіанцами и гладіаторами (1) долго держаться на берегахъ По противъ грубыхъ солдатъ Вителлія. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, битва при Бедріакѣ (2) рѣшила участь воюющихъ сторонъ. Отонъ лишилъ себя жизни, а солдаты его перешли на сторону противниковъ. Нѣкоторые изъ этихъ солдатъ однако рѣшились лишить себя жизни на кострѣ Отона въ честь своего императора (3).

Такимъ образомъ борьба между Отономъ и Вителліемъ кончилась. «Однако, говоритъ Тацитъ, на Италію посыпались болѣе тяжкіе и жестокіе удары послѣ побѣды (Вителлія), чѣмъ во время войны. Вителліанцы, разсѣявшись по муниципіямъ и колоніямъ, опустошали, грабили, предавались насилію и оскверняли развратомъ. Жадные и продажные на все позволенное и непозволенное, они не щадили ни священнаго, ни мірскаго. Находились при этомъ граждане, которые подъ видомъ солдатъ, убивали своихъ частныхъ враговъ. А знакомые съ мѣстностями солдаты указывали для грабежа плодоносныя нивы и богатыхъ владѣтелей, и, въ случаѣ сопротивленія, все предавалось разоренію. Полководцы, будучи сами виновны, не смѣли запрещать». (4). Но Италіи грозило еще новое нашествіе варваровъ, которыхъ велъ съ собой самъ Вителлій (5). Обладая необыкновеннымъ обжорствомъ, онъ разорялъ цѣлые

(1) Гладіаторовъ было въ его войскѣ 2,000 См. Hist. II, 11.
(2) Ib. II, 43.
(3) Ib. II, 49.
(4) Hist. II, 56.
(5) Ibid. II, 57.

города своими обѣдами, не говоря уже о подвозѣ для его желудка разныхъ irritamenta gulae изъ Рима и Италіи по всѣмъ направленіямъ ([1]). Кто видалъ бюсты этого всепожиравшаго чудовища, тотъ безъ труда повѣритъ, сообщаемому Тацитомъ слуху, что онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ проѣлъ девятьсотъ милліоновъ сестерцій ([2]), т. е. около 45 милліоновъ рублей серебромъ: теперь онъ велъ въ Римъ 60 тысячь солдатъ, привыкшихъ ко всевозможнымъ безчиніямъ, и сопровождаемыхъ еще бо́льшимъ количествомъ рабовъ и всякой сволочи, приставшей къ этой саранчѣ во время пути ([3]). За семь миль отъ Рима толпа, сопровождавшая войско Вителлія была перебита въ большомъ количествѣ за то, что нѣкоторые позволили себѣ подшутить надъ солдатами во время пира, даннаго имъ Вителліемъ ([4]). Въ то же время авангардъ арміи уже свирѣпствовалъ въ самомъ Римѣ надъ любопытнымъ населеніемъ столицы. ([5]) Наконецъ, гоня предъ собой сенатъ и народъ, въ сопровожденіи своего храбраго воинства, Вителлій по Фламиніевой дорогѣ вступилъ въ Римъ. Тамъ на Капитоліѣ обнявъ старуху мать свою, онъ наградилъ ее титуломъ Августы. ([6]) На другой день въ присутствіи сената и народа, воздавши себѣ достодолжныя похвалы, «превознесши свою дѣятельность и умѣренность», онъ принялъ отъ раболѣпнаго народа и самъ названіе Августа: ([7]) не надобно забывать, что это былъ человѣкъ, получившій воспитаніе въ сералѣ Тиберія на о. Капреяхъ (Капри), и не имѣвшій до того времени въ обществѣ другаго прозвища, какъ spintria ([8]).

([1]) Ibid. II, 62.
([2]) Ibid. II, 95.
([3]) Ibid. II. 87.
([4]) Ibid. II, 88.
([5]) Ibid.
([6]) Ibid. II, 89.
([7]) Ibid. II, 90.
([8]) Suet. Vitel, 3.

Едва успѣлъ Вителлій отпраздновать день своего рожденія гладіаторскими играми во всѣхъ кварталахъ города, какъ уже судьба его была рѣшена возстаніемъ противъ такой непотребной власти легіоновъ всего Востока, провозгласившихъ императоромъ Веспассіана. Переходя изъ рукъ въ руки отъ однихъ легіоновъ къ другимъ, Римъ еще разъ долженъ будетъ испытать положеніе завоеваннаго города. На его улицахъ скоро будутъ происходить отчаянныя битвы между варварами, неспособными уважать ни его великолѣпія, ни святыни; загорится кровавый бой на Капитоліѣ, и великая святыня, пережившая неповрежденно случайности всѣхъ внѣшнихъ и междуусобныхъ войнъ, пощаженная Порсеной и Галлами, нетронутая даже Нероновымъ пожаромъ, храмъ Юпитера Капитолійскаго, предана будетъ пламени. Этою жертвою купленъ будетъ миръ, и Римъ отдохнетъ болѣе, чѣмъ въ продолженіе 10 лѣтъ, управляемый двумя хорошими государями.

Мы приступаемъ теперь къ послѣднему акту кровавой драмы междуусобныхъ войнъ этого времени. До сихъ поръ Востокъ, получая извѣстія о низверженіи одного преемника дома Цезарей за другимъ, оставался спокоенъ; но наконецъ дошла очередь и до него. Послѣ того, какъ стало легкимъ дѣломъ дѣлаться главами государства такимъ лицамъ, какъ Отонъ и Вителлій, изъ которыхъ одинъ былъ знаменитъ лишь развратомъ, а другой развратомъ и обжорствомъ, трудно было отказаться попытать счастья такому дѣятельному полководцу, какъ Веспасіанъ. Онъ былъ занятъ осадою Іерусалима въ то время, когда происходила борьба между Отономъ и Вителліемъ (1). Онъ принесъ присягу Отону (2), но въ то же время сталъ готовиться къ войнѣ за главенство въ имперіи, ожидая исхода схватки между Отономъ и Вителліемъ (3). При

(1) Hist. II, 4.
(2) Ibid. I, 76; II, 6.
(3) Ibid. II, 6—7.

посредствѣ своего сына Тита, человѣка ловкаго и любезнаго, онъ вступилъ въ дружественныя связи съ правителемъ Сиріи Муціаномъ и сталъ сговариваться съ нимъ, имѣя въ виду расположеніе солдатъ къ возстанію ([1]). Рѣшительная минута дѣйствія наступила для него тогда, когда солдаты съ видимымъ неудовольствіемъ выслушивали присягу Вителлію ([2]), сдѣлавшемуся побѣдителемъ. Хорошій солдатъ и полководецъ, Веспасіанъ поколебался было въ ту минуту, обдумывая шансы за и противъ междуусобной войны, ([3]) но Муціанъ, дальновидный политикъ и человѣкъ съ организаторскими способностями для такого рода войны ([4]), убѣдилъ его не колебаться въ такомъ дѣлѣ, гдѣ имъ нѣтъ выбора между казнью и возстаніемъ. ([5]). Дѣло Веспасіана пошло скоро. 1-го іюля онъ былъ признанъ императоромъ египетскими войсками, стоявшими въ Александріи подъ начальствомъ Тиберія Александра, 3-го іюля присягнуло ему съ восторгомъ его собственное войско (въ Іудеѣ), а до 15 іюля уже вся Сирія была на его сторонѣ ([6]). Было рѣшено: Титъ останется въ Іудеѣ, Веспасіанъ займетъ Египетъ, Муціанъ направится въ походъ противъ Вителлія. Ко всѣмъ войскамъ и легатамъ посланы были призывы къ возстанію ([7]). Муціанъ тронулся въ походъ, и скоро легіоны Иллиріи, Мёзіи, Панноніи и Далмаціи были уже на сторонѣ Веспасіана. Вмѣстѣ съ паннонскими легіонами Муціанъ пріобрѣлъ и такого хорошаго полководца, каковъ былъ Антоній Примъ. Испуганный Вителлій потребовалъ помощи изъ Германіи и Британіи: между

([1]) Ib. II, 5—7.
([2]) Hist. II, 79.
([3]) Ibid.
([4]) Ibid. II, 5.
([5]) Ib. II, 76,
([6]) Ib. II, 79—81.
([7]) Ib. II, 82.

тѣмъ Цецина и Валентъ, доставившіе ему имперію, должны были идти теперь въ походъ, чтобъ защищать ее.

Съ перваго раза можно было видѣть, что дѣло Вителлія проиграно. Вотъ какъ описываетъ Тацитъ состояніе его германской арміи, которая не задолго до того шла побѣдоносно въ Римъ, опустошая на пути Галлію, Гельвецію и Италію. «Германское войско, отправляясь изъ города, далеко не имѣло прежняго вида; ни крѣпости въ тѣлахъ, ни бодрости въ душахъ. Медленно и рѣдкими рядами шло оно съ опущеннымъ оружіемъ, съ излѣнившимися лошадьми. Солдатъ не могъ выносить ни солнечнаго жару, ни пыли, ни непогоды и на сколько онъ былъ притупленъ для труда, на столько сталъ онъ болѣе склоннымъ къ возмущеніямъ» (1). Такимъ образомъ при отупѣніи Вителлія, при физической и нравственной разслабленности войска, наконецъ при наклонности полководцевъ къ измѣнѣ, (2) нечего было и надѣяться на особенно энергическое сопротивленіе силамъ Веспасіана, авангардъ которыхъ подъ предводительствомъ Антонія Прима спѣшилъ скорѣе вторгнуться въ Италію.

До самой Кремоны войско Антонія не встрѣтило никакого серьёзнаго сопротивленія. Но этотъ укрѣпленный городъ утомленному длиннымъ походомъ войску взять было не легко. Городъ защищался отчаянно не только солдатами Вителлія и кремонскими гражданами, но еще массой народа, сошедшагося туда изъ Италіи по случаю ярмарки (3). Послѣ многихъ безуспѣшныхъ приступовъ и большихъ потерь со стороны войска Антонія городъ былъ взятъ и преданъ на разграбленіе. Страшныя сцены разразились надъ Кремоной. «Сорокъ тысячъ вооруженныхъ людей ворвались въ городъ, не считая еще

(1) Ib. II, 99.
(2) Ibidem.
(3) Ibid. III, 30.

бóльшаго числа прислуги и маркитантовъ—народа еще болѣе развращеннаго и болѣе жестокаго. Ни знатность, ни возрастъ не защищали отъ оскверненія соединеннаго съ убійствомъ, отъ убійства, къ которому примѣшивалось оскверненіе. Долголѣтніе старики и старыя женщины, не имѣя значенія добычи, служили игрушками; а если попадалась взрослая дѣвица, или молодой человѣкъ привлекательной наружности, то они разрывались въ куски руками спорящихъ между собой похитителей, истреблявшихъ за тѣмъ другъ друга. Тащилъ ли кто деньги и драгоцѣнныя приношенія изъ храмовъ, на него нападалъ другой, болѣе сильный и убивалъ его. Нѣкоторые недовольствуясь тѣмъ, чтó попадалось, побоями и пытками доискивались скрытыхъ сокровищъ у хозяевъ и вырывали зарытое въ землю. Ходя съ факелами въ рукахъ, они бросали ихъ для развлеченія въ пустые дома и храмы, послѣ того какъ вынесена была оттуда добыча. Какъ въ войскѣ, разнообразномъ по языкамъ и по нравамъ, гдѣ находились римскіе граждане, союзники, иностранцы, тутъ дѣйствовали разныя страсти, всякій по своему понималъ законное, и никто не считалъ чего нибудь недозволеннымъ. Четыре дня продолжалось опустошеніе Кремоны. Все, какъ священное, такъ и мірское объято было пламенемъ; одинъ храмъ Мефитисы стоялъ за стѣною города нетронутымъ, будучи защищаемъ своимъ положеніемъ, или божествомъ». (1) Мало этихъ ужасовъ: когда плѣнныхъ Кремонцевъ никто въ Италіи не хотѣлъ покупать въ рабство, то солдаты стали убивать ихъ, чтобы тѣмъ заставить родителей и родственниковъ выкупать несчастныя жертвы несчастнаго времени. Распущенные въ дисциплинѣ, солдаты не слушались приказа Антонія, запрещавшаго удерживать въ рабствѣ плѣнныхъ Кремонцевъ (2).

(1) Ibid. III. 33
(2) Ib. III; 34.

Когда Италія уже такъ сильно чувствовала руку новаго побѣдителя, Вителлій подъ тѣнью роскошныхъ садовъ Ариціи наслаждался нѣгой и пребывалъ въ совершенной беззаботливости, какъ будто дѣло вовсе его и не касалось. Тацитъ замѣчаетъ, что онъ, подобно тѣмъ лѣнивымъ животнымъ, которыя, наполнивъ желудокъ, лежатъ и дремлютъ, одинаково забывалъ прошедшее, настоящее и будущее ([1]). Уже начальникъ равеннскаго и мизенскаго флотовъ явно измѣнилъ Вителлію вмѣстѣ съ Цециной, а Валентъ, отправившись въ походъ съ толпой любовницъ и эвнуховъ, и предаваясь всевозможному разврату ([3]), оказывалъ полное бездѣйствіе, и наконецъ попался въ плѣнъ, уже Испанія, Галлія, Британія приняли сторону Веспасіана, а въ Германіи, откуда ждалъ Вителлій подкрѣпленія, вспыхнуло грозное возмущеніе противъ римскаго владычества: тогда только Вителлій вздумалъ дать приказаніе Юлію Приску и Алфену Вару занять Апеннины четырнадцатью преторіанскими когортами и всей кавалеріей. Между тѣмъ онъ безъ всякаго смысла назначаетъ на нѣсколько лѣтъ консуловъ, раздаетъ разныя права союзникамъ и провинціямъ, и наконецъ самъ отправляется въ лагерь. Тутъ онъ обнаружилъ полное отсутствіе въ себѣ способностей полководца, ничего не зная, постоянно спрашивая другихъ и приходя въ трепетъ отъ каждой непріятной вѣсти. Ему ничего не оставалось, какъ воротиться въ Римъ, чтобъ не путать дѣла, какъ онъ и поступилъ, пораженный извѣстіемъ объ отпаденіи мизенскаго флота. ([3])

Но Флавіянцы (войско Веспасіана, подъ предводительствомъ Антонія) переходятъ Апеннины почти безъ сопротивленія; офицеры Вителлія переходятъ на сторону непріятеля, а испу-

---

([1]) Ib. III, 36.
([2]) Ib. III, 50—51.
([3]) Ibid. III, 56.

ганные этимъ полководцы бѣгутъ въ Римъ къ Вителлію [1], наконецъ и солдаты, хотя чистосердечно преданные Вителлію [2], но не зная, что дѣлать, присоединяются въ долинѣ Нарніи (на южномъ берегу Нара въ Умбріи на фламиніевой дорогѣ) къ тѣмъ, противъ кого они были созваны сражаться [3].

Въ слѣдъ за тѣмъ въ Римѣ произошло событіе, которое Тацитъ горестно оплакиваетъ, и которое въ самомъ дѣлѣ можетъ свидѣтельствовать о томъ, до какого печальнаго положенія доведенъ былъ Римъ подъ эгидою возводимыхъ и низвергаемыхъ солдатами государей [4]. Дѣло вотъ въ чемъ. Полководцы Веспасіана, Антоній и самъ Муціанъ, предлагали Вителію отказаться отъ власти, положить орудіе и предаться на волю Веспасіана, обѣщаясь не только оставить ему жизнь, но и снабдить деньгами и предоставить спокойное уединеніе въ Кампаніи. Вителлій былъ не прочь согласиться на такія условія и вступилъ въ переговоры относительно количества рабовъ, какое будетъ ему дано и о выборѣ морскаго берега. [5] При посредничествѣ Флавія Сабина, Веспасіанова брата, который оставался префектомъ города, не смотря на то, что братъ его рѣшился свергнуть Вителлія, заключенъ былъ въ силу этихъ переговоровъ контрактъ, который и былъ подписанъ Вителліемъ въ храмѣ Аполлона [6]. По этому контракту Вителлій отказывался отъ императорской власти, и за то получалъ

(1) Ib. III, 61.
(2) Ibid. gregarius miles induruerat pro Vitellio.
(3) Ib. III, 63.
(4) Я думаю, что позволительно передавать по русски «princeps» словомъ *государь*, которое обозначаетъ, также какъ princeps, *вообще* главу государства. Во всякомъ случаѣ мы можемъ пользоваться этимъ словомъ *для* замѣны princeps не съ меньшимъ правомъ, какъ Итальянцы, употребляющіе *для* этого il principe, или Французы—le prince.
(5) Hist. III, 63.
(6) Ibid. III, 65.

безопасность и сто милліоновъ сестерцій (около пяти милліоновъ рублей сер.). [1] Извѣстіе объ этомъ до того непріятно подѣйствовало на римскую чернь и солдатъ, приведенныхъ въ Римъ Вителліемъ, что послѣдніе возмутились. Флавій Сабинъ съ нѣсколькими солдатами, сенаторами и всадниками удалился на Капитолій, [2] рѣшившись защищаться въ тамошней крѣпости. Произошла отчаянная битва, которая окончилась истребительнымъ пожаромъ на Капитоліѣ. «Это было, говоритъ Тацитъ, самое плачевное и самое постыдное въ государствѣ римскаго народа дѣло со времени основанія города. Въ то время, когда у насъ не было никакого внѣшняго врага, при благосклонности къ намъ (если только мы заслуживали ее нашимъ поведеніемъ) боговъ, сѣдалище верховнаго Юпитера (Jovis Optimi Maximi), счастливо какъ залогъ нашего владычества, основанное предками, котораго не могли осквернить ни Порсена, по сдачѣ ему города, ни Галлы по его завоеваніи, было разрушено теперь по неистовству нашихъ государей. Горѣлъ Капитолій и прежде во время междуусобной войны, но то было тайное злодѣяніе частныхъ лицъ, а теперь былъ онъ открыто осажденъ и открыто преданъ сожженію. Какая же война была тому причиною? Какое вознагражденіе за такое бѣдствіе? За отечество что-ли мы сражались?» [3] Нельзя и намъ не спросить себя вмѣстѣ съ Тацитомъ: что за несчастная судьба лежала въ это время на Римѣ, терзаемомъ тираннами, честолюбцами и солдатами изъ варваровъ? Гдѣ же миръ, будто бы водворенный имперіей? Я посвящу особую главу разбору мнѣній ученыхъ, которые, не соглашаясь съ Тацитомъ и здравымъ смысломъ, стали недавно проповѣдывать о томъ, что имперія была великимъ движеніемъ впередъ, вре-

---

(1) Suet. Vit. 15.
(2) Hist. III, 69.
(3) Hist. III, 72.

менемъ прогресса, и которые не хотятъ видѣть, что въ самыя печальныя времена республики анархія далеко не достигала такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ концѣ перваго вѣка имперіи. Здѣсь замѣчу лишь одно: самое уродливое явленіе республики была охлократія, и самое нормальное въ имперіи римской—солдатскій деспотизмъ. Чтó лучше?

Въ то же самое время, когда германскіе солдаты жгли Капитолій и рубили въ куски его защитниковъ, Люцій Вителлій, братъ императора производилъ страшную рѣзню въ Террачинѣ, объявившей себя, какъ и многіе города Кампаніи, за Веспасіана. Обрадованный разрушеніемъ этого города, которое удалось ему впрочемъ лишь по измѣнѣ одного раба (1), Люцій Вителлій послалъ своему брату лавровую вѣтвь въ знакъ побѣды и спрашивалъ дальнѣйшихъ инструкцій, но торжество это было для Вителліанцевъ послѣднимъ. Пожаръ на Капитоліѣ разбудилъ войска Антонія, остановившіяся праздновать Сатурналіи въ Окрикулумѣ (2): Солдаты потребовали отъ полководца вести ихъ скорѣе на Римъ, чтобы завершить тамъ рядъ побѣдъ своихъ. Антоній двинулся къ Краснымъ Скаламъ (въ Этруріи) и узнавши, чѣмъ окончилась осада Капитолія рѣшился итти далѣе, отвѣчая на разныя предложенія Вителлія, что «убіеніемъ Сабина и сожженіемъ Капитолія прерваны всѣ переговоры» (3). Нетерпѣніе солдатъ Антонія было такъ велико, что, подошедши къ Риму, они никакъ не хотѣли остановиться лагеремъ у мульвіева моста (н. ponte Molle, версты полторы отъ porta del popolo, преж. porta Flaminia), какъ хотѣлъ того Антоній, чтобъ вступить въ городъ уже на слѣдующій день. Антоній долженъ былъ уступить и

(1) Hist, III. 77.
(2) Ibid III, 78. Окрикулумъ находился въ южной Умбріи, при Фламиніевой дорогѣ.
(3) Ibid. III, 81.

его войско пошло на Римъ тремя отрядами: одинъ прямо по фламиніевой дорогѣ, другой по берегу Тибра, а третій пошелъ по via Salaria направляясь къ porta Collina; такимъ образомъ предположено было вступить въ Римъ съ Сѣвера и Сѣверо-Востока. Вооружившійся за Вителлія народъ былъ безъ труда разогнанъ, но съ солдатами Вителлія завязалась кровопролитная борьба передъ Римомъ и на улицахъ самаго города, борьба, при которой римскій народъ выказалъ себя съ тѣхъ ужасающихъ сторонъ, которыя явно свидѣтельствовали о моральной смерти вѣчнаго города.

«Народъ присутствовалъ при битвахъ въ качествѣ зрителя и какъ бы на потѣшномъ сраженіи одобрялъ то ту, то другую сторону, крикомъ и рукоплесканіемъ. Всякой разъ, какъ одна сторона была опрокинута и солдаты укрывались въ лавкахъ, или убѣгали въ какой нибудь домъ, онъ требовалъ, чтобы ихъ оттуда вытаскивали и убивали, а самъ овладѣвалъ бо́льшею частью добычи. Тогда какъ солдатъ весь предавался рѣзнѣ, награбленное переходило къ народу. Весь Римъ представлялъ свирѣпое и отвратительное зрѣлище: здѣсь сраженія и раны, тамъ бани и кутежъ; тутъ кровь и кучи труповъ, рядомъ публичныя женщины и имъ подобныя; съ одной стороны величайшій развратъ разгульной праздности, съ другой всѣ ужасы завоеваннаго города. Рѣшительно можно было подумать, что одинъ и тотъ же городъ находится и въ бѣшенствѣ и въ разгулѣ. Сражались и прежде вооруженныя войска въ городѣ, два раза когда Сулла, и разъ когда Цинна оставались побѣдителями, и тогда не меньше было жестокости: но теперь видно было нечеловѣческое чувство безопасности, и удовольствія не были прерваны ни на одну минуту, словно какъ будто къ праздничнымъ днямъ ([1]) прибавилась новая радость,—веселились, наслаждались, нимало не за-

([1]) Тогда былъ праздникъ Сатурналій.

ботясь о борьбѣ партій, радуясь общественнымъ бѣдствіямъ» ([1]) Эта мастерская картина Рима, изображающая одинъ изъ ужасныхъ дней его, говоритъ многое,—ее всякій понимаетъ.

Вителліанцы, возбужденные съ одной стороны чувствомъ отчаянія, съ другой чувствомъ военной чести, дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Дорого стоило побѣдителямъ овладѣть преторіанскимъ лагеремъ, для осады котораго употреблены были въ дѣло всякія машины и военное искусство, какое требовалось для завоеванія укрѣпленныхъ городовъ. Защитники Вителлія сдаться не хотѣли и пали всѣ въ жестокой борьбѣ съ непріятелемъ. ([2]) Наконецъ Вителлій, оставшись безъ защитниковъ и не умѣвшій скрыться, былъ схваченъ. Его потащили погороду связаннаго, въ изодранной одеждѣ, кололи шпагами, заставляя тѣмъ прямо держать голову, и въ такомъ видѣ подводили къ его статуямъ, которыя приnемъ же были низвергаемы, къ рострамъ и къ мѣсту, гдѣ убитъ былъ Гальба, Къ довершенію безчестія его протолкали къ Гемоніямъ, гдѣ еще лежало тѣло Сабина, и тутъ онъ палъ подъ множествомъ ударовъ. «И чернь, замѣчаетъ Тацитъ, съ такою же подлостью оскорбляла его убитаго, съ какою выражала преданность живому» ([3]).

Съ умерщвленіемъ Вителлія кончилась война, но не начался миръ, говоритъ, Тацитъ. ([4]) Миръ не могъ быть водворенъ сразу потому, что Веспасіановы солдаты не могли отказаться отъ возможности воспользоваться плодами своихъ побѣдъ. Сначала они производили убійства на улицахъ, площадяхъ и даже въ храмахъ, преслѣдуя побѣжденныхъ. За тѣмъ приступлено было къ грабежу со взломомъ домовъ и

([1]) Hist. III, 83.
([2]) Ibid· III; 84.
([3]) Ibid. III 86.
([4]) Ibid. IV. 1.

насиліемъ. Римъ до такой степени испытывалъ участь завоеваннаго города, что наконецъ сталъ жалѣть о господствѣ Отоновыхъ и Вителліевыхъ солдатъ. Начальники войска были не въ силахъ удерживать напоеннаго кровью солдата, котораго они сами поджигали къ междуусобной войнѣ съ большой энергіей. Римляне чрезвычайно обрадовались, когда рѣшено было этимъ варварамъ итти противъ Люція Вителлія, находившагося съ арміей въ Кампаніи. Отправлено также было войско подъ предводительствомъ Люцилія Басса для усмиренія городовъ Кампаніи, которые были еще въ возстаніи (1).

Между тѣмъ Сенатъ опредѣляетъ Веспасіану, еще отсутствующему, всѣ почести, свойственныя императорамъ. Вмѣстѣ съ этимъ спокойствіе и надежда на миръ стали устанавливаться. «Междуусобная война, говоритъ Тацитъ, начавшись въ Галліяхъ и въ Испаніяхъ, взволновавши Германію, за тѣмъ Иллирію, пробѣжавши Египетъ, Іудею, Сирію, всѣ провинціи и войска, какъ бы послѣ очищенія вселенной, казалась окончившеюся», (2) Сенатъ предоставилъ Веспасіану, вмѣстѣ съ сыномъ его Титомъ консульство, и тѣмъ начинается исторія правленія въ Римѣ дома Флавіева. Водворенъ былъ въ Римѣ миръ, обновленъ Капитолій и возстановленъ храмъ Юпитера Капитолійскаго (3). Оставалось окончить іудейскую войну и усмирить вспыхнувшее во время междуусобій возстаніе въ Германіи и Галліи противъ римскаго владычества. Разсказъ о томъ и о другомъ не дошелъ до насъ оконченнымъ въ «исторіяхъ» Тацита.

Таково содержаніе сохранившейся части Тацитовыхъ «исторій». Читатель видитъ, что она можетъ составлять отдѣльное цѣлое и представляетъ какъ бы эпическое произведеніе,

(1) Ibid. IV. 3.
(2) Ibid. IV, 3.
(3) Ibid. IV. 53.

гдѣ сохранено вполнѣ единство дѣйствія, гдѣ характеры дѣйствующихъ лицъ и событія изображены такими живыми красками, что мы не только понимаемъ описываемую эпоху умомъ, но и представляемъ ее въ воображеніи, гдѣ наконецъ, глубоко чувствуется то, что̀ называѐтся художественностью въ историческомъ произведеніи. Передъ нами картина междуусобной войны въ римской имперіи. Она далеко не похожа на знакомыя намъ картины гражданскихъ междуусобій въ республикѣ. Борьба идетъ здѣсь не за свободу противъ угрожающаго деспотизма, не за уравненіе въ политическихъ правахъ одной части итальянскаго населенія съ другою, не за раздѣлъ полей, несправедливо захваченныхъ патриціями и богачами, въ пользу бѣднаго плебса; дѣйствующія лица тутъ не граждане, которымъ дорогъ тотъ или другой порядокъ въ государствѣ, вожаки ихъ не ораторы, движущіе массами съ трибуны форума: нѣтъ, это варварская, опустошительная, безсмысленная, солдатская война, возбужденная честолюбіемъ полководцевъ, питаемая алчностью военныхъ массъ. Политическихъ принциповъ, государственныхъ соображеній у предводителей въ этой борьбѣ не было; а солдатъ въ Римѣ, давно ужъ пересталъ служить государству, онъ служилъ собственной корысти и лицу, подъ предводительствомъ котораго его алчность находила легчайшее удовлетвореніе. Отечества, за славу и счастіе котораго бились прежде граждане, у солдата не было, ([1]) честь римскаго государства было дѣло ему чуждое; поэтому за подачку на водку, или за дозволеніе грабежа онъ давалъ міру повелителей, шелъ на битву и опустошенія. Гражданскаго элемента въ этой войнѣ также не было: онъ выступаетъ на сцену (сенатъ и народъ) лишь для того, чтобъ потерпѣть отъ всевластвующаго солдатства всевозможныя обиды и уни-

---

([1]) Hist. III. 84: Proprium esse militis decus in castris; illam patriam, illos penates.

женія, или чтобъ доказать свое существованіе всевозможнымъ раболѣпіемъ. Дѣло начинается и оканчивается солдатами, пришедшими въ движеніе на всемъ протяженіи римскаго міра отъ Британіи до Аравійскаго залива изъ-за легкой возможности пограбить подъ предлогомъ дарованія государя римскому народу. Да уже давно римская исторія перестала быть исторіей народа, который сошелъ со сцены и передалъ свою жизнь и силу въ руки одного. Все стало вертѣться около введеннаго Августомъ принципата и тѣхъ грубыхъ, враждебныхъ свободѣ и цивилизаціи элементовъ, которые служили для него и опорою, и пропастью. Художническому таланту Тацита именно и предстояло—представить въ этой части «исторій», которую я назвалъ *введеніемъ*, полное жизни и смысла изображеніе состоянія принципата въ одну изъ самыхъ критическихъ для него эпохъ, со всѣми его вліяніями на положеніе огромнаго римскаго государства ([1]).

Надо полагать, что Тацитъ былъ очевидцемъ многихъ событій, разсказываемыхъ имъ въ дошедшей до насъ части «исторій». Ему было тогда около 16 лѣтъ; поэтому если только онъ находился въ то время въ Римѣ, то могъ видѣть многое. Чего не видѣлъ, могъ слышать отъ очевидцевъ, или прочитать въ ежедневной газетѣ (acta diurna, или просто, diurna populi Romani). Впослѣдствіи онъ могъ читать о тѣхъ же событіяхъ и въ сенатскомъ журналѣ (acta senatus), не издававшемся со временъ Августа для публики, но бывшемъ доступнымъ Тациту въ то время, когда онъ занималъ высшія (курульныя) государственныя должности и былъ членомъ Сената. Изъ писателей, какими онъ пользовался для составленія «исторій», онъ поименовываетъ только двухъ: Плинія

([1]) Обращаю вниманіе читателя на великолѣпную статью Сюверна: Uber den Kunstcharacter des Tacitus въ Abhandlungen der Akademie der Wissensch. zu Berlin, 1823.

старшаго (1) и Випстана Мессалу (2) съ которымъ читатель уже знакомъ по «Разговору объ ораторахъ»; но слѣдуетъ думать, что подъ руками его находилась огромная масса разныхъ мемуаровъ и сочиненій, о которыхъ мы теперь не имѣемъ ни малѣйшаго свѣденія. Это видно изъ слѣдующихъ выраженій Тацита: «нахожу у нѣкоторыхъ писателей», (3) «современные писатели повѣствуютъ», (4) «всѣ писатели согласны,» (5) «ссылаюсь на знаменитѣйшихъ писателей», (6) «нѣкоторые повѣствуютъ», (7) «многіе повѣствуютъ» (8) и т. п. Интересно знать, какими источниками онъ пользовался при описаніи Іудеи и іудейской войны, но рѣшить эту задачу тѣмъ менѣе возможно, что мы владѣемъ самою незначительною частью этого описанія. По всей вѣроятности онъ имѣлъ подъ руками между прочимъ записки Веспасіана, на которыя ссылается Іосифъ Флавій въ своемъ жизнеописаніи (9) и нѣтъ ничего не вѣроятнаго въ томъ, что историкъ нашъ пользовался также и сочиненіями самаго Іосифа Флавія. *(См. ниже* объ источникахъ для «лѣтописи).

«Исторіи» Тацита въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, занимаются, какъ читатель уже хорошо знаетъ, описаніемъ междуусобныхъ войнъ, возникшихъ изъ–за принципата, сдѣлавшагося, по изчезновеніи дома Юліевъ—Клавдіевъ, заманчивою добычею для каждаго изъ честолюбивыхъ предводителей римскихъ легіоновъ. Возгорѣвшаяся по этому поводу борьба на всемъ протяженіи римскаго міра доказала, что сто лѣтъ спу-

---

(1) Hist. III, 28.
(2) Ibid. III, 25 и 28.
(3) Ib. II, 27.
(4) Ib. II, 101.
(5) Ib. III, 29.
(6) Ib. III. 51.
(7) Ib. III, 54.
(8) Ib. III, 59.
(9) Автобіогр. с. 56.

стя послѣ битвы при Акціумѣ принципатъ (единовластіе) (¹) сдѣлался такимъ необходимымъ элементомъ въ римскомъ государствѣ, что замѣна его республиканскимъ правленіемъ была невозможна ни подъ какимъ видомъ. Но она ясно обнаружила и то, до какой глубокой степени разврата, если такъ можно выразиться дошелъ въ это время принципъ единовластія въ Римѣ. Легкость, съ какою сдѣлался императоромъ Отонъ, неимѣвшій на то никакихъ правъ, кромѣ широкой безнравственности, которою онъ могъ помѣриться съ послѣднимъ Цезаремъ, поразительная неспособность къ государственнымъ дѣламъ Вителлія, возведеннаго въ императоры германскими солдатами, все это свидѣтельствуетъ именно о томъ, что новый режимъ, введенный Августомъ, успѣлъ уже въ сущности не меньше извратиться, какъ и республика ко временамъ перваго тріумвирата. Вотъ впечатлѣніе, производимое ансамблемъ «исторій» и вотъ историческое значеніе этого геніальнаго произведенія. Другое великое сочиненіе Тацита, къ которому мы немедленно должны приступить, покажетъ намъ какимъ путемъ дошелъ принципатъ такъ скоро до того дикаго положенія, въ какомъ онъ очутился, по низверженіи Нерона.

Не имѣя привычки слѣдовать готовымъ мнѣніямъ и опираться на авторитеты, я долженъ однако сейчасъ же замѣтить, что никто лучше Сюверна не понялъ характера «Лѣтописи» и не выразилъ сущность содержанія ея такъ опредѣленно, какъ оно выражается въ слѣдующихъ словахъ знаме-

(¹) Это не переводъ слова принципатъ (principatus), а то выраженіе, которое въ нашемъ языкѣ всего болѣе ему соотвѣтствуетъ. Principatus происходитъ отъ princeps—слова, какимъ называлось во время республики лицо, предсѣдательствовавшее въ сенатѣ., и которое въ имперіи (хотя не какъ оффиціальное названіе) носилъ главъ государства, единовластный государь.

нитаго ученаго: «Въ лѣтописи видно, какъ принципатъ на положенномъ Августомъ основаніи посредствомъ хитрости и насилія, посредствомъ наслѣдованныхъ отъ Августа и вновь пріобрѣтенныхъ правилъ господства (arcana imperii); посредствомъ ловкаго пользованія даже законными (verfassungsmässig) формами, посредствомъ вытѣсненія всѣхъ дѣйствительныхъ и возможныхъ противниковъ, посредствомъ вызова своекорыстія ко лжи и предательству, посредствомъ усыпленія народа въ весельи и разсѣяніи, поддерживаемый и подстрекаемый женщинами, отпущенниками и довѣренными людьми (amici), покровительствуемый господствующимъ во всѣхъ сословіяхъ настроеніемъ и опираясь на штыки преторіанцевъ, выростаетъ съ невѣроятною скоростью въ безграничный деспотизмъ, который въ коварной, всегда напряженной хитрости и послѣдовательной злости Тиберія удерживаетъ еще крѣпкій, сдержанный характеръ, но необузданный и нестѣсняемый никакимъ соображеніемъ въ сумасбродствѣ Калигулы, изображенномъ къ сожалѣнію, въ потерянной части лѣтописи, въ слабоуміи Клавдія и въ тщеславіи, роскоши и холодной жестокости Нерона, онъ наслаждается легко и вполнѣ достигнутой побѣдой и позволяетъ себѣ все, что только заносчивость, необузданность и презрѣніе къ людямъ могутъ доставить усыпленію и гнусности» (¹). Къ этимъ краснорѣчивымъ словамъ прибавить больше нечего, въ нихъ все содержаніе «Лѣтописи». Недлинный анализъ, въ которомъ будетъ сейчасъ представлено содержаніе «Лѣтописи» докажетъ, что слова Сюверна глубоко справедливы.

«Лѣтопись» начинается послѣдними днями жизни Августа и оканчивалась, по всей вѣроятности низверженіемъ Нерона и послѣдовавшими непосредственно затѣмъ событіями до 2-го консульства Гальбы, т. е. до того времени, описаніемъ кото-

(¹) Uber den Kunstcharacter des Tacitus въ Abhandl. d. Ber. Akad. 1823 г. p. 90.

раго начинаются «исторіи». Приступая къ этому труду, Тацитъ даетъ обѣщаніе излагать дѣло безпристрастно, sine ira et studio, а не такъ, какъ предшествовавшіе историки, изъ которыхъ одни увлеклись лестью, а другіе ненавистью. Онъ пропускаетъ исторію времени Августа подъ предлогомъ, будто она, какъ и вся предшествовавшая исторія Рима, имѣла уже талантливыхъ писателей, а на самомъ дѣлѣ можетъ быть по трудности работы. Впрочемъ онъ счелъ нужнымъ высказать свой взглядъ на Августа и его политику въ самомъ предисловіи къ своему сочиненію. «Послѣ того какъ пораженіемъ Брута и Кассія уничтожена была республиканская партія, когда сокрушены были силы Помпея у Сициліи, и когда, по обезсилѣніи Лепида и умерщвленіи Антонія, даже и у Юліанской партіи, не оставалось другаго вождя, кромѣ Цезаря (Августа), тогда, сложивъ съ себя званіе тріумвира, онъ показывалъ видъ, что довольствуется быть консуломъ и пользоваться властью трибуна для защиты интересовъ народа. Но какъ только онъ привлекъ подарками на свою сторону войско, раздачей хлѣба народъ, а всѣхъ вообще сладостью покоя, то сталъ мало по малу поднимать голову и стягивать къ себѣ власть сената, чиновниковъ и законовъ. Никто ему неоказывалъ сопротивленія, потому что отважные люди погибли въ битвахъ, или черезъ проскрипціи, а остальная знать, получая, по мѣрѣ готовности къ раболѣпію, богатства и отличія и находя такимъ образомъ въ новомъ порядкѣ вещей для себя выгоду, предпочитала безопасность въ настоящемъ полному опасностей прошедшему. И провинціямъ такой порядокъ вещей не былъ противенъ, потому что черезъ борьбу сильныхъ и корыстолюбіе чиновниковъ власть сената и народа потеряла довѣріе, и помощь законовъ, нарушаемыхъ насиліемъ, происками, а наконецъ подкупами была безсильна» (1). За тѣмъ, ска-

(1) An. I, 2.

завши о заботахъ Августа къ увеличенію своего дома и къ удержанію за нимъ господства въ государствѣ, и переходя прямо къ послѣднимъ днямъ Августа, Тацитъ замѣчаетъ: «внутри все было спокойно. Тѣже *слова* (1) для обозначенія должностей. Молодое поколѣніе пришло на свѣтъ послѣ битвы при Акціумѣ, даже большая часть стариковъ родились во время междуусобныхъ войнъ: сколько же оставалось такихъ, которые видѣли республику? Такимъ образомъ послѣ государственнаго переворота не оставалось ничего отъ древнихъ, ненарушимыхъ нравовъ: потерявши равенство, всѣ стали ожидать приказаній отъ государя» (2).

Здѣсь передъ нами хитрый, притворный, дошедшій до своей цѣли Октавіанъ. Совершонный имъ государственный переворотъ, благодаря его долголѣтнему правленію, укрѣпился; республика оставалась только въ названіяхъ должностей; воспитанные въ новыхъ политическихъ правилахъ Римляне смотрѣли спокойно на своего повелителя. Тайны господства были испытаны и могли быть переданы преемнику: задаривать войско, кормить и забавлять зрѣлищами народъ, награждать раболѣпіе и не трогать республиканскихъ формъ безъ нужды. Преемникъ Августа былъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобъ не умѣть оцѣнить уже испытанныхъ правилъ и слишкомъ эгоистъ, чтобъ воздержаться отъ пользованія ими для продолженія деморализаціи народа, т. е. для укрѣпленія собственной власти.

По смерти Августа, слѣдуя примѣру консуловъ, Сенатъ, народъ и войско присягнули Тиберію. Тацитъ замѣчаетъ, что начало присяги сдѣлано было консулами потому, что «Тиберій во всемъ давалъ инициативу консуламъ, какъ бы въ древней

---

(1) Eadem magistratuum *vocabula* (а не nomina)—очевидно ироническски сказано. Раньше Тацитъ замѣтилъ, что Августъ стянулъ къ себѣ права сената, чиновниковъ и законовъ.

(2) An. I, 3—4.

республикѣ, и какъ бы онъ колебался быть повелителемъ [1])». Но Римъ наученъ былъ еще Августомъ, какъ слѣдуетъ относиться къ такого рода политикѣ и поэтому «консулы, сенаторы, всадники ринулись въ рабство: чѣмъ кто былъ знатнѣе, тѣмъ больше выказывалъ притворства и предупредительности. Съ поддѣльной миной, чтобъ не казаться радующимися смерти одного государя, ни слишкомъ печальными при началѣ новаго правленія, они мѣшали одно съ другимъ—слезы, радость, сожалѣнія, лесть.» [2]) Затѣмъ слѣдуетъ у Тацита рядъ картинъ, исполненныхъ глубокаго комизма, гдѣ низкая лесть Сената вступаетъ въ борьбу съ неменѣе низкимъ лицемѣріемъ Тиберія. Такъ напр., по окончаніи похоронъ Августа и опредѣленіи ему божескихъ почестей, сенатъ обращается къ Тиберію съ просьбою принять бразды правленія. Тиберій начинаетъ разсуждать объ обширности имперіи и о своей неспособности: «одинъ геній Августа былъ способенъ для поднятія такой громады; призванный имъ принять на себя часть государственныхъ заботъ, онъ (Тиберій) узналъ на опытѣ, какъ тяжело и какимъ случайностямъ подвержено бремя управленія всѣмъ; поэтому въ городѣ, имѣющемъ поддержкою для себя стольких знаменитыхъ мужей, не должно все сваливать на одного; легче будутъ исполнять государственныя обязанности многіе соединенными усиліями». [3]). Сенаторы, понимая—въ чемъ дѣло, просятъ, умоляютъ со слезами и простираютъ руки къ богамъ, къ статуѣ Августа и къ колѣнамъ Тиберія, который велитъ, въ свое оправданіе, принести статистику государства, написанную рукою самаго Августа. Утомленный мольбами Сената, Тиберій соглашается наконецъ взять на себя ту часть государственныхъ заботъ, которую ему пору-

---

([1]) Ib. I, 7.
([2]) Ibidem.
([3]) Ibid, I, 11.

чатъ (1). Тогда одинъ изъ сенаторовъ, Азиній Галлъ, вѣроятно желая узнать,—нельзя ли и въ самомъ дѣлѣ отдѣлаться отъ деспотизма Цезарей, спрашиваетъ: «скажи же, Цезарь, какую часть государственнаго управленія желалъ бы ты принять на себя?» (2) Тиберій не ожидалъ такого вопроса, онъ нѣсколько смѣшался, однако немедленно выпутался изъ западни очень искусно: онъ замѣчаетъ, что этотъ выборъ былъ бы съ его стороны нескромностью, особенно когда онъ предпочитаетъ вовсе удалиться отъ дѣлъ. Азиній Галлъ, видя, что онъ перехитренъ, и замѣтивъ неудовольствіе на лицѣ Тиберія, преспокойно отвѣчаетъ, что онъ «не потому сдѣлалъ такой вопросъ, чтобъ раздѣлять то, что не можетъ быть раздѣляемо, но съ цѣлію довести Тиберія до признанія, что государство, составляя одно тѣло, должно быть и управляемо умомъ одного». (3) Комедія этимъ не кончилась. Сенаторы продолжаютъ упрашивать, Тиберій не соглашается. Наконецъ одинъ изъ нихъ, Квинтъ Гатерій, желая отличиться, восклицаетъ: «доколѣ же, Цезарь, ты будешь терпѣть, чтобъ государство оставалось безъ главы»? (4) Другой сенаторъ, Мамеркъ Скавръ вмѣшивается въ разсужденія болѣе дипломатически и замѣчаетъ, что мольбы Сената вѣроятно не останутся тщетны, потому что Тиберій, пользуясь трибунскою властью, не протестовалъ противъ такого предложенія консуловъ. Тиберій отвѣтилъ Гатерію ругательствами, но ничего не сказалъ Скавру, потому что, какъ говоритъ Тацитъ, онъ питалъ къ нему болѣе непримиримую ненависть. Наконецъ «утомленный общимъ шумомъ, просьбами каждаго, онъ мало по малу усту-

---

(1) Ibid. I. 12.
(2) Ibidem.
(3) Ibidem.
(4) Ibid. I. 13.

нилъ, переставши отнѣкиваться и заставлять себя упрашивать, но не признаваясь, что онъ принимаетъ имперію». ([1])

Всякій видитъ, что римскій народъ еще не былъ въ эту минуту порабощенъ совершенно, но что новый господинъ его такого рода, что докончитъ это дѣло съ торжествомъ. Августъ, который, истребивши казнями и проскрипціями огромную долю аристократіи ума и рода, въ продолженіе болѣе чѣмъ сороколѣтняго управленія съ неутомимымъ постоянствомъ высасывалъ изъ государственныхъ учреждечій республику, считалъ еще нужнымъ удерживать ихъ формы; Тиберій, понимая что времена значительно измѣнились и что можно, слѣдовательно, поступать смѣлѣе, въ самомъ началѣ своего правленія отнялъ у народа право собраній и перенесъ дѣла, подлежащія вѣденію этихъ послѣднихъ, въ сенатъ ([2]). Народъ, лишенный еще Августомъ законодательной власти и суда уголовныхъ преступленій, не много жаловался на потерю своего послѣдняго права—выбирать чиновниковъ. Но въ сущности это былъ рѣшительный шагъ имперіи. Съ того времени неоставалось ничего, что бы не было въ рукахъ императора. Теперь онъ располагалъ, частію въ силу своего личнаго права, частію отъ имени сената, всѣми общественными должностями—обстоятельство, которое много содѣйствовало усиленію деморализаціи въ римскомъ обществѣ, вызывая всякія чистыя и нечистыя средства быть замѣченнымъ, войти въ милость у государя.

Самое страшное оружіе деспотизма, введенное въ употребленіе Тиберіемъ, былъ «законъ оскорбленія величества» (lex lesae majestatis, или просто lex majestatis). Законъ этотъ былъ придуманъ впервые не Тиберіемъ, но существовалъ давнымъ—давно еще въ республикѣ, только съ совсѣмъ другимъ значені-

([1]) Ibidem.
([2]) An. I, 15.

емъ, чѣмъ то, которое было дано ему теперь. Прежде онъ наказывалъ государственную измѣну, сдачу войска непріятелю, возмущеніе черни въ Римѣ, наконецъ униженіе чести римскаго народа ([1]). Августъ первый, ([2]) какъ говоритъ Тацитъ, воспользовался этимъ закономъ противъ оскорбительныхъ сочиненій (famosi libelli). Въ правленіе Тиберія начинаютъ законъ этотъ употреблять средствомъ, какъ противъ всѣхъ людей подозрительныхъ, отъ которыхъ правительству казалось не лишнимъ отдѣлаться, такъ и противъ людей богатыхъ, чтобы воспользоваться ихъ достояніемъ. Средство это было тѣмъ ужаснѣе, что оно вызывало изъ общества на доносы всевозможныхъ негодяевъ, привлекаемыхъ жаждою награды и почестей, на которыя правительство не скупилось для обвинителей ([3]). Сначала обвинялъ по этому закону Тиберій лишь оскорбленія памяти Августа. Такъ напр. всадникъ Фаланій былъ обвиняемъ въ томъ, что принялъ въ члены коллегіи, установленной для культа Августу, одного танцора, извѣстнаго нехорошими нравами, равно какъ и въ томъ, что, продавая свой садъ, онъ продалъ и находившуюся въ немъ статую Августа ([4]). Другой всадникъ, Рубрій былъ обвиняемъ въ томъ, что поклявшись именемъ Августа, измѣнилъ своей клятвѣ ([5]). Граній Марцеллъ, преторъ Виѳиніи, подвергнутъ былъ обвиненію между прочимъ за то, что его статуя имѣла бо́льшую величину, чѣмъ статуи Цезарей, и что онъ, отнявши голову у статуи Августа, придѣлалъ къ торсу ея голову Тиберія ([6]) Такъ дѣйствовали вначалѣ именемъ закона majestatis, ужасныя слѣд-

---

(1) An. I, 72; Cic. de orat. 39; Dig. 48, 4.

(2) An. I, 72. Однако Цицеронъ (ad famil. III, II, 2) приписываетъ подобныя попытки еще Суллѣ,

(3) Suet. Tib. 61; Ann. II, 32: IV. 30.

(4) An. I, 73.

(5) Ibidem.

(6) An. I, 74

ствія котораго обнаружились особенно со второй трети правленія Тиберія. Тогда личная безопасность совершенно исчезла. Дѣти стали доносить на родителей; (1) женщины обвинялись за слезы, (2) которыми оплакивали гибель своихъ дѣтей или мужей, и почти всякое обвиненіе сопровождалось обвиненіемъ въ нарушеніи этого закона (3) «Самые подлые люди получили возможность безнаказанно оскорблять и возбуждать ненависть къ честнымъ людямъ, вооружившись изображеніемъ Цезаря. Отпущенники, даже рабы, поднимая голосъ, или руку на патрона, или господина, заставляли себя бояться» (4). Когда однажды сенаторы хотѣли отнять у доносчиковъ (accusatores) право получать награду въ томъ случаѣ, если обвиняемый лишалъ себя жизни, не дождавшись окончанія слѣдствія, то Тиберій рѣшительно вступился за доносчиковъ и тѣмъ придалъ новую силу и увеличилъ число этой саранчи (5). Огромная масса людей, занимавшихъ видное положеніе въ обществѣ, погибла именно этимъ путемъ. Дошло до того, что естественная смерть между подобными лицами сдѣлалась рѣдкимъ исключеніемъ, такъ что Тацитъ отмѣчаетъ нарочно такіе случаи. Говоря напр. о смерти первосвященника Пизона, онъ выражается такимъ образомъ: «въ тоже время (въ 32 г. 785 Рима) умеръ своею смертью Л. Пизонъ первосвященникъ—рѣдкое явленіе для людей такого виднаго положенія» (6) Бывали и такіе случаи, что обвиняемые, недождавшись приговора, принимали ядъ въ самомъ сенатѣ, (7) но всего чаще открывали себѣ вѣны дома, не желая умереть по приговору сената, какъ Пом-

(1) An. IV, 28.
(2) An. VI, 16 (10).
(3) An. III, 38: omnium accusationum complementum erat.
(4) An. III. 36.
(5) Ib. IV, 30.
(6) Ib. VI. 16 (10)
(7) Ib. VI, 46 (40). Свет. Tib., 61.

ноній Лабеонъ съ своей женой и Мамеркъ Скавръ, (1) о которомъ было нами упомянуто уже по другому случаю. Кровь лилась рѣкой въ Римѣ. Въ одинъ день, говоритъ Светоній было двадцать казней и въ числѣ казненныхъ были дѣти и женщины; но такъ какъ по закону нельзя было казнить дѣвственницъ, то палачи сначала насиловали ихъ и потомъ задушали (2). Съ помощію закона majestatis было произведено Тиберіемъ такое опустошеніе въ сенатѣ и въ знатныхъ фамиліяхъ, что некому стало занимать мѣстъ въ провинціяхъ (3). Проливая эти потоки крови, Тиберій недумалъ о будущемъ государства. Казня, истребляя все то, что было знатно, сильно, образовано, богато, онъ дѣйствовалъ, какъ всѣ умные тиранны, желающіе во что бы-то ни стало укрѣпить свою власть; объ интересахъ цивилизаціи, о судьбѣ потомства тутъ разумѣется не можетъ быть рѣчи. Мы охотно вѣримъ Діону Кассію, что Тиберій часто декламировалъ (4) слѣдующій стихъ:

Εμοῦ θανόντος γαῖα μιχθήτω πυρί (5).

Діонъ Кассій прибавляетъ, что Тиберій завидовалъ судьбѣ Пріама, имѣвшаго счастіе погибнуть вмѣстѣ съ потерей отечества и царства (6).

Сенека (7) говоритъ, что бѣдствіе отъ доносовъ во времена Тиберія было гибельнѣе для Рима, чѣмъ всѣ гражданскія войны. Естественно, что вмѣстѣ съ жестокостью Тиберія Римъ болѣе и болѣе падалъ нравственно, и образованные

(1) An. VI, 35 (29).
(2) Suet. Tib 61.
(3) Dio, 58, 23.
(4) Ibidem.
(5) «Послѣ моей смерти хоть сгори земля».
(6) Dio, ibid.
(7) De benef III, 26.

классы общества болѣе и болѣе ухватывались за послѣднее средство спасенія за раболѣпіе передъ всесильнымъ деспотомъ. Было время, когда это раболѣпіе доходило въ сенатѣ до такихъ размѣровъ, что самъ Тиберій, выходя оттуда, повторялъ по гречески: «О, люди, созданные для рабства!» (1) Были однако въ Римѣ люди, которые не оправдывали своимъ характеромъ Тиберіева восклицанія, но ихъ судьба была до того злополучна, что они искали убѣжища въ одномъ самоубійствѣ. Такъ умираетъ историкъ Кремуцій Кордъ, не дождавшись сенатскаго рѣшенія по обвиненію его въ оскорбленіи величества за то, что онъ похвалилъ въ своемъ сочиненіи Брута и Кассія; (2) такъ лишаетъ себя жизни одинъ изъ друзей Тиберія, великій правовѣдъ Кокцей Нерва, за тѣмъ, чтобы имѣть «честный конецъ» (3).

Временемъ, съ котораго тираннія Тиберія принимаетъ ужасающіе размѣры, Тацитъ справедливо указываетъ (4) девятый годъ его правленія, когда онъ подпалъ подъ особенное вліяніе человѣка необыкновенно низкихъ качествъ, префекта преторіанской гвардіи, Элія Сеяна. Ловкій, вкрадчивый, неразборчивый на средства къ достиженію своихъ цѣлей, Сеянъ до того опуталъ Тиберія, что этотъ послѣдній оффиціально призналъ его помощникомъ въ правленіи (socium laborum) (5). Недовольствуясь такимъ отличіемъ и силою, Сеянъ задумалъ самъ овладѣть верховною властію въ Римѣ и смѣло пошелъ къ этой цѣли. Первымъ шагомъ къ исполненію такого рода плановъ была придуманная имъ реформа въ преторіанской гвардіи. Августъ для поддержанія порядка въ столицѣ не счи-

---

(1) Ann. III, 65.
(2) Ann· IV; 34—35.
(3) Ann. VI, 32 (26), См. о доносчикахъ и объ ужасахъ того времени у Dezobry, Rome au siècle d'Auguste, t. IV, p. 263.
(4) An. IV, 1.
(5) An. IV, 2.

талъ нужнымъ имѣть болѣе трехъ преторіанскихъ когортъ, и тѣ не имѣли лагеря; (1) остальные когорты расположены были въ сосѣднихъ Риму городахъ. (2) Сеянъ придумалъ построить для разсѣянныхъ по городу когортъ укрѣпленный лагерь—подъ предлогомъ, что солдаты, разсѣянные по городу, изнѣживаются, что будучи сосредоточены, они будутъ больше годны для всякаго неожиданнаго дѣйствія, и что наконецъ они пріобрѣтутъ больше энергіи, если ихъ удалить отъ городскихъ соблазновъ въ особое укрѣпленіе (3). Тиберій согласился на эту мѣру, столь ужасную послѣдствіями для римскаго народа и даже гибельную для самихъ императоровъ. Едва былъ отстроенъ лагерь, какъ Сеянъ приступилъ къ обработыванію солдатъ въ свою пользу, посѣщая ихъ, называя по именамъ, и не забывая выбирать самъ трибуновъ и центуріоновъ. Чтобъ усилить себя и съ гражданской стороны, Сеянъ сталъ заискивать между сенаторами, отдавая преданнымъ изъ нихъ себѣ людямъ служебныя мѣста въ Римѣ и провинціяхъ. Но чтобы еще удобнѣе достигнуть цѣли, онъ рѣшился перегубить всѣхъ до единаго членовъ императорской фамиліи. Первою жертвою этого послѣдняго плана палъ Друзъ, сынъ Тиберія: соблазнивши предварительно его жену, Сеянъ отравляетъ гордаго, не любящаго противниковъ сына Цезаря (4). За тѣмъ онъ обратилъ вниманіе на семейство покойнаго Германика. Между тѣмъ онъ проситъ Тиберія выдать за себя замужъ вѣроломную Ливію, жену Друза, на что впрочемъ не получаетъ согласія (5). Потерпѣвши такую неудачу, Сеянъ придумываетъ другую мѣру: онъ уговариваетъ Тиберія удалиться изъ Рима

(1) An. ibid.; Dio 57, 19.
(2) Свет. Aug. 49.
(3) An. IV, 2.
(4) An. IV, 8.
(5) An. IV, 39. 40.

для отдыха ([1]). Могущество Сеяна, которому удалось удалить Тиберія изъ Рима, возрасло особенно, когда умерла мать императора, Ливія Августа, имѣвшая до конца своей жизни такое вліяніе на сына, противъ котораго самъ Сеянъ оказывался безсильнымъ ([2]). Ему удалось наконецъ погубить Агриппину, жену Германика, съ двумя ея сыновьями—Нерономъ и Друзомъ ([3]). На этомъ мѣстѣ «Annales» прерываются въ дошедшей до насъ рукописи, и рѣчь идетъ уже о казни Сеяна и его сообщниковъ ([4]). Но съ гибелью Сеяна жестокости Тиберія не кончились. Какъ прежде было крайне опасно быть непріязненнымъ Сеяну, такъ теперь вѣрная смерть угрожала тому, кто былъ его другомъ. Въ тоже самое время, истребляя знатные роды казнями, обезумѣвшій отъ самовластья Тиберій ругался надъ ними, требуя дѣтей ихъ въ жертву самому возмутительному разврату, ка ому онъ предавался на Капреяхъ въ ужасающихъ формахъ. ([4]).

Жестокъ былъ Тиберій; онъ давилъ свободу безпощадно и довершилъ уничтоженіе республики. Имъ введенъ былъ безчеловѣчный и ненавистный во всѣ времена въ той формѣ законъ оскорбленія величества; онъ положилъ начало владычеству солдатески въ Римѣ, согласившись на Сеяново предложеніе о концентрированіи войскъ въ столицѣ въ укрѣпленномъ лагерѣ; много сдѣлалъ онъ худого вообще: но при всемъ томъ о немъ нельзя отзываться тѣмъ тономъ, какого заслуживаютъ всѣ слѣдовавшіе за нимъ преемники Юліево—клавдіева дома. Нельзя разумѣется восхвалять его вмѣстѣ съ

([1]) An. IV. 4.
([2]) An. V, 1—3.
([3]) An. V, 3; VI, 31 (25).
([4]) An VI, 1 и слѣд.
([5]) An. VI, 7 (1); Suet. Tib. 43—45; Dio. 58, 22.

Веллеемъ Патеркуломъ, (1) Адольфомъ Штаромъ (2) и г. Драгомановымъ, (3) но слѣдуетъ признать, что Тиберій былъ далеко не дюжанная натура. Онъ понималъ свое время и дѣйствовалъ не на обумъ. Онъ давилъ свободу политическую, онъ презиралъ аристократію и рѣзалъ ее безъ жалости, но онъ зналъ, что такъ можно и въ его видахъ должно поступать. Въ дѣлахъ же гражданскихъ онъ былъ дѣятельный и во все вникавшій глава государства. Постигаемые какимъ либо невольнымъ несчастіемъ его подданные находили въ немъ всегда покровителя: такъ онъ помогъ деньгами и освобожденіемъ на нѣкоторое время отъ податей двѣнадцати мало-азіятскимъ городамъ, пострадавшимъ отъ землетрясенія, (4) равно какъ помогъ Римлянамъ, потерпѣвшимъ отъ пожара на Целіѣ, (5) и не пожалѣлъ ста мильоновъ сестерцій (5 милл. руб. сер.) на помощь тѣмъ, которые, живя на Авентинѣ, пострадали отъ страшнаго пожара, начавшагося въ циркѣ. (6) Не былъ онъ щедръ на помощь частнымъ лицамъ, въ особенности обѣднѣвшимъ отъ мотовства аристократамъ, но когда просившій заслуживалъ помощи, онъ ее оказывалъ. (7) Письмо его къ Сенату по поводу предложеннаго эдилами вопроса о томъ, чтб слѣдуетъ предпринять противъ постоянно возрастающей роскоши, обнаруживаетъ большой тактъ государственнаго человѣка и отличается замѣчательной основательностью, (8) съ какою онъ видитъ границы между обяза-

---

(1) См. о характерѣ Веллеевыхъ «римскихъ исторій» хорошее разсужденіе: De M. Vellei Paterculi fide historica Commentatio, scr. Alfredus Pernices, Lipsiae, 1862.

(2) Tiberius, von Adolf Stahr, Berlin, 1863.

(3) Императоръ Тиберій, Разсужденіе M. Драгоманова. Кіевъ 1864.

(4) An. II, 47.

(5) An IV, 64.

(6) An. II, 51 (45).

(7) An II, 48 и 86.

(8) An. III, 52—55.

тельствомъ закона и правомъ самоопредѣленія гражданина въ своихъ поступкахъ. Тиберій ревностно занимался дѣлами и не покидалъ ихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, по видимому, обстоятельства могли извинять бездѣйствіе. (1) Въ самомъ характерѣ его были черты очень хорошія. Онъ не былъ жаденъ до денегъ и принималъ легаты по завѣщаніямъ только отъ друзей. (2) Конфискованныхъ имѣній не бралъ въ собственную кассу до тѣхъ поръ, покуда его не развратилъ Сеянъ: въ первый разъ рѣшился онъ на это по обвиненіи Силія, (3) и затѣмъ извѣстенъ случай, что онъ присвоилъ себѣ золотые рудники богатаго Испанца, отобранные въ пользу казны. (4) Равнымъ образомъ, давя свободу, онъ терпѣть не могъ низкой лести, не принялъ названія «отца отечества» и даже не любилъ, чтобъ его называли «господиномъ» (dominus), а тѣмъ больше не интересовался обоготвореніемъ. (5) Когда Испанцы по примѣру азіятскихъ городовъ, споривших въ сенатѣ о чести построить храмъ Тиберію, отданной Смирнѣ, (6) прислали пословъ въ сенатъ съ такою же цѣлью, то Тиберій отказалъ имъ на отрѣзъ въ позволеніи обоготворить его. (7) Въ этомъ, равно какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, онъ стоялъ далеко выше своего предшественника «божественнаго Августа», не говоря уже о Калигулѣ, Клавдіѣ и Неронѣ, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

Вотъ наконецъ, какъ отзывается о Тиберіѣ Тацитъ, кото-

---

(1) An. IV, 8 и 13.
(2) An. II, 48
(3) An. IV, 20.
(4) An. VI, 25 (19)
(5) An II, 87.
(6) An. IV, 55—56.
(7) An. IV, 37—38.

раго нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ нему. Но въ словахъ, которыя будутъ приведены ниже, Тацитъ имѣетъ въ виду лишь первую треть правленія Тиберія до смерти Друза, т. е. до преобладающаго вліянія Сеяна. «Сначала государственныя и особенно важныя дѣла частныхъ лицъ обсуждались въ сенатѣ. Первымъ сенаторамъ поручалось высказывать свое мнѣніе, и онъ самъ останавливалъ тѣхъ, которые впадали въ лесть. Раздавая почести, онъ обращалъ вниманіе на знатность происхожденія, отличіе въ военной службѣ и блескъ гражданскихъ талантовъ, такъ что было ясно, что другіе не имѣли на нихъ бо̀льшихъ правъ. Консулы и преторы сохраняли свой внѣшній блескъ, и даже низшія должности пользовались на самомъ дѣлѣ присвоенною имъ властью. Законы, если исключить изъ нихъ законъ величества, не были злоупотребляемы. Хлѣбные запасы, сборъ податей и другихъ государственныхъ доходовъ поручались компаніямъ римскихъ всадниковъ, управленіе своимъ хозяйствомъ поручалъ Цезарь людямъ очень виднымъ, иногда не зная ихъ лично, по ихъ репутаціи; разъ взявши ихъ, онъ не отставлялъ ихъ такое продолжительное время, что многіе и старѣлись въ этихъ должностяхъ. Чернь правда страдала отъ дороговизны хлѣба, но вина въ этомъ случаѣ лежала не на государѣ, который даже, сколько могъ, боролся съ неурожаемъ и морскими бурями. Онъ заботился также о томъ, чтобъ провинціи не обременялись новыми тягостями и чтобы прежнія неувеличивались корыстолюбіемъ и жестокостью чиновниковъ. Тѣлесныхъ наказаній и конфискацій не было. Не много было у Цезаря полевыхъ угодій въ Италіи; рабы на нихъ не были высокомѣрны и не много было на нихъ отпущенниковъ; если когда возникали тяжбы съ частными лицами, то дѣло рѣшалось на форумѣ и судомъ. Хотя онъ и не былъ обходителенъ, а отталкивалъ отъ себя и внушалъ большею частью опасенія, однако все это соблюдалось до тѣхъ поръ, пока со смертью Друза не прои-

зошло переворота». ([1]) Какія были послѣдствія этого переворота, мы уже видѣли.

Таковъ былъ характеръ принципата при Тиберіѣ, неумолимомъ врагѣ политической свободы, но долгое время хорошемъ администраторѣ. Римскій духъ еще не замеръ совершенно въ это жестокое время. Онъ видѣнъ въ блестящихъ подвигахъ Германика, оберегающаго честь и распространяющаго славу римскаго народа на Рейнѣ и Евфратѣ, служащаго еще для нѣкоторыхъ надеждою воскрешенія свободы ([2]), онъ видѣнъ въ геройствѣ, цѣломудріи и достоинствѣ жены его Агрипины, ([3]) въ строгой, серьёзной и полной достоинства рѣчи Кремуція Корда, ([4]) въ словахъ сенатора Кн. Пизона, смутившихъ Тиберія, въ отвагѣ Кальпурнія Пизона и др. Но таково роковое ([5]) положеніе деспотическихъ правительствъ, что они не могутъ сносить выдающихся личностей и стараются тѣмъ или другимъ путемъ отъ нихъ отдѣлаться, какъ и было съ поименованными лицами. Поэтому можно сказать, что борьба республики съ монархіей оканчивается правленіемъ Тиберія. Его преемники, слѣдуя уже готовымъ правиламъ господства, уже наслаждаются побѣдой, и если, не благоразумно пользуясь ею, погибаютъ лично одни за другими, то система остается непоколебимою, и принципатъ является очевидно роковымъ явленіемъ, связаннымъ уже навсегда съ дальнѣйшими судьбами Рима.

По смерти Тиберія вступилъ въ управленіе сынъ Германика, Гай Цезарь, обыкновенно извѣстный подъ даннымъ ему сол-

---

([1]) An. IV, 6—7.

([2]) An. I, 33.

([3]) An. I, 69; 1, 33; 1, 40: VI, 31 (25).

([4]) An. IV, 35.

([5]) Тацитъ говоритъ о Тиберіѣ, An. I, 80: ex optimis sibi periculum, a pessimis dedecus publicum metuebat. Ср. Саллустія, Cat. 7: Regibus boni, quam mali suspectiores sunt, *semperque his aliena virtus formidolosa est.*

тами прозвищемъ Калигулы (сапожокъ). Исторія его почти четырехлѣтняго (37—41), исполненнаго жестокостей и безумія, правленія не дошла до насъ въ повѣствованіи Тацита, такъ какъ слѣдующія за окончаніемъ исторіи Тиберіева правленія четыре книги «Лѣтописи» потеряны. За то повѣствованія о Калигулѣ, оставленныя намъ Светоніемъ и Діономъ Кассіемъ очень достаточны для того, чтобы видѣть, какъ быстро выраждался принципатъ въ самую невыносимую и безумную тираннію. Впрочемъ нѣсколько характеристическихъ чертъ этого человѣка (если такъ можно выразиться о Калигулѣ) сохранились и у Тацита. Къ нимъ принадлежитъ сообщаемое имъ особенно удачное замѣчаніе на счетъ Калигулы, сдѣланное ораторомъ Пассіеномъ, что «никогда не бывало лучшаго раба и худшаго господина». (1) Первое свойство обнаружилъ Калигула своимъ отношеніемъ къ Тиберію: «онъ скрывалъ свой безчеловѣчный характеръ подъ личиной коварной скромности; ни осужденіе матери, ни ссылка братьевъ не вырвали у него слова; каждый день онъ приноравливался къ Тиберію, также одѣвался и говорилъ почти тѣми же словами, какъ и Тиберій». (2) Зная его жестокость, Тиберій однажды въ разговорѣ, когда Калигула смѣялся надъ Суллой, замѣтилъ ему, «что онъ будетъ имѣть всѣ пороки Суллы, и ни одной изъ его добродѣтелей». (3) Равнымъ образомъ смотря на младшаго изъ своихъ внуковъ (Тиберія, сына Друза) и на свирѣпаго видомъ Калигулу, старикъ Тиберій предсказалъ послѣднему: «ты убьешь его, а тебя убьетъ другой.» (4) Калигула былъ убитъ 22 января 41 (794) года. Кровосмѣситель, злодѣй, находившій въ крови великое наслажденіе,

---

(1) An. VI. 26. (20).
(2) Ibidem.
(3) An. VI, 32 (46).
(4) Ibidem.

жалѣвшій, что у римскаго народа не одна голова, чтобъ удобнѣе отрубить ее, безумецъ хотѣвшій, уничтожить произведенія Гомера, Т. Ливія и Виргилія, хищникъ и расточитель неисчислимыхъ богатствъ—таковъ былъ человѣкъ, наслѣдовавшій власть отъ Августа и Тиберія и стоявшій четыре года во главѣ вселенной.

За Калигулой слѣдовалъ братъ Германика, сынъ Друза, брата Тиберія, Клавдій (Tiberius Claudius Drusus). О правленіи не жестокаго по природѣ, но слабоумнаго ([1]) Клавдія, исторія котораго дошла до насъ весьма не полно въ сохранившихся книгахъ «Лѣтописи» Тацита, сказать больше нечего, кромѣ того, что это было правленіе безнравственныхъ отпущенниковъ, развратныхъ и честолюбивыхъ женщинъ. Каково должно было быть правленіе, основанное на интригѣ, продажности и развратѣ, понятно каждому. Намъ нѣтъ поэтому нужды разсказывать содержаніе 11-й и 12-й книгъ «Лѣтописи», въ которыхъ дошла до насъ исторія правленія Клавдія. Достаточно лишь замѣтить, что принципатъ, доставшись изъ кровожадныхъ рукъ безумнаго Калигулы слабому Клавдію, не сдѣлался отъ этого лучше. Онъ дошелъ, напро-

---

([1]) Недавно писатель, которому наука римской исторіи много обязана, рѣшился выставить Клавдія совершенно въ другомъ свѣтѣ. Основаніемъ къ такому взгляду на Клавдія послужила знаменитая рѣчь этого императора въ сенатѣ въ пользу расширенія правъ жителей «Волосатой Галліи» (Gallia Comata), рѣчь, отрывки которой найдены на двухъ мѣдныхъ доскахъ въ Ліонѣ 1528 г., и полный перифразъ которой сохранился у Тацита въ Ann. XI, 25. Писатель, о которомъ я говорю, есть Амедей Тьерри, а интересный взглядъ на Клавдія, имъ высказанный, находится въ Tableau de l'Empire Romain, Paris, 1862, p. 140 и слѣд. Но эта-то жалкая рѣчь Клавдія, которая послужила поводомъ къ его возвышенію въ глазахъ нѣкоторыхъ новыхъ писателей, и доказываетъ въ своихъ остаткахъ крайнюю слабость ума въ Клавдіѣ. См. мнѣніе о ней Нибура въ Kleine historische und philologische Schriften, 2-е Sammlung, Bonn, 1843 p. 33

тивъ, въ правленіи Клавдія до той степени паденія, что не будучи въ состояніи владѣть самъ собой, сдѣлался игрушкою людей невыразимо непотребныхъ, какова была Мессалина, жена Клавдія, или отпущенники—Паллантъ и Нарциссъ. По капризамъ Мессалины и отпущенниковъ Клавдій долженъ былъ казнить людей за то, что они видѣли напр. будтобы обѣщающій ему несчастіе сонъ, (1) или даже за то, что Нарциссу приснилось, будто Клавдій былъ убитъ такимъ–то. (2) Это было положеніе принципата, который мыслилъ, любилъ, ненавидѣлъ такъ, какъ ему приказывалось, (3) и притомъ людьми самымыми низкими.

Клавдій умеръ насильственною смертію, какъ бо́льшая часть римскихъ императоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ принципатъ перешелъ къ человѣку, который представилъ міру величайшій и едва–ли повторявшійся когда нибудь примѣръ разврата государственной власти. Неронъ началъ, какъ и всѣ его предшественники хорошимъ правленіемъ; но скоро освободившись изъ–подъ опеки, какъ своей честолюбивой матери (Агрипины, дочери Германика), которая для доставленія ему верховной власти рѣшилась даже на отравленіе Клавдія, такъ и своихъ воспитателей Сенеки и Бурра, онъ переходитъ ко всѣмъ возможнымъ низостямъ и злодѣйствамъ, начиная съ умерщвленія брата, матери, тетки, двухъ женъ, изнасилованія Весталки и т. д. до женитьбы на Спорѣ, (4) выхода замужъ за Пиѳагора, (5) и сожженія (6) Рима для того, чтобы имѣть пред-

(1) An. XI, 4.

(2) Dio, 60, 14.

(3) Ann. XII, 3. Nihil arduum videbatur in animo principis, cui non judicium, non odium erat nisi indita et jussa.

(4) Dio, 63, 13, Suet. Nero, 28.

(5) Ann. XV, 37. Dio, 63, 13. Светоній въ Nero 29 называетъ мужа Нерона *Дорифоромъ*.

(6) Тацитъ не обвиняетъ положительно Нерона въ поджогѣ Рима; онъ говоритъ: forte an dolo principis incertum. An. XV, 38. Но Светоній

ставленіе о разрушеніи Трои. Это была уже та крайняя степень извращенія введеннаго Августомъ режима, дальше которой итти было нельзя. Принципатъ не могъ оставаться дольше въ рукахъ Юліева—Клавдіева дома, да и сама судьба распорядилась такъ, что, по низверженіи Нерона, изъ всего этого многочисленнаго дома, не осталось ему ни одного преемника. Задушивши въ крови и пламени республику, родъ Цезарей исчезъ съ лица земли, истребленный своими собственными руками.

«Лѣтопись», взятая цѣликомъ, не представляетъ такого плотнаго цѣлаго, какое мы видѣли въ сохранившейся части «Исторій»:она излагаетъ исторію правленія каждаго изъ Цезарей отдѣльно. При своемъ драматическомъ характерѣ она не составляетъ одной большой драмы, но подобно трилогіямъ Эсхиловыхъ трагедій, распадается на нѣсколько такихъ драмъ, соединенныхъ однако, какъ и древнія трилогіи, одною всепроникающей мыслью. Въ самомъ дѣлѣ эти глубоко трагическія картины правленій Тиберія, Клавдія и Нерона, съ искусной постановкой событій и характеровъ суть не что иное, какъ отдѣльныя самостоятельныя части одной великой драмы, представляющія одна за другой развитіе принципата со вліяніями его на судьбу римскаго государства; отсюда выходитъ то, что разсказать содержаніе «Лѣтописи» въ такой эпической послѣдовательности, какъ разсказано было содержаніе «Исторій», нельзя: этого не позволяетъ именно, какъ отдѣльность и самостоятельность частей ея, такъ и несравненно бо́льшій драматическій характеръ, чѣмъ какой мы видѣли въ «Исторіяхъ,»—драму разсказать нельзя, ее нужно видѣть въ представленіи. Поэтому я и отсылаю читателя къ самому сочиненію Тацита.

(Nero, 38) и Діонъ Кассій (Dio, 62, 16) не сомнѣваются въ этомъ нисколько.

Такова «Лѣтопись» Тацита, въ которой предстояло ему изобразить время, далеко не такъ благодарное для историка, какъ предшествовавшая исторія Рима. Тациту приходилось имѣть дѣло не съ исторіей народа, а съ исторіей деспотовъ, для которой, какъ говоритъ Нибуръ, самая удобная форма — біографія (1). Событія этого времени завязывались и развязывались не на форумѣ, при участіи народа, при разъясненіи ораторами и при свободномъ обсужденіи въ сенатѣ, а во дворцахъ деспотовъ, по тайнымъ интригамъ ихъ придворныхъ. Самъ Тацитъ сильно чувствовалъ эти трудности, и потому вотъ какъ отзывается онъ о своемъ трудѣ: «Мнѣ небезъизвѣстно, что большая часть того, что я разсказалъ, и очемъ буду разсказывать, можетъ показаться маловажнымъ и незначительнымъ, но никто не долженъ сравнивать нашу лѣтопись съ сочиненіями тѣхъ, которые излагали прежнюю исторію римскаго народа. Тѣмъ предстояло свободное поприще повѣтствовать объ огромныхъ войнахъ, осадахъ городовъ, о разбитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ царяхъ, или если они обращались къ внутреннимъ дѣламъ, о распряхъ консуловъ съ трибунами, объ аграрныхъ и хлѣбныхъ законахъ, о борьбѣ народа съ знатью. Намъ же выпалъ на долю трудъ узкій и неблагодарный, потому что тутъ постоянный и слабо потрясаемый миръ, скорбныя обстоятельства Рима и государь, не интересующійся расширеніемъ предѣловъ имперіи. Однако не будетъ безполезно обратить вниманіе и на эти событія, которыя съ перваго взгляда не важны, но изъ которыхъ за то рождается движеніе дѣлъ великихъ. Всѣ народы и города управляются или демократіей, или аристократіей, или единодержавно: форма же правленія, выбранная, смѣшанная изъ всѣхъ трехъ болѣе достойна одобренія, чѣмъ способна къ осуществленію,

(1) Kleine historische und philologische Schriften, 2-е собраніе; Bonn, 1843, p. 237.

и если бываетъ, то недолговѣчна. Но какъ прежде, во время владычества народа, надобно было знать характеръ народа и средства руководить имъ съ благоразуміемъ, или какъ во время владычества патриціевъ тѣ назывались искусными политиками и мудрыми людьми, которые особенно старались изучить духъ сената и аристократовъ, такъ послѣ государственнаго переворота, когда Римъ управляется неиначе, какъ однимъ лицемъ, естественно требуется собирать и разсказывать то, что я разсказываю». (1). Во всякомъ случаѣ нельзя не приписать Тациту огромнѣйшей заслуги, и не признать за нимъ величайшаго мастерства историка, когда онъ могъ совладать съ такимъ неблагодарнымъ матеріаломъ и представить намъ не такую сухую и безъискуственную исторію Цезарей, какъ мы читаемъ ее у Светонія и у Діона Кассія, а настоящую исторію времени, гдѣ событія объясняются логически ихъ причинами и гдѣ передъ нами возстаетъ эпоха въ ея цѣлости.

«Лѣтопись» написана на основаніи широкаго изученія источниковъ,—это видно съ перваго взгляда. Очень жаль только, что Тацитъ имѣетъ привычку большею частью не указывать именъ авторовъ, которыми онъ пользовался, довольствуясь обыкновенно выраженіями: такъ «говорятъ современные писатели», (2) «я не нахожу у историковъ» (3) «слѣдуя многимъ писателямъ», (4) «слѣдуя согласному свидѣтельству писателей», (5) и т. п. По собственному признанію Тацита, онъ пользовался и такими источниками, на которые другими историками не было обращено вниманія (6), и возстановлялъ то,

(1) An. IV, 32 и 33.
(2) Ann. VI, 4 (V, 9).
(3) III, 3.
(4) IV, 57.
(5) XIII, 20.
(6) IV, 53.

что другими было пропущено ([1]). Но обыкновенными источниками для него служили: ежедневная римская газета (acta diurna), ([2]) сенатскія вѣдомости, или протоколы (acta или commentarii Senatus), ([3]) разные оффиціальные документы, вѣроятно между ними надписи, ([4]) рѣчи Цезарей—Тиберія ([5]) вѣроятно—Клавдія (рѣчь о правѣ поступленія въ число сенаторовъ для Галловъ) ([6]), такіе документы, какъ завѣщаніе Августа и статистика римскаго государства, написанная собственною рукою Августа ([7]). За тѣмъ—историки: Плиній Старшій, ([8]) написавшій исторію германскихъ войнъ ([9]) и исторію своего времени, начиная съ Неронова правленія, ([10]) и «естественную исторію», которою Тацитъ также могъ пользоваться въ описаніи Германіи, Клувій Руфъ, служившій Тациту источникомъ для исторіи Неронова правленія, ([11]), равно какъ и для «Исторій», ([12]), знаменитый и краснорѣчивый ([13]) историкъ Фабій Рустикъ, ([14]) служившій пособіемъ для времени Клавдія ([15])

([1]) VI, 13 (7).
([2]) III, 3.
([3]) XY, 74.
([4]) XII, 24.
([5]) I, 81.
([6]) XI, 24.
([7]) I, 8 и 11.
([8]) I, 69; XIII 20; XV, 53.
([9]) I, 69; Pl. Ep. III, 5.
([10]) Pl. Ep. Ibid; Praef. hist. nat.
([11]) An. XIII, 20; XIV, 2.
([12]) Hist. Ш, 65.
([13]) Agr. 10.
([14]) An. XIII, 20; XIV, 2; XV; 61.
([15]) Хотя Тацитъ и не ссылается на него въ исторіи Клавдіева правленія, но такъ какъ онъ упоминается (Agr. 10), какъ источникъ при описаніи Британіи, то нужно предполагать, что о Британіи говорилъ Фабій Рустикъ по поводу возобновленной туда экспедиціи Клавдіемъ (Agr. 13).

и Нерона; разные мемуары: между ними самое видное мѣсто занимаютъ записки Агриппины, матери Нерона, которыми пользовался Тацитъ при описаніи Тиберіева правленія (1), вѣроятно мемуары Тиберія (2) и Клавдія, (3) военные мемуары Светонія Павлина, (4) совершившаго знаменитую экспедицію на Атласъ (5) и побѣдоносно сражавшагося въ Британіи, (6) записки Корбулона и Муціана для Востока (7) и др. (см. объ указанныхъ выше источникахъ для «исторій»).

ГЛАВА VI.

Политическія, философскія, религіозныя и нравственныя убѣжденія Тацита,

Изъ содержанія только что разсмотрѣнныхъ сочиненій Тацита видно, что историкъ нашъ никакъ не могъ симпатизировать съ тѣмъ порядкомъ вещей, или иначе съ тѣмъ государственнымъ режимомъ, который выступилъ въ Римѣ на сцену послѣ битвы при Акціумѣ. Было бы несправедливо однако думать, что Тацитъ мечталъ о возстановленіи республики. Для него было слишкомъ понятно, что въ его «докрайности испорченный вѣкъ» (8) не можетъ существовать дру-

(1) An. IV, 53.
(2) Suet. Tib. 61. Dom. 20.
(3) Suet. Claud. 41.
(4) Pl. Hist. Nat. V, I, 14.
(5) Ibid. Dio, 60, 9.
(6) An. XIV, 29—37; Agr. 14—16. Dio, 60, 7—12.
(7) Pl. Hist Nat. V, 20, 34; VII, 49; IX, 31.
(8) Hist. II, 37: corruptissimo seculo.

гой формы правленія, какъ единодержавіе, онъ убѣжденъ былъ въ этомъ тѣмъ болѣе, что и вообще та совершенная форма правленія, которая поражала Поливія ([1]) въ эпоху высшаго процвѣтанія римскаго государства и которая состояла изъ равновѣсія демократическаго, аристократическаго и монархическаго элементовъ, по существу своему не можетъ быть долговѣчна ([2]). Тацитъ не скрываетъ даже и того, что побѣда монархическаго начала была вызвана необходимостью ([3]) водворенія порядка въ государствѣ, истощенномъ междуусобными войнами. ([4]) Онъ видимо недоволенъ тѣмъ, что государственный переворотъ, совершенный Августомъ, положилъ конецъ политическому равенству и заставилъ всѣхъ дѣйствовать по мановенію владыки; ([5]) но не можетъ скрыть убѣжденія, что равенство могло легко существовать только тогда, когда республика еще не имѣла обширныхъ границъ ([6]); «когда, по завоеваніи міра и уничтоженіи соперничествующихъ республикъ и царствъ, можно было желать лишь безопаснаго величія, тогда воспламенились прежде всего битвы между патриціями и плебеями; то бушевали трибуны, то присвоивали себѣ слишкомъ много власти консулы; въ городѣ и на форумѣ открывались попытки междуусобныхъ войнъ. За тѣмъ Гай Марій, человѣкъ самаго низкаго происхожденія, и наиболѣе жестокій между знатными Л. Сулла, побѣдили свободу оружіемъ и поставили на мѣсто ея господство одного. За ними слѣдовалъ Кн. Помпей, который былъ осторожнѣе ихъ, но не лучше. Послѣ того не было иной борьбы, какъ за принципатъ». ([7]) Такимъ

([1]) Polyb. VI. 3.
([2]) Ann. IV, 33.
([3]) Hist. I, 1. omnem potestatem ad unum conferri pacis interfuit.
([4]) Ann. I, 1. Cuncta discordiis civilibus fessa nomine principis sub imperium accepit (Augustus).
([5]) An. 1, 4.
([6]) Hist. II, 38.
([7]) Ibidem.

образомъ Тацитъ ни на минуту не сомнѣвался въ историческoй необходимости принципата, во время котораго выпало на долю ему жить. Выраженіе этого сознанія всего яснѣе слышится въ словахъ, влагаемыхъ имъ въ уста Гальбы, когда этотъ желаетъ передать власть Пизону: «еслибъ огромное тѣло имперіи могло стоять и держаться въ равновѣсіи безъ управителя, то я былъ достоинъ того, чтобъ отъ меня началась республика; но уже съ давнихъ поръ мы дошли до той печальной судьбы, что ни моя старость не можетъ дать римскому народу болѣе, какъ хорошаго правителя, ни отъ твоей молодости независитъ болѣе, какъ быть хорошимъ государемъ» ([1]) Такія и подобныя мысли проходятъ черезъ всѣ сочиненія Тацита; мы встрѣтились съ ними еще разбирая «Разговоръ объ ораторахъ» ([2]) и выдвинули это обстоятельство на видъ, какъ одно изъ доказательствъ въ пользу принадлежности этого сочиненія Тациту.

Согласно съ такимъ взглядомъ на вещи, онъ не объявляетъ принципату войны во чтобы то ни стало, какъ поступали тѣ, въ глазахъ которыхъ имперія была осуждена въ принципѣ, и которые предпочитали гордую смерть неизбѣжному подчиненію надъ всѣмъ тяготѣющей силѣ ([3]). Напротивъ того, Тацитъ выставляетъ въ тестѣ своемъ примѣръ человѣка, умѣвшаго приносить пользу обществу даже при Домиціанѣ, и, опираясь на этотъ примѣръ, категорически высказываетъ, «что и при худыхъ государяхъ могутъ существовать великіе люди». ([4]) Онъ приводитъ тоже въ образецъ людей, достойныхъ подражанія, М. Лепида, когда говоритъ: «я нахожу, что этотъ Лепидъ былъ для тѣхъ временъ (временъ Тиберія) серь-

---

([1]) Hist. I. 16.
([2]) См. рѣчь Матерна начиная съ 38 главы.
([3]) Agr. 42.
([4]) Ibidem.

ёвнымъ и умнымъ человѣкомъ; ибо онъ смягчилъ много свирѣпыхъ приговоровъ (въ сенатѣ), продиктованныхъ лестью, и при этомъ имѣлъ достаточно сдержанности, потому что пользовался въ равной степени уваженіемъ и благосклонностью Тиберія. (¹) Равнымъ образомъ замѣчаетъ Тацитъ въ томъ же духѣ и о первосвященникѣ Пизонѣ, который «умеръ своей смертью—рѣдкое событіе для человѣка, такъ высоко поставленнаго,» что «онъ не высказалъ добровольно ни одного раболѣпнаго мнѣнія, и, насколько требовала необходимость, соблюдалъ мудрую умѣренность.» (²) То же самое хочетъ Тацитъ показать и въ лицѣ Меммія Регула, который блисталъ гражданскими доблестями, «насколько это возможно при затмѣвающемъ величіи императора». (³) Поэтому Тацитъ требуетъ дѣятельности и порицаетъ «лѣнивую невинность», хотя, принимая во вниманіе трудныя обстоятельства, иногда и извиняетъ временную воздержность отъ дѣлъ, напр. своему тестю Агриколѣ, который нѣкоторое время при Неронѣ жилъ въ удаленіи и бездѣйствіи, будучи убѣжденъ, что бездѣйствіе во времена Нерона было мудростью (⁴). Историкъ нашъ хорошо чувствовалъ опасность для дѣятельнаго человѣка во время правленія тиранновъ, и потому неразъ, въ противоположность своему политическому правилу, долженъ былъ высказывать, что «мужъ знаменитый возбуждаетъ безпокойство въ неспособномъ государѣ» (⁵). Поэтому-то не смотря на всю свою умѣренность, которая выставляется имъ, какъ мудрое политическое правило, и которою, по всей вѣроятности, (⁶) отличал-

---

(¹) An. IV, 20.
(²) An. VI, 16 (10).
(³) An XIV, 47.
(⁴) Agr. 6: inertia pro sapientia fuit.
(⁵) Ann XI, 19 рѣчь идетъ о Корбулонѣ. См. также Agr. 39.
(⁶) См. *Karl Zell*, Tacitus, als Staatsmann in seinem praktischen Leben въ его Verienschriften, 3-е собраніе 1833.

ся самъ онъ въ государственной службѣ, онъ не разъ отзывается съ глубокой симпатіей о людяхъ, представлявшихъ величіе души и непреклонную волю въ борьбѣ съ возмутительнымъ самовластіемъ. Особенно ярко выступаетъ у него это чувство при описаніи необыкновенной твердости вольноотпущенницы Эпихариды во время пытокъ, которымъ она была подвержена по обвиненію въ участіи въ Пизоновомъ разговорѣ, съ цѣлью вынудить у ней открытіе соучастниковъ: «блистательный примѣръ въ вольноотпущенницѣ и женщинѣ, которая въ такихъ мукахъ не выдавала чужихъ и почти незнакомыхъ ей людей, въ то время какъ свободнорожденные и мущины, римскіе всадники и сенаторы, не тронутые пытками, выдавали самыхъ дорогихъ себѣ людей». ([1]) Въ слѣдъ за этимъ онъ высказываетъ чувство глубокой скорби, видя «рабское терпѣніе» многихъ членовъ этого заговора и проситъ читателя позволить ему не выражать своего презрѣнія къ людямъ, которые «такъ малодушно погибаютъ». ([2]) Равнымъ образомъ всегда особенною любовію дышатъ его отзывы о тѣхъ, которые, будучи людьми суровой нравственности и высокаго мужества, представляли собой радикальную партію политической оппозиціи того времени. Гордые своими принципами, непоколебимые въ борьбѣ съ жизнію, они безстрашно шли на смерть, видя въ ней не бѣдствіе, а счастіе. Это были стоики. Считая ихъ смѣлую и невоздержную оппозицію практически безполезною, Тацитъ не можетъ отзываться объ этихъ людяхъ иначе, какъ съ уваженіемъ. ([3]) Приведемъ для примѣра его слова о Гельвидіѣ Прискѣ: «Гельвидій Прискъ происходилъ изъ Террачины, муниципальнаго итальянскаго города, имѣлъ отцемъ своимъ Клувія, командира первой сотни. Въ ранней

([1]) An, XV, 57.
([2]) An. XVI, 16.
([3]) An. XVI, 21; XIV, 41; Hist. III, 80; Agr. 2.

молодости посвятилъ онъ свои блестящія дарованія философіи не для того, чтобы, какъ многіе, великимъ именемъ прикрывать безпечную праздность, но для того, чтобы укрѣпившись ею противъ случайностей, приступить къ дѣламъ государственнымъ. Онъ взялъ себѣ въ наставники тѣхъ учителей мудрости, которые считаютъ хорошимъ только то, чтó честно и худымъ-то, чтó безчестно, а власть, благородство происхожденія и другое подобное, чтó—внѣ нашего духа, не причисляютъ ни къ благамъ, ни къ несчастіямъ. Будучи небольше, какъ квесторомъ, онъ былъ избранъ въ зятья Петомъ Тразеей, и изъ характера тестя ничего такъ не усвоилъ себѣ, какъ любовь къ свободѣ. Съ одинаковымъ усердіемъ онъ исполнялъ обязанности гражданина, сенатора, супруга, зятя, друга, презиралъ богатство, упорно стоялъ за правду и былъ непоколебимъ передъ угрозами». ([1])

Чтобы лучше понять политическое воззрѣніе Тацита, надобно представить себѣ политическія отношенія того времени. Мы видѣли уже, что установленная власть, стоявшая во главѣ государства, была всемогуща. Опираясь на преданное себѣ войско, готовое за щедрую подачку по первому мановенію повелителя сравнять съ землей цѣлый Римъ и поддерживаемая грубою, лѣнивою и развращенною даровой раздачей хлѣба и кровавыми увеселеніями амфитеатра и цирка толпою римскаго населенія, она презирала остальные классы общества тѣмъ болѣе, что у этихъ послѣднихъ не было для борьбы съ ней дѣйствительной силы. Но при всемъ томъ въ образованныхъ, знатныхъ и зажиточныхъ классахъ общества существовала постоянная оппозиція правительству. Центромъ этой оппозиціи былъ Сенатъ, сосредоточивавшій въ себѣ теперь, покрайней мѣрѣ по формѣ, всѣ функціи государственной власти, какъ свои прежнія, такъ и тѣ, которыя прежде принадлежали на-

([1]) Hist. IV, 5.

роднымъ собраніямъ. Правда власть сената часто оказывалась мнимою, и онъ былъ только игрушкою въ рукахъ такихъ императоровъ, какъ Калигула, Неронъ или Домиціанъ; но значеніе сената въ имперіи было неоспоримо. Будучи также долговѣченъ, какъ самый Римъ, окруженный множествомъ великихъ преданій и представляя въ себѣ цвѣтъ итальянскаго общества, онъ былъ общественной силой даже и тогда, когда не имѣлъ политическаго могущества (1). Въ его-то нѣдрахъ таилась оппозиція, силы которой нельзя было отрицать, потому что на сторонѣ ея стоялъ блескъ рода, богатства и интеллигенціи. Тиберій, Калигула, Неронъ и въ особенности Домиціанъ истребляли представителей Сената съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и упорствомъ, но истребить оппозиціи въ Сенатѣ не могли. Аристократія рода, богатства и ума никогда не въ состояніи вполнѣ подчиниться деспотизму, такъ какъ подчиненіе такого рода равносильно самоуничтоженію. Иногда Сенатъ, вспоминая прежнюю силу, возставалъ во всемъ своемъ величіи временъ республики: по убіеніи Калигулы онъ не хотѣлъ собраться въ куріи, потому что она называлась Юліевой, а пошелъ на Капитолій, чтобы тамъ провозгласить республику, при чемъ нѣкоторые сенаторы предложили даже изгладить память Цезарей и разрушить ихъ храмы; но ихъ предупредили солдаты, провозгласивши императоромъ забившагося отъ страху въ уголъ Клавдія. Нерона объявилъ Сенатъ врагомъ отечества и приговорилъ его къ страшной казни (2) «по обычаю предковъ». (3) Не предупреди Неронъ этого приговора самоубійствомъ, онъ можетъ былъ бы и исполненъ.

---

(1) Hist. I, 76; II, 32; I, 55 и 57.

(2) Suet Nero 49.

(3) Это была казнь, когда человѣка, вложивши ему голову въ рогатину и связавши ему руки, сѣкли голаго розгами до смерти, водя по улицамъ. Plaut· Pers. V, 2, 13; Liv. I, 26; Suet. Nero 49.

Эти обстоятельства показываютъ, что Сенатъ никогда не былъ прочь возвратить себѣ старинный престижъ и показать свое значеніе: одна горькая необходимость, чувство самосохраненія, заставляли его раболѣпствовать передъ тираннами. Такимъ образомъ оппозиція скрытная и явная существовала. Характеръ ея былъ различенъ: одни, какъ Л. Пизонъ и М. Лепидъ, принадлежали къ умѣренной партіи, стараясь не раздражать деспотизмъ, но удерживать его отъ слишкомъ своевольныхъ проявленій; другіе, какъ Петъ Тразея, Гельвидій Прискъ, Рустикъ Аруленъ и многіе другіе послѣдователи стоицизма не желали ни за что склонять головы своей передъ деспотизмомъ и даже, такъ сказать, игнорировали его. Такъ напр. обвиняли Тразею за то, что онъ, когда въ Сенатѣ стали разсуждать отъ убійствѣ Агриппины, не хотѣлъ быть участникомъ въ гнусной лести Сената Нерону и вышелъ вонъ, (1) что онъ не хотѣлъ участвовать въ опредѣленіи Поппеѣ божественныхъ почестей и не явился на ея похороны, что онъ не приносилъ обыкновенной присяги въ началѣ года и не присутствовалъ при молебствіяхъ за Нерона, что онъ никогда не приносилъ жертвы за государя и его «небесный голосъ», что онъ цѣлыхъ три года не посѣщалъ Сената, что онъ не клянется актами Ю. Цезаря и Августа, и пр. (2) Тацитъ, какъ намъ уже хорошо извѣстно, не принадлежалъ къ этой послѣдней партіи, какъ политическій дѣятель, и не отвергалъ принципата. Онъ очень хорошо понималъ безполезность ожесточенной борьбы съ нимъ (3) и хотѣлъ только того, чтобы этотъ послѣдній помнилъ, что ему подчинены люди, которые, если неспособны къ безграничной свободѣ, то «не могутъ выносить и полнаго рабства», онъ не хотѣлъ, чтобъ глава го-

(1) An. XIV, 12.
(2) An. XVI, 22 и 22.
(3) An. XIV, 49; XVI. 26; Agr. 42

сударства становился выше закона и попиралъ права Сената ([1]). Потому онъ не можетъ скрыть удовольствія, когда Неронъ обѣщается не присвоивать себѣ абсолютной власти и поддерживать привилегіи Сената, ([2]) равно какъ онъ не безъ удовольствія разсказываетъ о томъ, что въ первые годы правленія Тиберія общественныя дѣла рѣшались въ Сенатѣ. ([3]) Идеалъ же, осуществленіе котораго онъ не считалъ невозможнымъ въ имперіи, это такое соединеніе принципата съ свободой, какое видѣло время Нервы и Траяна, ([4]) когда Сенатъ пользовался ненарушимо своими правами.

Такимъ образомъ гарантіи свободы и общественнаго благосостоянія Тацитъ видѣлъ въ ненарушимости правъ Сената, за дѣйствіями котораго онъ слѣдитъ безъ устали въ продолженіи всей «Лѣтописи», одобряя его, когда онъ ведетъ себя съ подобающимъ достоинствомъ и порицая его раболѣпіе ([5]). Отъ черни онъ не ожидаетъ ужъ ничего путнаго и отрицаетъ въ ней всякую заботу о государствѣ. Преданная лишь заботѣ о хлѣбѣ, ([6]), удовольствіямъ цирка и театра, ([7]) она не только не заботится о свободѣ и благоденствіи Рима, но даже радуется его бѣдствіямъ въ надеждѣ поживиться грабежомъ во время смутъ и несчастій. ([8]) Вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ черни, которое послѣдняя вполнѣ заслужила своимъ отношеніемъ къ судьбамъ государства, Тацитъ рѣшительно ставитъ

([1]) An. 1, 2.
([2]) An. XIII, 4.
([3]) An. IV, 6.
([4]) Agr. 3.
([5]) An. I, 11, 12 и 74; III, 60; IV, 33 и 75; XIII, 28.
([6]) Hist. IV, 36: Vulgus, cui una ex republica annonae cura; Ann. I, 2; II 87; VI, 19 (13); XII, 43; XV, 36.
([7]) Hist. I, 4: Plebs sordida et circo ac theatris sueta; III, 83; An. XIV, 14; XV, 36. Cp. Juven. X, 80: duas tantum res anxius optat, panem et Circenses.
([8]) Hist. III, 83.

себя на сторону высшихъ сословій съ обычнымъ Римлянину понятіемъ о благородствѣ крови. (1) Обыкновенное явленіе въ его «Лѣтописи»—перечень въ концѣ года смертей знатныхъ людей, равно какъ замѣчанія, что такой-то дѣйствуетъ недостойно своего рода, (2) ясно свидѣтельствуютъ объ аристократическихъ симпатіяхъ Тацита, хотя онъ и не забываетъ указывать съ удовольствіемъ на тѣхъ людей, которые, не будучи знатнаго происхожденія, заслужили себѣ громкое имя своими трудами и подвигами (3). Эти аристократическія симпатіи Тацита, принесшія ему въ литературѣ нашихъ дней не мало порицанія, находятъ себѣ оправданіе въ современныхъ ему обстоятельствахъ. Надобно припомнить себѣ, что римскій принципатъ, со всѣми его тиранническими и кровавыми аттрибутами былъ въ сущности явленіе, вышедшее изъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые были столько же враждебны свободѣ, сколько и римскому національному духу. Грунтъ, на которомъ онъ построилъ свое зданіе, была охлократія, сила продажной черни, торговавшей со времени Марія республикой, пока она не нашла себѣ окончательныхъ покупателей въ лицѣ Цезарей. Среди неистовствъ этой всеразрушающей силы погибла римская свобода, римская доблесть и римская честь, тѣ основныя опоры, на которыхъ покоилось національное величіе Рима. Естественно, что если Тациту приходилось мечтать о возстановленіи свободы (не республики) и національныхъ добродѣтелей, то онъ не могъ возлагать ни малѣйшей надежды на поддержку черни, въ которой не было и слѣдовъ политической стойкости и національныхъ чувствъ прежняго плебса. Римскій духъ, преданія, а отчасти и доблести, хранились въ недобитой еще Цезарями

(1) An. IV, 3; VI 33 (27).
(2) An. I, 53; III, 55, 56 и въ другихъ мѣстахъ.
(3) Hist. IV, 5; An. I, 3; XV, 57: Dial. 8,

аристократіи,—отсюда симпатія Тацита къ этому классу общества. Но другъ свободы, онъ не былъ приверженцемъ олигархіи, въ чемъ обвиняетъ его Меривель,—онъ высказываетъ прямо, что власть народа всего ближе къ свободѣ и что владычество олигархіи не далеко отъ деспотизма восточныхъ царей (1). Съ другой стороны нельзя отрицать того, что онъ смотритъ и на республику не съ демократической точки зрѣнія: законы 12-ти таблицъ, составленные въ интересахъ патриціевъ, онъ считаетъ послѣдними законами въ Римѣ, основанными на справедливости (2), потому что остальные, за исключеніемъ немногихъ, принадлежатъ къ законамъ, которые были навязаны той или другой партіей; (3) при этомъ популярныхъ Гракковъ онъ называетъ «возмутителями черни».

Изъ всего, что мы сказали о политическихъ воззрѣніяхъ Тацита, видно, что собственно опредѣленной политической системы у него не было, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми умѣренными. Тацитъ ненавидитъ принципатъ и приписываетъ ему много бѣдствій, которымъ подвергся римскій народъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отрекается отъ него, совѣтуя, напротивъ, заключать съ нимъ сдѣлки и говоря, что даже «и при худыхъ государяхъ могутъ быть великіе люди». Но и тутъ онъ невполнѣ послѣдователенъ: съ одной стороны онъ хвалитъ Агриколу за то, что тотъ не отказывался отъ полезной дѣятельности при Домиціанѣ, (4) а съ другой—за-

(1) An. VI, 48 (42): populi imperium juxta libertatem, paucorum dominatio regiae libidini propior est.

(2) An, III, 27: finis aequi juris. Тацитъ такъ думаетъ потому, что законы 12 таблицъ составлены на основании добровольнаго контракта между патриціями и плебеями, а остальные законы уже выходили изъ борьбы партій, въ которой одна партія проводила извѣстные законы съ побѣдой надъ другой.

(3) Ibidem и слѣд.

(4) Agr. 42.

мѣчаетъ, что во времена Нерона бездѣйствіе было мудростью ([1]). Онъ держится аристократическихъ взглядовъ на прошедшее и настоящее римской исторіи, и въ то же время замѣчаетъ, что «власть народа всего ближе къ свободѣ» ([2]) а свободу онъ считаетъ рычагомъ добродѣтели ([3]). Онъ провозглашаетъ умѣренность, какъ высшее политическое правило своего времени, а между тѣмъ отзывается съ симпатіей о людяхъ, которымъ всего болѣе чуждо было это правило (Тразея, Гельвидій Прискъ, Рустикъ Аруленъ и др.). Вообще тѣхъ рѣзко опредѣленныхъ политическихъ воззрѣній, какія свойственны умамъ энергическимъ, хотя бы и не такъ глубокимъ, какъ его собственный умъ, Тацитъ не имѣлъ..Если бы его историческіе труды не были исполнены того неослабнаго драматизма, который сообщался имъ въ слѣдствіе неспокойнаго созерцанія описываемыхъ событій и лицъ, если бы, другими словами, въ его трудахъ было больше объэктивности, то вѣроятно, въ нихъ не проскакивали бы тѣ частыя противорѣчія въ принципахъ, какія мы замѣтили. Но среди того трагическаго положенія, въ которомъ онъ находился, не видя возможности удовлетворенія своихъ завѣтныхъ желаній, онъ долженъ былъ не рѣдко поддаваться личному чувству болѣе, чѣмъ насколько дозволяло это призваніе историка. Однако противорѣчія эти не такъ важны, чтобы политическій образъ мыслей Тацита былъ для насъ теменъ: ненависть къ тираннія, любовь къ свободѣ и гражданской доблести хорошихъ временъ республики, сами по себѣ ясно характеризуютъ политическую точку зрѣнія человѣка, оставившаго намъ краснорѣчивое описаніе римской имперіи перваго вѣка нашей эры ([4]).

([1]) Agr. 6,

([2]) An. VI, 48 (42).

([3]) Agr. 1.

([4]) Считаю нужнымъ указать на нѣсколько сочиненій, разбирающихъ Тацита съ политической точки зрѣнія: *Scipione Ammirato*, Discorsi

Отсутствіе системы, какое мы замѣтили въ политическихъ воззрѣніяхъ Тацита, еще въ бóльшей мѣрѣ замѣтно въ его философско—религіозномъ міросозерцаніи. Прежде всего видно, что Тацитъ не принадлежалъ ни къ одной изъ двухъ господствовавшихъ въ то время философскихъ школъ въ Римѣ, ни къ эпикурейской, ни къ стоической, хотя и нельзя не замѣтить, что онъ чувствовалъ наиболѣе расположенія къ стоической философіи, къ той самой, которая «укрѣпляетъ духъ противъ случайностей», и по которой «хорошо только то, что честно, и худо то, чтó безчестно». (¹) Разумѣется, мы тѣмъ менѣе можемъ обвинять Тацита въ отсутствіи философской системы, что строгая заключенность въ какую бы-то ни было систему философіи не была въ характерѣ Римлянъ также точно, какъ она противоположна и нашему національному характеру. Римлянинъ никогда не исповѣдывалъ одной опредѣленной философіи въ томъ смыслѣ слова, какъ ее понимали Греки: всѣ эти академики, перипатетики, стоики, эпикурейцы, пиѳагорейцы, были въ Римѣ эклектики. Можно развѣ указать на Лукреція, какъ на вѣрнаго исповѣдника эпикуреизма. У Цицерона, такъ много философствовавшаго, нѣтъ положительно никакой системы; даже самъ Сенека перебѣгаетъ

---

sopra Cornelio Tacito, in Padoua 1642; *Malvezzi*, Discorsi sopra Cornelio Tacito, in Venetia, 1665; *Melliet*, Discours politiques et militaires sur Corneille Tacite, excellent historien et grand homme d'Estat, Rouen, 1642 Всѣ эти три сочиненія я указываю въ тѣхъ изданіяхъ, въ какихъ экземпляры ихъ находятся въ нашей публичной библіотекѣ. За тѣмъ *Thomas Gordon*. Political discourses, Lond. 1728. Не имѣя подъ руками оригинала, я пользовался французскимъ переводомъ этого сочиненія: Discours historiques, critiques et politiques sur Tacite, Amsterdam, 1742. Во всѣхъ этихъ устарѣвшихъ сочиненіяхъ, разбирающихъ Тацита, какъ Евангеліе для новыхъ народовъ, мало можно найти критики. Бóльшаго вниманія заслуживаетъ статья Карла Целля: Tacitus als Staatsmann in seinem praktischen Leben въ Ferienschr. 3 собр. 1833.

(¹) Hist. IV, 5.

сплошь да рядомъ изъ своего стоическаго лагеря въ противоположный ему эпикурейскій. Тѣмъ болѣе было бы странно требовать опредѣленности школы отъ Тацита, по мнѣнію котораго самое лучшее для Римлянина, хотя трудное само по себѣ дѣло, удерживать мѣру въ мудрости. (1). Поэтому мы не должны удивляться, если онъ иногда рядомъ проводитъ догматы эпикурейской и стоической секты, незная которой изъ нихъ отдать предпочтеніе. «Я не могу разсудить, говоритъ онъ, идутъ ли человѣческія дѣла по закону судьбы и непреложной необходимости, или они подчинены случаю. Объ этомъ существуютъ различныя мнѣнія даже у самыхъ мудрѣйшихъ изъ древнихъ и ихъ послѣдователей. Многіе думаютъ, что ни начало наше, ни конецъ, ни вообще люди не составляютъ предмета попеченія боговъ, и что поэтому особенно частыя несчастія постигаютъ добрыхъ, а злые люди благоденствуютъ. Другіе, напротивъ, полагаютъ, что событія подчинены судьбѣ, на которую не имѣетъ вліянія теченіе звѣздъ, но которая находится въ началахъ и связи естественныхъ причинъ; они оставляютъ намъ однако выборъ жизни, но говорятъ, что если выборъ сдѣланъ, то за нимъ слѣдуетъ опредѣленный рядъ неизбѣжныхъ событій, и что не то несчастіе и благо, что́ такимъ почитаетъ народъ, но что многіе, повидимому постигнутые бѣдствіями, блаженны, а многіе при большомъ богатствѣ несчастны, если первые выносятъ тяжелую судьбу съ твердостью, а послѣдніе злоупотребляютъ счастіемъ». (2) Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во множествѣ другихъ, философско-религіозное міросозерцаніе Тацита колеблется до такой степени, что нельзя составить ни опредѣленной философіи, ни опредѣленной теологіи, которыхъ бы онъ держался, хотя, какъ мы сказали, больше всего онъ внесъ въ свои сочиненія міро-

(1) Agric. 4 retinere ex sapientia modum.
(2) An. VI, 28 (22).

созерцанія стоиковъ. Такимъ образомъ у него, какъ и у стоиковъ, ([1]) судьба, счастье, богъ, составляютъ какъ бы одно и тоже. Самый лексиконъ философскихъ понятій его принадлежитъ стоикамъ. Впрочемъ для насъ важнѣе разсмотрѣть проявленія міросозерцанія Тацита въ его сочиненіяхъ, чѣмъ составить опредѣленіе, къ какой сектѣ принадлежалъ онъ ([2]).

Нигдѣ не видно, чтобъ Тацитъ бога, или боговъ признавалъ, какъ что-нибудь личное, имѣющее какую нибудь форму; напротивъ замѣтно, что онъ былъ склоненъ видѣть въ богѣ нѣчто такое, что не можетъ быть заключено ни въ какія формы. Такъ можно заключать по духу выраженія его о божескомъ представленіи у Германцевъ и Іудеевъ. «Не содержать боговъ заключенными въ стѣнахъ и не придавать имъ никакой человѣческой формы они (Германцы) почитаютъ сообразнымъ съ величіемъ небесныхъ существъ». ([3]) Къ этому Тацитъ прибавляетъ: «именами боговъ они называютъ то таинственное, что созерцаютъ только благоговѣніемъ». ([4]) И вотъ слова его объ Іудеяхъ: «Іудеи признаютъ единое божество и представляютъ его только въ умѣ. Они считаютъ нечестивыми тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ бренныхъ веществъ изображенія боговъ на подобіе людей. Богъ для нихъ есть существо верховное и вѣчное, неизмѣняемое и нескончаемое». ([5]) Богамъ приписывается у Тацита гнѣвъ, мщеніе,

---

([1]) Сенека, de benef. IV, 8: Si hunc (deum) naturam vocas, fatum, fortunam, omnia ejusdem dei nomina sunt varie utentis sua potestate. Плутархъ, de stoicorum repugnantiis, 34.

([2]) Объ этомъ вопросѣ толкуется между прочимъ въ сочиненіяхъ: Süvern, üb. den. Kunstchar. и т. д. p. 126 и слѣд. Hoffmeister, Die Weltanschauung des Tacitus, Essen, 1831; Haase, пред. къ изд. p. XXX.

([3]) Germ. 9.

([4]) Ibid. См. также Germ. 34.

([5]) Hist. V, 5.

милость и подобныя свойства: ([1]) такъ въ предисловіи къ «Исторіямъ», бросая взглядъ на совершившіяся событія, онъ замѣчаетъ, что никогда бо́льшими несчастіями не было доказано римскому народу, что боги заботятся не о безопасности нашей, а о мщеніи». ([2]) Непомѣрное вліяніе Сеяна на Тиберія онъ приписываетъ не ловкости перваго, а гнѣву боговъ на Римлянъ ([3]). Общественныя бѣдствія при Неронѣ, ([4]) равно какъ и безчисленныя казни ([5]), совершонныя этимъ злодѣемъ, онъ приписываетъ также гнѣву боговъ. Тотъ же гнѣвъ боговъ привлекъ на Римъ и междуусобную войну между Отономъ и Вителліемъ ([6]). Вообще у Тацита боги злятся на Римлянъ, и рѣдко-рѣдко гдѣ оказываютъ милость, или благосклонность. Такъ этой благосклонности боговъ онъ приписываетъ спасеніе Рима отъ угрожавшаго голода при Клавдіѣ. ([7]) Равнымъ образомъ во время возстанія Цивилиса, когда непріятели Рима, будучи еще побѣдителями, сдѣлали отступленіе, то Тацитъ замѣчаетъ, что это произошло «не безъ помощи божіей» ([8]). Гоффмейстеръ ([9]) полагаетъ, что эти и подобныя выраженія у Тацита имѣютъ лишь поэтическое значеніе, но съ этимъ согласиться нельзя, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ выраженія эти слишкомъ категоричны, чтобъ приписывать имъ такое значеніе. Такъ напр., говоря о сожженіи Капитолія и на немъ храма Юпитера Капитолійскаго, онъ выражаетъ рѣшительное недоумѣніе, какъ это могло совершить-

([1]) Hist. I, 3; II. 38; IV, 26, 78; An. IV, 1; XIV, 5; XVI, 13, 16; и мн. др.

([2]) Hist. 1, 3.

([3]) An. IV, 1.

([4]) An. XVI, 13.

([5]) XVI, 16: ira numinum in res romanas fuit.

([6]) Hist. II, 38.

([7]) An. XII, 43: magna deum benignitate.

([8]) Hist. IV, 78: non sine ope divina.

([9]) Die Weltansch. стр. 109 и 112.

ся, когда боги не отказали еще Римлянамъ въ благосклонности (1). Категоричность этихъ выраженій видна и въ выше приведенныхъ примѣрахъ. (2).

Но еще чаще, чѣмъ подъ вліяніемъ боговъ, событія совершаются въ зависимости отъ рока, судьбы (fatum), счастья (fortuna) случая (fors и casus)—понятія, прилагаемыя Тацитомъ къ такимъ случаямъ, которые лежатъ внѣ человѣческаго самоопредѣленія или разсчета, но различаются между собой тѣмъ, что fatum стоитъ въ связи съ естественными причинами и природою вещей, а fors, casus стоятъ отдѣльно, и никакимъ образомъ не могутъ быть представлены въ естественой связи съ другими событіями, наконецъ fortuna, а также и sors, какъ мнѣ кажется, занимаютъ у него нѣчто среднее между необходимыми и случайными событіями. Разницу эту мы увидимъ изъ примѣровъ. Такъ, говоря о Лепидѣ, который, несмотря на то, что держалъ себя довольно независимо, былъ въ милости у Тиберія, Тацитъ приходитъ къ такому раздумью: «я прихожу въ сомнѣніе, зависятъ ли, какъ и все другое, склонность государей къ однимъ и нерасположеніе къ другимъ отъ судьбы и жребія (fato et sorte) рожденія, или тутъ имѣетъ нѣкоторое значеніе и наше благоразуміе». (3) Очевидно въ этомъ случаѣ рокъ и жребій не разнятся между собой, такъ какъ предполагается, что то и другое стоитъ въ связи съ послѣдующими явленіями, хотя fatum (рокъ, судьба) имѣетъ дѣйствіе и на самый жребій (sors) (4). Въ другомъ случаѣ роль жребія играетъ fortuna, такъ напр. Веспасіану была предназначена императорская власть тайнымъ закономъ судьбы (occul-

(1) Hist. III, 72: propitiis diis.
(2) См. также An. XII, 43; Hist IV, 78 и др.
(3) An. IV, 20.
(4) См. Seneca de provid. V, 5: fata nos ducunt et quantum cuique restet, prima nascentium hora disposuit.

ta lege fati), ([1]) и за тѣмъ уже съ нимъ была неразлучна fortuna (счастье). ([2]) Но тогда какъ судьба неизмѣнна, ([3]) счастье (fortuna) несовсѣмъ прочно: покровительствуя Веспасіану, оно измѣнило врагу его Вителлію ([4]). Случайно происходящими явленіями называются у Тацита красота лица, высокій ростъ и тому подобныя качества, ([5]) но они зависятъ отъ *фортуны*.Неронъ, произнося рѣчь надъ гробомъ Поппеи «восхвалялъ ея красоту и то, что она дала жизнь божественному дитяти, и другіе дары счастья (fortunae munera), какъ добродѣтели». ([6]) Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ счастье (фортуна) равносильно случаю (fors, casus). По случаямъ происходятъ пожары, ([7]) засухи ([8]) и т. п., но въ сущности и большая часть событій случайны, ([9]) хотя ихъ можно объяснять причинами и основаніями ([10]). Такого рода объясненіе событій то роковой необходимостью, то случайностью, отнимаетъ у насъ всякую возможность причислить міросозерцаніе Тацита къ стоической, или эпикурейской системѣ.

Тоже самое колебаніе замѣтно у Тацита и въ оцѣнкѣ разныхъ предсказаній, оракуловъ и предзнаменованій, которыя у него разсѣяны въ большихъ историческихъ сочиненіяхъ, какъ предвозвѣстники воли боговъ, или судьбы. «Какъ собирать разные сказки и забавлять читателей вымыслами я почитаю далеко не соотвѣтствующимъ достоинству предпринятаго со-

---

(1) Hist. I, 10.
(2) Hist, III, 59, 82 и въ др. мѣстахъ.
(3) Hist. III, 82: nihil arduum fatis.
(4) Hist. III, 59: ni Vitellium retro fortuna vertisset, quae Flavianis ducibus.. adfuit.
(5) An. XV, 48: fortuita, corpus procerum, decora species.
(6) An, XVI, 6.
(7) An. XV, 38.
(8) Hist. IV, 26.
(9) Hist. I, 4.
(10) Ibidem.

чиненія, такъ точно я не смѣю и отнимать вѣры въ ходящія въ народѣ преданія» ([1]). Въ этихъ словахъ выражается отношеніе Тацита къ предсказаніямъ, предзнаменованіямъ, повѣрьямъ, но отношеніе дотого неясное, что мы все-таки остаемся въ неизвѣстности на счетъ того, вѣрилъ ли онъ въ разныя чудеса и суевѣрія, или нѣтъ. Изъ нижеслѣдующаго будетъ видно, что онъ не былъ чуждъ этой вѣры, подобно многимъ образованнымъ людямъ того времени. Такъ, въ предисловіи къ «Исторіямъ» онъ говоритъ очень рѣшительнымъ тономъ: «никогда не было болѣе жестокими бѣдствіями народа римскаго и болѣе вѣрными знаменіями доказано, что боги заботятся не о безопасности нашей, а о мщеніи» ([2]). Онъ не безъ упрека относится къ Гальбѣ, который не смотря на проливной дождь, громъ. молніи и «небесныя угрозы,» собралъ войско, чтобы объявить ему объ усыновленіи Пизона. Не смотря на то, что въ древности въ такіе дни не собирались комиціи, знаменія эти, говоритъ Тацитъ, однако «не удержали Гальбы отъ отправленія въ лагерь, ибо онъ презиралъ подобныя явленія, какъ случайныя; или можетъ быть того, что́ опредѣлено судьбой, нельзя избѣжать, хотя бы мы и были о томъ предувѣдомлены». ([3]) Знаменія, или предсказанія предшествуютъ у Тацита всякому замѣчательному событію. Ими возвѣщена была впередъ императорская власть Веспасіану ([4]) и неудачный исходъ битвы для Отона при Бедріакѣ ([5]). Оракулъ храма Пафійской Венеры предсказываетъ Титу удачу въ предпріятіяхъ, ([6]) также точно, какъ оракулъ Аполлона въ Кларосѣ предсказываетъ Германику преждевре-

---

([1]) Hist. II, 50.
([2]) Hist. I, 3.
([3]) Hist. I, 18.
([4]) Hist. I, 10.
([5]) Hist. II, 54.
([6]) Hist. II, 4.

менную смерть (1). То и другое событіе сбывается. При удаленіи Тиберія въ Кампанію астрологи предсказывали, что онъ ужъ больше не вернется въ Римъ, и отсюда заключали о близости его смерти; (2) по этому поводу Тацитъ замѣчаетъ: «вскорѣ открылось, какъ близко граничитъ эта наука съ заблужденіемъ, и какою тьмою въ ней покрыта истина, ибо предсказано было вѣрно, что Тиберій не воротится въ Римъ, но на счетъ остальнаго ошиблись, такъ какъ онъ дожилъ до крайней старости, проводя время вблизи въ деревнѣ, или на берегу, и часто подъ самыми стѣнами города» (3). Что касается до чудесныхъ знаменій, то Тацитъ находитъ между ними не только такія, которыя, какъ мы видѣли, сбываются, но и такія, которыя ничего незначатъ (irrita). Такъ, говоритъ онъ, при Неронѣ было много предзнаменованій, «но они до такой степени происходили безъ заботы боговъ, что много лѣтъ спустя продолжались еще власть и злодѣянія Нерона (4). Изъ сказаннаго видно, что Тацитъ не чуждъ былъ суевѣрій, но тѣмъ не менѣе свои суевѣрія онъ отдѣлялъ отъ суевѣрій народныхъ. Такъ, по поводу сильнаго дождя, сопровождавшаго похороны Британника, онъ замѣчаетъ: «*народъ* видѣлъ въ этомъ возвѣщеніе гнѣва боговъ противъ преступленія» (отравленія Британника Нерономъ). (5) Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что у людей невѣжественныхъ (apud imperitos) считается за чудо то, что происходитъ случайно, или естественно.

Мы замѣчали, что міросозерцаніе Тацита болѣе держится системы стоиковъ, чѣмъ эпикурейцевъ. Ничѣмъ это мнѣніе такъ хорошо не подтверждается, какъ тѣмъ, что историкъ

(1) An. II, 54.
(2) An. IV, 58.
(3) Ibidem.
(4) An. XIV, 12.
(5) Hist. IV, 26. Также Hist. I. 86; An. XIV. 47, и др.

нашъ представлялъ себѣ безсмертіе по понятіямъ стоиковъ и соединялъ съ вѣрой въ него соотвѣтствующее понятіе о нравственности. Классическое мѣсто въ этомъ случаѣ представляетъ намъ послѣдняя глава жизнеописанія Агриколы. «Если для душъ добродѣтельныхъ людей удѣлено какое нибудь мѣсто, если, какъ думаютъ мудрецы, великія души не исчезаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то покойся въ мирѣ и насъ, домъ твой, призови отъ напрасныхъ вождѣленій и женственныхъ рыданій къ созерцанію твоихъ добродѣтелей, надъ которыми нельзя ни плакать, ни сокрушаться. Мы должны почтить тебя скорѣе удивленіемъ и неувядаемыми похвалами, а если достанетъ нашихъ силъ, то и соревнованіемъ тебѣ. То будетъ истинная почесть, то будетъ долгъ любви близкихъ тебѣ. Я хотѣлъ бы внушить твоей дочери и женѣ именно такъ почитать память отца, память мужа, чтобъ размышляя о всѣхъ дѣлахъ и словахъ его, болѣе представлять себѣ образъ его духа, чѣмъ тѣла, не потому, чтобы я возставалъ противъ изображеній, изваиваемыхъ изъ мрамора или бронзы, но потому что какъ лице человѣка, такъ и изображенія его бренны и смертны; а образъ духа вѣченъ, и хранить и выражать его можно не посредствомъ чуждой матеріи и искусства, а собственными нравами. Все, что мы любили въ Агриколѣ, все чему мы удивлялись въ немъ, остается и пребудетъ въ душахъ людей, въ вѣчности временъ, въ славѣ дѣяній. Многихъ изъ древнихъ, какъ бы людей безъ славы и имени покрыло забвеніе; но Агрикола, въ моемъ повѣствованіи переданный потомству, будетъ безсмертенъ». (1) Эти сколько глубокія, столько же энергическія и краснорѣчивыя слова открываютъ намъ не только то, что Тацитъ, подобно стоическимъ мудрецамъ, вѣровалъ въ безсмертіе, но и то, какъ онъ понималъ его. Онъ незнаетъ навѣрное, есть ли у боговъ для благочестивыхъ

(1) Agric. 46.

душъ мѣсто, или нѣтъ, но онъ убѣжденъ положительно, что духъ великаго человѣка въ его словахъ и дѣлахъ не умираетъ, что будучи передаваемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, онъ пребываетъ безсмертнымъ. Но пути къ безсмертію Тацитъ другаго не знаетъ, кромѣ добродѣтели, ибо добродѣтель есть то единственное достояніе человѣка, котораго отнять никто не можетъ, и которое можетъ быть передано потомству для подражанія и соревнованія, а въ этомъ и заключается, по понятіямъ стоиковъ, безсмертіе. Такъ Сенека, умирая по принужденію и встрѣтивъ препятствіе почтить своихъ друзей завѣщаніемъ, оставляетъ имъ «единственное, но самое драгоцѣнное достояніе—образъ жизни своей», (1) равно какъ обращаясь съ утѣшеніемъ къ женѣ своей Павлинѣ, тотъ же Сенека говоритъ ей съ видимымъ наслажденіемъ: «я оставилъ тебѣ, что может облегчить тебѣ жизнь»; а это было «созерцаніе его жизни, проведенной въ добродѣтели» (2). Вотъ что составляетъ, по понятію Тацита, высочайшее благо жизни, и вотъ гдѣ безсмертіе, которое есть удѣлъ только великихъ людей. (3) Добродѣтель же,которая, по понятію Тацита, лишь одна можетъ назваться истиннымъ благомъ, (4) и въ которой одной заключается безсмертіе, состоитъ главнымъ образомъ изъ гражданскихъ доблестей: любви къ отечеству, (5) предпочтенія блага общественнаго благу личному, (6), дѣятельности (7) (industria), которой противополагается безпечность и праздность (segnitia и otium), любви къ правдѣ (rectum), твердости (constantia) (8) и новаго качества, требуемаго отъ

(1) An. XV, 62.
(2) An. XV, 63.
(3) Agr. 46.
(4) Agr. 44: vera bona, quae in virtutibus sita.
(5) Hist. I, 15.
(6) Ibidem. Также An. VI, 22 (16).
(7) Agr 42.
(8) Hist. IV, 5.

Римлянина политическими обстоятельствами имперіи, умѣренности (moderatio) ([1]).

ГЛАВА VII.

Тацитъ, какъ писатель. Достоинства и недостатки его съ этой стороны. ([2])

Какъ мыслитель, Тацитъ, принадлежитъ весь своему времени. Его политическія, философскія и нравственныя убѣжденія принадлежатъ вообще тому классу общества временъ Нервы и Траяна, который, возвышаясь надъ общимъ уровнемъ образованія своего вѣка, умѣлъ сохранить преданія лучшихъ дней Рима и въ то же время стоялъ во главѣ тогдашняго философскаго движенія. Благополучное состояніе Рима, управляемаго Сенатомъ, которому Нерва и Траянъ возвратили надлежащее значеніе и силу въ государствѣ, указывало Таци-

---

([1]) Agr. 42.

См. также о нравственной системѣ Тацита у Гоффмейстера, Die Weltanschauung des Tacitus, p. 18—97. Сочиненіе это не отличается впрочемъ большими достоинствами.

([2]) По этому поводу писано было много. Стоитъ указать на слѣдующія сочиненія: *Hegewisch*, über den schriftstellerischen Charakter des Tacitus въ его Historische und litterarische Aufsätze, Kiel, 1801; *Süvern* über den Kunstchar. des Tacitus, въ Abhandl. d. Berl. Akademie der Wiss. 1823; *Walch*, über Tacitus Agricola, oder die Kunstform der antiken Biographie, введеніе въ изданіе «Агриколы», Berlin, 1828; *Ulrici*, Charakteristik der antiken Historiographie, Berlin 1833; *Dubois—Guchan*, Tacite et son siécle, Paris 1861. Лучшее сочиненіе объ этомъ предметѣ принадлежитъ Сюверну. Я стою на самостоятельной точкѣ изслѣдованія и воззрѣнія на дѣло.

ту, Плинію и другимъ образованнымъ людямъ того времени на то мѣсто, гдѣ скрывались гарантіи свободы и общественнаго порядка въ имперіи и тѣмъ самымъ дѣлало ихъ приверженцами сенатскаго режима, а философскія доктрины, въ особенности стоицимъ, принявшій въ Римѣ нравственно—политическій характеръ, открывали путь къ общественному возрожденію на новыхъ началахъ. Такова точка зрѣнія, съ которой нужно смотрѣть на Тацита, какъ политика и гражданина, на всю его нравственно-философско-политическую систему, и тогда мы увидимъ въ немъ не отсталаго приверженца олигархіи и политическаго мечтателя, какъ угодно думать нѣкоторымъ современнымъ ученымъ, а—передового человѣка своего времени, державшагося тѣхъ политическихъ и философскихъ принциповъ, подъ вліяніемъ которыхъ римскій императорскій міръ достигъ высшей степени процвѣтанія, и отказавшись отъ которыхъ онъ долженъ былъ неудержимо стремиться къ гибели. Свидѣтели тому—вѣкъ Антониновъ и слѣдующее за нимъ время солдатскихъ императоровъ.

Иное дѣло—Тацитъ писатель. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ отдѣльно, не имѣя образца ни въ прошедшемъ ни въ настоящемъ. Я говорю о характерѣ его исторіи, гдѣ отъ методы до исполненія все носитъ оригинальный, своеобразный отпечатокъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ силой таланта, съ колоссальнымъ умомъ и съ необыкновеннымъ мастерствомъ въ своемъ дѣлѣ писателя, который придалъ исторіи характеръ, какого она прежде не имѣла. Само собою разумѣется, что историческій талантъ Тацита, какъ бы онъ ни былъ самобытенъ, образовался все-таки подъ тѣми или другими вліяніями времени. Но полный недостатокъ свѣденій о воспитаніи и вообще жизни историка служитъ причиною, по которой мы должны отказаться прослѣдить вліянія, подъ которыми сформировался этотъ могучій талантъ, такъ непохожій на своихъ предшественниковъ. Нѣкоторыя стороны въ литературномъ

характерѣ Тацита, какъ напр. особенную серьёзность въ обращеніи съ дѣломъ, широту изученія, большое стремленіе къ художественной отдѣлкѣ языка можно обьяснить конечно небывалою прежде строгостью и методичностью, какія были введены въ римское воспитаніе и образованіе со временъ Веспасіана, положившаго учителямъ греческой и латинской риторики опредѣленное годовое жалованье во 100,000 сестерцій (около 5,000 руб, сер.). (1) При этомъ и вообще нужно замѣтить, что литература періода Флавіевъ, равно какъ и времени Нервы и Траяна отличается гораздо большею обработанностью, чѣмъ литература времени первыхъ императоровъ. Меривель очень удачно сравниваетъ Лукана, поэта Неронова времени, съ Силіемъ Италикомъ, процвѣтавшимъ въ эпоху Флавіевъ, (2) Сенеку съ Квинтиліаномъ, Персія съ Ювеналомъ, Овидія со Стаціемъ, Горація съ Марціаломъ, Ливія съ Тацитомъ, и совершенно вѣрно находитъ, что у послѣднихъ больше критики, точности, изученія, чѣмъ у первыхъ. (3) Широта и основательность изученія, сдержанность въ заключеніяхъ, необыкновенная обработка языка у Тацита по всей вѣроятности, стоятъ въ нѣкоторой связи съ тогдашнимъ направленіемъ литературы, но новая историческая метода, глубина анализа, величавость тона, драматизмъ повѣствованія, сила чувства и наконецъ этотъ духъ языка—сжатаго, сильнаго, величаваго—всѣ эти обстоятельства лежатъ не въ новомъ направленіи литературы, а въ оригинальности и силѣ Тацитова таланта,

---

(1) Suet. Vesp. 18: ingenia et artes vel maxime fovit. primus e fisco latinis graecisque rhetoribus annua centena constituit.

(2) Плиній Младшій въ Ер. III, 7, говоритъ о Силіѣ Италикѣ, что онъ писалъ стихи «majore cura, quam ingenio». Таковъ и есть въ сущности характеръ литературы Флавіева періода: тщательность, отдѣлка, неизобиліе таланта.

(3) History of the Romans under the Empire, Vol. VII, p. 275.

хотя и воспитаннаго въ строгой школѣ, но слишкомъ великаго, чтобы позволять предписывать себѣ правила.

Есть пунктъ, въ которомъ Тацитъ сходится съ другими римскими историками и который вѣроятно служилъ для него точкой отправленія. По мнѣнію всѣхъ вообще римскихъ историковъ, слава и величіе Рима созданы были высокимъ нравственнымъ характеромъ римскаго народа и необыкновенною доблестью отдѣльныхъ лицъ. Въ неизмѣнной любви къ отечеству, въ закаленной твердости духа, способнаго на все для блага родины, въ благородномъ соревнованіи гражданъ къ достиженію славы, искали они причинъ необыкновеннаго возвеличенія Рима, сдѣлавшагося обладателемъ вселенной. Передъ ними носились величавые образы безстрашныхъ Муціевъ Сцеволъ, Брутовъ, безтрепетно приносящихъ дѣтей въ жертву отечеству, Реguловъ, Сципіоновъ, Катоновъ, честныхъ и непоколебимыхъ, какъ твердыни, изумляющихъ силой характера и непреклонныхъ въ достиженіи цѣли; ихъ поражало это единодушіе всѣхъ классовъ римскаго народа, прекращающихъ внутреннія распри въ минуту опасности и идущихъ на встрѣчу непріятелю. Отсюда римская исторія до времени паденія республиканскихъ нравовъ была ни чѣмъ другимъ, какъ рядомъ славныхъ дѣяній римскаго народа, зеркаломъ, въ которомъ отражалась для потомства virtus populi romani и великихъ мужей его, и отсюда-то происходитъ тотъ серьёзный, нравственный характеръ, которымъ запечатлѣны повѣствованія римскихъ историковъ. Но этотъ-то нравственный характеръ исторіи и служитъ причиною, почему прагматизмъ римскихъ историковъ, не отличается той широтой взгляда, какою обладаютъ напр. Ѳукидидъ и Поливій. Ѳукидидъ, излагающій съ точки зрѣнія высшей политики причины неизбѣжнаго столкновенія Аѳинъ со Спартой, Поливій, развивающій теорію политической необходимости, съ какою должно было римское владычество перейти за берега Италіи,—представляютъ совершенно

другія явленія, чѣмъ Титъ Ливій, говорящій о томъ, «какими мужами» (¹) пріобрѣталось и увеличивалось римское могущество, или самъ Тацитъ, объявляющій, что главная обязанность его «Лѣтописи» состоитъ въ томъ, чтобъ предохранить отъ забвенія добродѣтель и чтобъ заставить постыдныя слова и дѣла бояться потомства и безславія (²).

Римская имперія не представляла для историка того характера народнаго величія, какимъ исполнена исторія Рима до упадка республики. Великіе люди, которыми по сознанію римскихъ историковъ возвысился Римъ, стали рѣдки, а тѣ, которые въ прежнее время могли бы украсить свое имя народною славою, не имѣли теперь для себя достойнаго поприща и большею частію падали жертвами деспотизма. Борьба партій, политическая жизнь народа, давно уже окончили свое существованіе, и народъ, угнетаемый рабствомъ, предавался бездѣйствію, или забывался на шумныхъ и кровавыхъ зрѣлищахъ цирка и амфитеатра, Въ такое время положеніе историка, который долженъ былъ бы воспитывать современниковъ и потомство примѣрами доблести, стало трудно, и Тацитъ, завидуя повѣствователямъ прежняго времени, сознается, что трудъ его долженъ вращаться въ тѣсномъ кругу интригъ, доносовъ, осужденій, казней и т. п. Такимъ образомъ фонъ римской исторіи измѣнился, но задача историка оставалась та же самая — воспроизводить жизнь римскаго народа, какъ въ зависимости отъ его нравовъ, такъ и въ зависимости отъ вліянія тѣхъ личностей, которые завѣдывали судьбой его. Отъ таланта историка зависѣло—занимать ли читателей, за недостаткомъ великихъ событій и дѣяній, скандальными разсказами, какъ поступилъ Светоній, или углубившись въ жизнь эпохи подвергнуть анализу, какъ характеры и склоности отдѣль-

(¹) Praef. 9.

(²) An. III, 65.

ныхъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу государства, такъ и общественныя отношенія, нравы и стремленія разныхъ классовъ общества и такимъ образомъ не только излагать событія и послѣдствія ихъ, «которыя большею частью случайны», но и указывать для нихъ причины и основанія. (1) Такъ поступилъ Тацитъ. Онъ ввелъ въ исторію *психологическій анализъ*, котораго незнали римскіе историки, также точно какъ и греческіе, и который служа для него основою историческаго *прагматизма*, придалъ исторіи такой высокій нравственный интересъ, какого прежніе римскіе историки, при всемъ своемъ стремленіи къ нему, никогда не достигали.

Этотъ, приводящій своей глубиной и смѣлостью въ изумленіе, психологическій анализъ, кажется, сосредоточилъ всю свою силу въ первыхъ шести книгахъ «Лѣтописи». Посмотрите, какъ Тацитъ ловитъ слова, мины, гримасы Тиберія и заставляетъ читателя вмѣстѣ съ собой познавать человѣка. Когда онъ говоритъ, что въ рѣчи Тиберія было всегда что-то скрытное по природѣ его или по привычкѣ, (2), когда онъ говоритъ, что Тиберій выражался не ясно для того, чтобы замѣчать стремленія вельможъ, слѣдя за ихъ словами и выраженіемъ лица, (3) что онъ пышными, но въ сущности пустыми фразами о свободѣ прикрывалъ тину рабства, (4) что онъ въ минуту опасности быть выданнымъ въ сенатѣ, какъ виновникъ смерти Германика, могъ смотрѣть спокойно, не смущаясь, (5) что онъ объявляетъ о своемъ желаніи отказаться отъ власти, (6) что онъ казался не любящимъ ни одной изъ

(1) Hist. I, 4.
(2) An. I, 11.
(3) An. I, 7.
(4) An. I, 81.
(5) An. III, 15.
(6) An. IV, 9.

своихъ добродѣтелей такъ, какъ притворство ([1]) и т. д., когда мы все это читаемъ у Тацита, то не можемъ не видѣть какъ историкъ нашъ заботится о томъ, чтобъ ввести читателя въ пониманіе явленій на основаніи психологическихъ причинъ, въ пониманіе того, какимъ образомъ упрочивалось рабство при Тиберіѣ, человѣкѣ извѣстныхъ наклонностей. Никто лучше Тацита не владѣлъ искусствомъ читать въ человѣческой душѣ и съ такой глубиной и разнообразіемъ изображать ея движенія. Его сочиненія полны этихъ дивныхъ изображеній, въ которыхъ слово и дѣло человѣка является, какъ необходимый естественный актъ его душевнаго состоянія, какъ плодъ любви, ненависти, страха, надежды, ума, тупости, жестокости, гуманности и т. д. Въ исторіи правленія деспотовъ, склонности и привычки которыхъ имѣли такое огромное вліяніе на государство, психологическій анализъ или, лучше, психологическій прагматизмъ, имѣетъ безъ сомнѣнія важное значеніе, но онъ все-таки слишкомъ недостаточенъ, и потому у Тацита рядомъ съ нимъ идетъ прагматизмъ *соціальный*.

Разсматривая души отдѣльныхъ лицъ, имѣвшихъ по своему положенію такое вліяніе на ходъ событій, Тацитъ никогда неупускаетъ изъ виду физіологіи общества—Сената, народа и войска. Въ введеніи къ «Исторіямъ» онъ разсматриваетъ впечатлѣніе, произведенное низверженіемъ Нерона на различные классы общества и хочетъ дать понять, какихъ событій должно ожидать въ Римѣ и въ провинціяхъ, смотря по настроенію разныхъ классовъ общества. ([2]). Въ началѣ «Лѣтописи» онъ ставитъ передъ нами лицемъ къ лицу съ Тиберіемъ сенаторовъ, всадниковъ, ринувшихся въ рабство» ([3]) и вводитъ

([1]) An. IV. 71.
([2]) Hist. I, 4 и слѣд.
([3]) An. I, 7.

насъ въ разговоры публики на похоронахъ Августа. ([1]) Онъ рисуетъ намъ до крайности интересную сцену, когда сенаторы и всадники, во время возстанія солдатъ, поднятыхъ Отономъ противъ Гальбы, повѣривши ложному слуху, что Отонъ убитъ, сейчасъ же окружили Гальбу и стали выражать сожалѣніе, что солдаты предвосхитили у нихъ мщеніе, ([2]) но въ тотъ же день, по низверженіи Гальбы, цѣловали руки у Отона, произносили ругательства на Гальбу и восхваляли Отоновыхъ солдатъ за ихъ рѣшеніе ([3]). Слѣдя за направленіемъ Сената и высшихъ классовъ общества, Тацитъ любитъ изображать передъ нами наклонности и пружины дѣйствія черни. Со времени Тиберія народъ римскій (чернь) не игралъ никакой политической роли, но будучи громаденъ числомъ, бѣденъ и лѣнивъ, онъ обращалъ на себя особенное вниманіе Цезарей, которые считали своею обязанностью кормить и забавлять его. Недостатокъ и дороговизна хлѣба могли привести его къ возстанію, ([4]) а за даровой хлѣбъ и удовольствія онъ готовъ былъ терпѣть какого угодно правителя. Однажды Сенатъ, желая спасти Нерона отъ безчестія, предлагаетъ ему напередъ премію за стихи, которые Неронъ намѣренъ былъ читать во время пятилѣтняго праздника (lustrum), только чтобъ онъ нечиталъ ихъ; но народъ, напротивъ, проситъ Нерона показать все свое искусство и аккомпонируетъ ему во время чтенія, восклицая и ударяя въ тактъ; Тацитъ замѣчаетъ: «можно бы было подумать, что народъ въ восторгѣ, и можетъ быть онъ дѣйствительно былъ въ восторгѣ по равнодушію къ общественному безчестію» ([5]). Выставляя этотъ народъ не-

---

([1]) An. I, 9
([2]) Hist I, 35.
([3]) Hist. I, 45.
([4]) An. VI, 19 (13).
([5]) An. XVI, 4

истовымъ любителемъ зрѣлищъ и удовольствій, которымъ онъ предается даже въ то время, когда на улицахъ Рима происходитъ отчаянная битва двухъ армій (1), Тацитъ любитъ также показывать непостоянство этой черни, требующей сегодня одного, а завтра другого: она требуетъ казни Отона, вступаясь за Гальбу, (2) но Отонъ побѣдилъ, и она бросается ему въ объятія, (3) Тацитъ клеймитъ этотъ народъ величайшимъ позоромъ, когда открываетъ въ душѣ его какое-то сладострастіе рабства (4) (servitii libido). Вникая въ эту психологію общества римскаго, читатель вмѣстѣ съ историками находитъ большое оправданіе неистовствамъ правителей, которые, видя въ управляемыхъ соревнованіе къ раболѣпію, естественно позволяли себѣ все, что́ только могло быть придумано самою необузданною натурою. Рядомъ съ проявленіями темныхъ сторонъ римскаго общества, объясняющихъ намъ положеніе вещей въ имперіи, Тацитъ, считая нравственною своей обязанностью избавлять отъ забвенія добродѣтели, (5) указываетъ всегда на борьбу съ существующимъ порядкомъ вещей, которую вели люди благороднаго характера, но тутъ же даетъ понять, что они не могли составить изъ себя равновѣсія массѣ. Физіологія третьяго общественнаго элемента, войска, довершаетъ объясненіе явленій, рисуемыхъ Тацитомъ. Историкъ постоянно обращаетъ вниманіе на силу этой жадной, продажной и плохо дисциплинированной массы: она низвергаетъ Гальбу за то, что тотъ былъ скупъ на подарки ей и хотѣлъ поддержать дисциплину, (6) и возводитъ въ императоры Отона

(1) Hist. III, 83.
(2) Hist. I, 32.
(3) Hist. I, 45.
(4) Hist. I, 90,
(5) An. III, 65.
(6) Hist. I, 18

за то, что тотъ не имѣетъ наклонностей Гальбы. (¹) Войско привязано къ лицу своихъ любимыхъ повелителей, охотнó жертвуя за нихъ жизнію, (²) но чувствуя свою силу, оно не хочетъ знать настоящей дисциплины и любитъ иногда болѣе разсуждать о приказаніяхъ полководцевъ, чѣмъ исполнять ихъ; (³) оно грабило Италію, какъ бы непріятельскую землю. (⁴)

Вотъ какого рода прагматизмъ у Тацита. Онъ допрашиваетъ челокѣческую душу и ищетъ въ ней объясненія человѣческихъ дѣйствій. Онъ беретъ описываемую имъ эпоху, какъ готовое данное, и почти не восходя къ причинамъ, которыя произвели ее, вводитъ насъ въ самую сущность совершающейся жизни, разлагая психологическимъ анализомъ людей, которые служатъ ей представителями, и начертывая и изображая физіологію общественныхъ элементовъ, которые ее соотавляютъ. Ходъ событій и физіономія этой жизни намъ совершенно понятны, но понятны скорѣе какъ драма, чѣмъ какъ повѣствованіе. Передъ нами дѣйствующія лица съ ихъ мотивами дѣйствія, изобличающими себя въ минахъ, словахъ и поступкахъ, передъ нами время со всей его сценической обстановкой общественной жизни, со страстями и стремленіями разныхъ классовъ народа. Тацитъ не любитъ объяснять явленій изъ причинъ, которыя ихъ произвели, какъ не объясняетъ ихъ и драма, а любитъ показывать, какъ они происходятъ, показывать процессъ ихъ, въ которомъ видны сами собой двигающія ихъ причины. Приступая къ «Лѣтописи», онъ не считаетъ нужнымъ распространяться о причинахъ перехода республики въ монархію, какъ это непремѣнно сдѣлали бы Ѳукидидъ, Поливій, даже Саллустій въ длинномъ введеніи, но находитъ

(¹) Hist. I, 24.
(²) Hist. II, 49.
(³) Hist. II, 39.
(⁴) Hist. II, 12.

достаточнымъ сказать, что когда, послѣ многихъ лѣтъ междуусобныхъ войнъ, «все было утомлено гражданскими неурядицами», то Августъ, оставшійся безъ противниковъ, и принялъ управленіе республикой подъ именемъ главы государства ([1]). Тутъ сказано на такую важную тему не больше, какъ и въ «Исторіяхъ», гдѣ говорится: «въ интересѣ мира вся власть была передана въ руки одного» ([2]). Входить въ подробное изложеніе этихъ причинъ какъ будто не его дѣло,—онѣ находятся въ исторіи предшествовавшаго времени, а исторія эта была уже разсказана великими писателями ([3]) Изрѣдка и какъ бы мимоходомъ обращается онъ къ общимъ законамъ жизни человѣческихъ обществъ, какъ напр. когда онъ выражаетъ убѣжденіе, что равенство можетъ существовать только въ малыхъ государствахъ, ([4]) или что совершенная форма правленія скорѣе существуетъ въ идеалѣ, чѣмъ въ дѣйствительности и что врожденная человѣку страсть къ господству была причиною, почему Римъ не могъ сохранить ни равенства, ни совершенной формы правленія ([5]). Тѣмъ не менѣе Тацитъ доказалъ, что, не будучи ни Ѳукидидомъ, ни Поливіемъ можно быть прагматическимъ историкомъ. Онъ открываетъ связь явленій съ страстями человѣка, и въ борьбѣ этихъ страстей онъ умѣлъ сосредоточить весь интересъ исторіи. Отсюда его исторія, какъ я уже замѣчалъ, получила еще болѣе высокій нравственный характеръ, чѣмъ она была у другихъ римскихъ историковъ. Тѣ, также, какъ и онъ, ставили исторію въ зависимость отъ личностей, но никто изъ нихъ, даже самъ Саллустій, не говоря о Ливіѣ, не умѣлъ съ такимъ зоркимъ взглядомъ заглядывать въ душу человѣка, какъ это удавалось Тациту, по

---

(1) An. I, 1 и 2.
(2) Hist. I, 1.
(3) Hist. I, 1, An. I, 1.
(4) Hist. II, 28.
(5) An. IV, 33.

преимуществу психологическому историку; доказательствомъ тому служитъ такое множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ, начертанныхъ его перомъ и наполняющихъ его сочиненія (1).

Нельзя однако не замѣтить, что психологическій анализъ, на которомъ сосредоточивается огромная доля интереса исторіи Тацита, приводитъ историка иногда къ приговорамъ, которые безпристрастному читателю не могутъ показаться основательными. Еще Бэлемъ было замѣчено, что Тацитъ не безупреченъ въ аффектаціи «искать тайныхъ мотивовъ дѣйствій и обращать ихъ къ преступному» (2) Въ самомъ дѣлѣ, когда напр. Тацитъ замѣчаетъ, что Августъ завѣщалъ не распространять предѣловъ имперіи «не извѣстно—изъ опасенія, или изъ зависти», (3) то нельзя не видѣть, что онъ безъ всякой причины хочетъ изъ мудрой государственной мѣры сдѣлать нравственное преступленіе. Или напр. Тиберій вызываетъ Германика подъ разными предлогами въ Римъ изъ его германскихъ экспедицій, и Германикъ, не смотря на свое нежеланіе покинуть любимую армію и лишиться возможности пріобрѣсть побѣдныя лавры, долженъ былъ уступить; Тацитъ на это замѣчаетъ: «Германикъ не настаивалъ больше (послѣ нѣскольких писемъ), хотя и понималъ, что всѣ предлоги были выдуманы, и что хотятъ по зависти лишить его уже пріобрѣтенной славы». (4) Безпристрастный читатель не найдетъ и здѣсь достаточнаго основанія приписывать Тиберію такой мотивъ для вызова Германика, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ,

---

(1) См. характеристики, составленныя по Тациту Гоффмейстеромъ въ Die Weltanschauung des Tacitus, Essen, 1831, стр. 134 и слѣд. Также Римскія женщины по Тациту, Кудрявцева, Москва, 1856.

(2) Dictionnaire historique et critique, par Pierre Bayle, IV Vol. 4-го изд. р. 311.

(3) An. I, 11.

(4) An. II, 26.

что походы Германика, стоившіе больше крови, чѣмъ сколько приносили пользы, могли по однимъ государственнымъ соображеніямъ заставить Тиберія обратиться къ такой мѣрѣ.

Сочиненія Тацита, будучи построены на нравственно—психологической основѣ, исполнены глубокаго *драматизма* въ цѣломъ и въ частяхъ. Но особеннымъ драматизмомъ отличается «Лѣтопись», гдѣ даже и внѣшняя постройка представляетъ нѣчто въ родѣ нѣсколькихъ драмъ, какъ объ этомъ было мною замѣчено въ своемъ мѣстѣ. Возьмемъ для примѣра исторію правленія Нерона. Уже въ самомъ началѣ выступаютъ дѣйствующія лица драмы: Неронъ, мать его Агриппина, вольноотпущенникъ Паллантъ, которому послѣдняя обязана возвышеніемъ въ жены императора, и который до сихъ поръ имѣетъ на нее вліяніе, затѣмъ воспитатели Нерона—Сенека и Бурръ, префектъ гвардіи. Каждый изъ этихъ лицъ, окружающихъ Нерона, хочетъ имѣть вліяніе на Цезаря, и читатель уже чувствуетъ въ самомъ началѣ, что взаимныя ихъ интриги дадутъ ходъ и направленіе Неронову правленію. Неронъ хочетъ быть независимымъ. Честолюбивая Агриппина, видя, что ея усилія держать сына подъ своимъ вліяніемъ обмануты, пугаетъ его Британникомъ, сыномъ Клавдія отъ первой супруги. Неронъ отравляетъ Британника. Паллантъ былъ скоро удаленъ отъ двора къ огорченію Агриппины. Сенека и Бурръ видятъ тоже свое вліяніе колеблющимся. Они стараются сохранить его дозволеніемъ бывшему воспитаннику распутства, которому тотъ предавался, не считая нужнымъ обращать на нихъ вниманіе. Неронъ, съ звѣрскимъ равнодушіемъ отравившій Британника и охотно подчинившійся вліянію очаровательной, но безнравственной Поппеи, совершаетъ одно преступленіе за другимъ и, умертвивши мать свою, ужъ больше не останавливается въ злодѣйствахъ и безчиніи. Вотъ умираетъ скоропостижно и Бурръ (Тацитъ даетъ понять, что онъ былъ отравленъ), котораго жалѣлъ Римъ, какъ человѣка добродѣ-

тельнаго, остался одинъ Сенека, который еще могъ бы сдерживать Нерона, но смерть Бурра нанесла рѣшительный ударъ и его вліянію. Онъ удаляется со сцены и мы видимъ его вскорѣ умирающимъ въ своей виллѣ не подалеку отъ Рима, по приказанію Нерона, какъ соучастникъ будтобы въ пизоновомъ заговорѣ. Римъ представляетъ трагическое зрѣлище: одинъ за другимъ должны умереть, какъ преступники, лучшіе люди Рима, въ лицѣ которыхъ Неронъ «хотѣлъ истребить саму добродѣтель», ([1]) Петръ Тразея и Борея Соранъ: «то былъ гнѣвъ боговъ на Римъ,» ([2]) говоритъ Тацитъ, какъ хоръ въ древней трагедіи. Читатель съ спертымъ дыханіемъ дочитываетъ послѣднія странницы «Лѣтописи». Онъ утѣшаетъ себя лишь мыслью, что великіе духомъ мужи, истые Римляне умрутъ съ твердостью, и вотъ Петръ Тразея, окруженный друзьями, выпускаетъ кровь, подзываетъ, находившагося для наблюденія за исполненіемъ приговора, квестора, и, покропивши кровью землю, говоритъ ему: «мы совершаемъ возліяніе Юпитеру Освободителю» (libamus Jovi Liberatori) ([3])... Читатель чувствуетъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, полноты котораго, заключающейся въ низверженіи Нерона и объявленіи его врагомъ отечества, не дано ему вкусить только потому, что послѣднія книги «Лѣтописи» потеряны. Вся эта исторія Неронова правленія проникнута насквозь драматическимъ характеромъ; имъ же проникнуты и многія отдѣльныя сцены «Лѣтописи», какъ: кончина Тиберія, смерть Мессалины, смерть Сенеки и др.

Драматизмъ въ исторіи, обыкновенно не одобряемый эстетиками, у Тацита представляетъ явленіе, сколько высокое, столько же и необходимое. Это продуктъ глубокаго разлада идеала

([1]) An. XVI, 21.
([2]) An. XVI, 16.
([3]) Ibid. 35.

историка съ дѣйствительностью ([1]), это выраженіе оскорбленнаго чувства патріота, гражданина и человѣка, немогшаго равнодушно присутствовать при нравственной и политической гибели великаго народа, это очень понятное сотрясеніе души въ гордомъ Римлянинѣ, потерявшемъ прошедшее и опасающемся за будущее. Этотъ драматизмъ въ произведеніяхъ Тацита происходитъ наконецъ отъ постояннаго и неослабнаго участія автора въ событіяхъ, о которыхъ онъ повѣствуетъ, участія, которое выражается то ненавистью, то любовью, то симпатіей, то негодованіемъ, то ироніей, то умиленіемъ передъ величіемъ характера, то чувствомъ гордости при вѣсти о славѣ римскаго имени у чужихъ народовъ.

Мнѣ кажется, главная сила обаянія, которое производятъ на читателя произведенія Тацита, заключается именно въ разсмотрѣнныхъ нами сторонахъ его таланта. Смѣлый, тонкій и глубокій анализъ души человѣческой, заставляющій углубляться въ смыслъ явленій привыкшаго мыслить читателя, неослабная сила драматическаго чувства, сообщающаяся читателю и поддерживающая его въ постоянномъ напряженіи,—это такія свойства въ писателѣ, которыя бываютъ принадлежностью только замѣчательныхъ талантовъ. Теперь нужно представить себѣ необыкновенное умѣнье Тацита группировать событія даже въ самой неблагодарной для художника, лѣтописной формѣ повѣствованія, умѣнье выбирать событія ([2]) и при этомъ блестящій литературный талантъ съ полнымъ обладаніемъ всѣми сокровищами сильнаго и выразительнаго языка, наконецъ эту нравственную строгость, въ слѣдствіе сознаніе важности за-

---

([1]) Объ этомъ предметѣ кое-что можно найти въ небольшой статейкѣ Крюкова: О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита. Москвитянинъ 1841 г. часть 2-я.

([2]) Тацитъ заявляетъ самъ о томъ, что онъ дѣлалъ выборъ матеріаламъ: ex dignitate populi romani repertum est, res illustres annalibus, talia (разныя мелочи) diurnis urbis actis mandare. An, XIII, 31.

дачи историка и принятаго на себя нравственнаго обязательства повѣствовать съ полнымъ безпристрастіемъ и отсюда величавость тона, вѣющія надъ всѣми произведеніями Тацита, и тогда можно имѣть понятіе о богатствѣ таланта, съ какимъ историкъ нашъ приступилъ къ изображенію судебъ императорскаго Рима.

Разсматривая отдѣльно каждое сочиненіе Тацита, мы видѣли и тѣ особенности, которымъ отличается каждое изъ нихъ въ разныхъ отношеніяхъ. Намъ нѣтъ теперь по этому нужды говорить ни объ единствѣ идеи, господствующей въ большихъ его сочиненіяхъ, ни о расположеніи, какое дано въ нихъ историкомъ собраннымъ имъ матеріаламъ, ни объ идеяхъ, руководившихъ Тацита въ «Разговорѣ объ ораторахъ», «Агриколѣ» и «Германіи», словомъ намъ нѣтъ нужды говорить теперь о тѣхъ свойствахъ художественности произведеній Тацита, которыя принадлежатъ каждому изъ его сочиненій порознь. Мы говоримъ здѣсь о Тацитѣ, какъ писателѣ вообще, имѣя въ виду главнымъ образомъ два большихъ его сочиненія, на которыхъ, какъ было замѣчено раньше, сосредоточивается вся слава нашего историка.

Бэль говоритъ о Тацитѣ: «его лѣтопись и исторія представляютъ нѣчто удивительное и суть одно изъ величайшихъ усилій ума человѣческаго,—разсматривать-ли въ нихъ чудное свойство стиля, или обращать вниманіе на прелесть мыслей и на эту счастливую кисть, какою онъ умѣлъ изображать лицемѣріе и хитрости политиковъ и слабую сторону страстей». [1] Съ приговоромъ знаменитаго ученаго и мыслителя согласится всякій, чьей душѣ доступно пониманіе великаго. Мы дошли теперь до того пункта, когда намъ слѣдуетъ говорить объ особенностяхъ изложенія и языка великаго историка.

---

(1) Bayle, Dictionnaire histor. et crit., Tacite.

Языкъ и изложеніе Тацита оригинальны, какъ пріемы его мысли, съ которою они находятся въ самомъ близкомъ соотвѣтствіи. Таже сила, таже сжатость, таже самонадѣянность, величавость, разнообразіе въ языкѣ, какъ и въ мысли, какъ и въ изложеніи. Но лучше меня скажетъ объ этомъ человѣкъ, которому принадлежитъ первоклассное мѣсто среди цѣнителей произведеній классической литературы: «Вѣрное выраженіе мысли и историческаго искусства Тацита, говоритъ Бернгарди, (²) это изложеніе и языкъ: оба также смѣлы и новы, также богаты достоинствомъ и глубиной духа, какъ искуственны и манерны. Основаніемъ для нихъ служила общая серебряная латинь, именно въ томъ, что касается вкуса и изящной риторики: на равнѣ съ лучшими изъ своихъ современниковъ Тацитъ стремится къ краткости, эффекту и эпиграмматическому остроумію, съ ними раздѣляетъ онъ существенное въ своемъ языкѣ и построеніи. Но на этой почвѣ Тацитъ съ большой оригинальностью создалъ совершенно субъэктивную форму, и столѣтія монархіи не могли выйти за границы его созданія. Онъ владѣетъ избраннымъ кругомъ словъ и ихъ значеній, фразъ и построеній, которыя повторяются у него вездѣ съ самаго начала. Его изложеніе движется въ афоризмахъ, въ отдѣльныхъ и мало ритмическихъ предложеніяхъ, которыя часто лишь набрасываютъ мысль и остротою рѣчи вызываютъ къ самостоятельной переработкѣ; впрочемъ много примѣровъ, въ особенности блистательныя мѣста его рѣчей, ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что онъ былъ также силенъ въ размашистомъ краснорѣчіи, какъ и въ изящно расчлененной періодической рѣчи. Любимый цвѣтъ его выраженія выходитъ далеко за предѣлы обыкновенной прозы, онъ блеститъ и обусловливается возвышеннымъ паѳосомъ, но тутъ пущены въ дѣло и тонкія средства искусства, гдѣ можно видѣть счастливое смѣ-

(²) Grundriss der Römischen Litteratur, p. 627. Braunschweig. 1857.

шеніе архаизма съ поэтической изящностью, именно тщательное изученіе Саллустія и еще болѣе изученіе дикціи, образованной Виргиліемъ. Эти стилистическіе пряди соткалъ онъ въ самостоятельномъ, умно обновленномъ языкѣ, который въ цѣломъ изумляетъ разчитанностью и тонко оттѣненными тонами картины, въ частностяхъ при самыхъ удачныхъ находкахъ представляетъ не малую жесткость. Главнымъ закономъ его стиля была быстрота и выразительность, отсюда рѣчь его глубока, сжата и опредѣленна на сколько возможно, и постоянно, какъ бы изъ отвращенія ко всякому излишеству, стремится къ тому, чтобы покрыть мысль точнымъ словомъ; а обратившаяся въ природу молчаливость побуждала его, не смѣвшаго и немогшаго много открыто высказывать, говорить самымъ бережливымъ образомъ. Но Тацитъ затѣмъ такъ много удалился отъ всякой широты, даже отъ всякой позволительной полноты, что онъ въ брахіологіи и бережливости въ словѣ при помощи выпусковъ (въ частицахъ, предлогахъ, или въ вспомогательныхъ словахъ), при помощи эллипсовъ и различныхъ сокращеній, съ помощію употребленія болѣе свободнаго греческаго и поэтическаго синтаксиса, наконецъ при помощи всякаго патетическаго средства риторики (sermo figuratus) заходитъ въ пикантныхъ оборотахъ и острыхъ контрастахъ докрайнихъ, латинскому языку положенныхъ, границъ. Между тѣмъ какъ стремленіе къ значительности возрастаетъ посредствомъ почти чувствительнаго углубленія, происходитъ темнота и тяжелость, которая граничитъ съ неуклюжестью, и если эта задорная, готовая на бой краткость доступна только мыслящему читателю, то онъ преувеличиваетъ наклонность къ искусственному образованію языка, часто избѣгая обыкновенной фразы безъ нужды и потребности. Впрочемъ нигдѣ Тацитъ не является мелочнымъ или тщеславнымъ, чтобы щеголять умомъ и остротою; но этотъ до чрезмѣрности утонченный стиль былъ приличнымъ органомъ, въ которомъ мог-

гли покоиться и дѣлались понятны его мысли и чувствованія а всѣ эти недостатки формы, вредящіе красотѣ и разстраивающіе гармонію, заставляютъ насъ во всей силѣ чувствовать его преимущества, его скрытыя глубины.»

Къ этому зрѣло обдуманному и краснорѣчиво высказанному приговору знаменитаго галльскаго професора прибавить нечего. Языкъ Тацита, совершенно оригинальный языкъ въ римской литературѣ, и въ этой оригинальности лежатъ какъ его достоинства, такъ и недостатки. Съ одной стороны онъ поражаетъ насъ энергіей и силою творчества великаго таланта, создавшаго для своеобразныхъ пріемовъ мысли и новую, гармонирующую съ ними, форму, съ другой, смѣло отступая отъ принятыхъ за норму и освященныхъ литературою золотаго вѣка правилъ латинской рѣчи, онъ становится иногда труднымъ даже для тѣхъ читателей, которые въ состояніи совершенно свободно пробѣгать страницы Ливія. Отсюда языкъ и изложеніе Тацита, рядомъ съ самыми преданными почитателями, находили и энергическихъ порицателей, которые, какъ Алціатъ, Ферретъ, Страда, Моргофъ, Монбоддо, съ неудовольствіемъ видѣли въ Тацитѣ нарушеніе правилъ рѣчи, установленныхъ произведеніями Цицерона и Ю. Цезаря. Но при оцѣнкѣ этихъ мнѣній нельзя забывать того, что еще до Тацита римская литература стремилась создать и создала себѣ другую рѣчь, которая была болѣе сообразна съ идеями и настроеніемъ римскаго общества имперіи, чѣмъ стройная и гармоническая рѣчь временъ Цицерона и Виргилія. Въ Нероново время уже вполнѣ образовался въ римской литературѣ языкъ, въ которомъ полнота выраженія, округленность періода, гармоничность частей и пр. уступили мѣсто остротѣ и поэтическому блеску фразы, пикантной краткости, стремленію къ постоянной новости и оригинальности въ выраженіи. Представителемъ такого направленія въ литературѣ и языкѣ былъ извѣстный философъ Сенека. Направленіе это какъ нель-

зя болѣе соотвѣтствовала утонченному разврату и недостатку серьёзнаго образованія временъ Нерона. Оно вошло въ школы и сдѣлалось общей маніей. ([1]) Правда, когда строгій образъ жизни при дворѣ Веспасіана и установленіе имъ болѣе правильнаго образованія въ школахъ назначеніемъ учителямъ опредѣленнаго жалованья отъ правительства, произвели нѣкоторую реакцію какъ въ общественной нравственности такъ и въ литературѣ, направленіе, данное литературѣ и языку Сенекой, встрѣтило значительную оппозицію; но напрасно Квинтиліанъ, ставшій во главѣ реакціи и его друзья, усиливались возвратить римской литературѣ направленіе и форму писателей Августова времени,—стремленіе ихъ было анахронизмомъ, не нашедшимъ большаго сочувствія, и тѣмъ меньше приложенія. Направленіе Квинтиліана помогло тѣмъ, что, вызвавши изученіе литературы классическаго періода, придало болѣе строгости и отчетливости литературному выраженію, какое мы встрѣчаемъ у Плинія Младшаго, Марціала, Силія Италика, но полное возвращеніе къ направленію и языку литературы Цицерона, Горація и Виргилія было тѣмъ не менѣе не мыслимо. Литературный талантъ Тацита выросъ среди борьбы двухъ направленій того времени; но какъ талантъ сильный, онъ не подчинился ни тому ни другому изъ нихъ. Тацитъ создалъ для себя тотъ особеный языкъ, гдѣ изящество выраженія классическаго періода соединено съ смѣлостью и тонкостью оборота игривой рѣчи Неронова времени. Глубина мысли, сила чувства въ соединеніи съ какимъ-то сознаніемъ могущества своего таланта придали изложенію Тацита ту особенность, которая именно и составляетъ характеръ Тацитовскаго стиля. Само собою разумѣется, что послѣ этого литературная критика Тацита по нормѣ цицероновскаго стиля оказывается неумѣстною.

([1]) Quint. inst. orat. X, I, 125 и слѣд.

Изъ множества отрывковъ, приведенныхъ мной въ продолженіи этого сочиненія, можно видѣть, какъ мастерски владѣетъ Тацитъ созданнымъ имъ языкомъ, какъ онъ умѣетъ придать ему и силу, и разнообразіе, и величественность, и игривость. Тысячи блестящихъ картинъ съ изображеніемъ природы, души человѣческой, разныхъ общественныхъ событій свидѣтельствуютъ о талантѣ еще небываломъ въ римской литературѣ и въ этомъ отношеніи. Пусть читатель обратитъ вниманіе на разсказъ о покушеніи на жизнь Агриппины (An. XIV, 5), пусть онъ прочтетъ описаніе Неронова пожара (An. XV, 38 и слѣд.), рѣчь Британца Галгака (Agr. 30 и слѣд.), рѣчи Апра, Мессалы и Матерна (въ Разговорѣ объ ораторахъ), рѣчь Гальбы къ Пизону (Hist. 1, 15), описаніе послѣднихъ минутъ Мессалины (An. XI, 37 и слѣд.), смерти Пета Тразеи (An. XVI, въ концѣ), Сенеки (XV, 62 и слѣд.), описаніе мѣста и остатковъ битвы Вара съ Германцами (An. I, 61 и слѣд.), пусть онъ прочтетъ въ подлинникѣ эти мѣста, неговоря о множествѣ другихъ, которыя трудно перечислить, и тогда пусть представитъ себѣ до какой степени художественности достигаетъ изложеніе Тацита, имѣвшее не мало порицателей за отступленіе отъ Цицеронова синтаксиса ([1]).

Всѣ указанныя нами характеристическія свойства Тацита, какъ писателя историка, возводятъ его на ту высокую степень совершенства, какая когда-либо достигалась древними или новыми историками. Есть однако еще одно свойство, о ко-

---

([1]) О свойствахъ языка Тацита см. по преимуществу *Беттихера*, Lexicon Taciteum, Berol. 1830; за тѣмъ *Wernicke* De elocutione Taciti Thoruni 1830; *Walch*, Diatribe critica de Tacito ejusque stylo, Lips. 1714; *Buhle*, de Taciti stylo, Brunsvigae, 1717; *Roth*, C. Corneli Taciti Synonyma et per figuram Εν δια δυοιν dicta, Noribergae, 1826: *Jungclaussen*, Quaestio syntactica de Taciti sermonis proprietate in usurpandis verbi temporibus, modis, participiis, Kiel, 1848; и др.

торомъ мы до сихъ поръ умалчивали, но которое, составляя первое требованіе для каждаго историческаго писателя, какъ бы ни былъ великъ или малъ его художественный талантъ, придаетъ произведеніямъ Тацита особенную важность. Это истина повѣствованія, или историческое безпристрастіе. Полное безпристрастіе Тацита, въ которомъ ему, съ религіозной точки зрѣнія, отказывали церковные писатели первыхъ вѣковъ христіанства, какъ Тертулліанъ ([1]) и Орозій ([2]), нашедшіе себѣ многихъ послѣдователей между католиками позднѣйшихъ временъ, и которое заподозрѣно съ политической стороны нѣкоторыми историками нашего времени, на самомъ дѣлѣне не можетъ быть подвержено сомнѣнію. Если разсказы Тацита объ Іудеяхъ и Христіанахъ и несогласны съ духомъ отцевъ церкви, то обвинять его въ этомъ мы не имѣемъ никакого права. Онъ говоритъ о тѣхъ и другихъ лишь то, что́ вообще было тогда о нихъ извѣстно какъ въ греческой и римской литературѣ, такъ и въ обществѣ ([3]). Такимъ образомъ, говоря объ Іудеяхъ, онъ всегда ссылается на писателей, которыми онъ пользовался, не называя ихъ по обыкновенной своей привычкѣ по имени. ([4]) Что онъ не имѣлъ къ Іудеямъ никакой національной вражды, это видно изъ того, что онъ не безъ удовольствія указываетъ на почитаніе ими единаго и неизмѣннаго божества. ([5]). Касательно христіанъ, онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе современниковъ о ихъ *суевѣріи*, но тѣмъ не менѣе высказываетъ сожалѣніе по поводу звѣр-

---

([1]) Apologet. adv gentes pro christianis, 16. Cornelius Tacitus sane ille mendaciorum loquacissimus.

([2]) Hist. adversus paganos, I, 5.

([3]) Cic. pro Flacco 18; Plin Hist. Nat. XIII, 9; Juven. VI, 543, XIV, 26; Just. 36, 2. 3, Quint. III, 7, 21.

([4]) Hist. V, 2, 3, 7.

([5]) Hist. V, 5.

скихъ гоненій на ихъ Нерона ([1]). Что же касается до политическаго безпристрастія, то, не говоря уже о томъ, что Тацитъ въ началѣ своихъ большихъ историческихъ трудовъ открыто заявляетъ, что онъ всего дальше «отъ ненависти и пристрастія» ([2]), не говоря даже и о томъ, что онъ рѣшительно скорбитъ объ искаженіи исторіи предшествовавшими ему писателями имперіи, ([3]) довольно указать лишь на то обстоятельство, что онъ, не поклонникъ имперіи и другъ свободы, въ исторіи правленія Тиберія ни мало не колеблется заявить, что не все было у предковъ хорошо, а что и его время произвело многое, достойное одобренія, ([4]) и ставитъ въ укоръ современникамъ, что они превозносятъ старину, оставаясь равнодушны къ настоящему. ([5]) Можно въ мелочахъ, конечно найти у него не мало ошибокъ, ([6]), но тутъ не можетъ быть и рѣчи объ искаженіи: это ошибки, неизбѣжныя для каждаго большаго сочиненія, это недосмотры, а не умышленныя искаженія. Осторожность Тацита въ сообщеніи извѣстій до того велика, что онъ остерегается выдавать за вѣрные даже такіе факты, которые принимаются другими историками безъ возраженія. Такъ, онъ не объявляетъ Нерона виновникомъ пожара, истребившаго болѣе или менѣе десять частей Рима,

---

([1]) Ann. XV, 44.

([2]) Ann. I. 1. consilium mihi pauca de Augusto et extrema tradere, mox Tiberii principatum et cetera *sine ira et studio, quorum causas procul habeo;* Hist. I, 1: incorruptam fidem professis neque amore quisquam et sine odio dicendus est.

([3]) Hist. I, 1; veritas pluribus modis infracta, primum inscitia rei publicae ut alienae, mox libidine assentandi, aut rursus odio adversus dominantes.

([4]) An. III, 55: nec omnia apud priores meliora, sed nostra quoque aetas multa laudis et artium imitanda posteris tulit.

([5]) An. II, 88: vetera extollimus, recentlum incuriosi.

([6]) Онѣ указаны у Ниппердея, Введ. къ изд. «лѣтописи», p. XXV.

тогда какъ Светоній ([1]) и Діонъ Кассій ([2]) высказываются положительно въ этомъ смыслѣ; равнымъ образомъ Іосифъ Флавій сообщаетъ, ([3]) что Германикъ отравленъ былъ Пизономъ, но Тацитъ съ свойственной ему осторожностью только даетъ понять это, какъ выражается Дюбуа-Гюшанъ ([4]). Я полагаю, что такая *инсинуація*, какъ естественное, неизбѣжное стремленіе повѣствователя стоять своимъ сочувствіемъ на той или другой сторонѣ, не наноситъ вреда фактическому безпристрастію.

ГЛАВА VIII.

Новые взгляды на римскую имперію и упреки Тациту.

Римская исторія уже издавна служитъ ареной, на которой сталкиваются политическіе писатели, отыскивая законы развитія политическихъ обществъ. Цѣльная, послѣдовательная въ своемъ развитіи, великая содержаніемъ и богатая вліяніемъ на новую цивилизацію, обработанная первокласными умами западныхъ народовъ, каковы Макіавелли, Вико, Монтескьё, Гиббонъ, Нибуръ, она по сіе время по праву приковываетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ тѣхъ, для кого привычка углубляться въ вопросы политическіе и соціальные составляетъ умственную потребность. Мѣняются люди, дающіе направленіе изслѣдованіямъ, мѣняются стороны, на разработкѣ которыхъ со-

---

([1]) Nero, 36.
([2]) Dio, 62, 16.
([3]) Ant. Iud, 18, 3.
([4]) Tacite et son siécle, t. II, p. 363.

средоточиваются особенныя усилія ученыхъ, но Римъ, развитіе его государственныхъ учрежденій, его колоссальная цивилизація, его всемірное значеніе, даютъ всегда мыслящимъ людямъ новую пищу и возбуждаютъ всегда новый интересъ. Философско-политическое направленіе, сообщенное изученію римской исторіи Макіавелли, уступило въ концѣ прошлаго вѣка строгому изслѣдованію національныхъ началъ римскаго народа, и это послѣднее, сосредоточившись преимущественно на первоначальной исторіи Рима, весьма замѣтно отходитъ въ послѣднее время на второй планъ и даетъ мѣсто тому направленію, которое стремится уяснить себѣ всемірно-историческое значеніе Рима и его цивилизаціи.

Интересъ, возбужденный изслѣдованіями послѣдняго рода, необыкновенно великъ и, можетъ быть, не имѣетъ себѣ подобнаго въ области исторіи. Съ нимъ соединены всѣ великіе вопросы цивилизаціи: о національности, о формѣ правленія, о значеніи аристократіи и демократіи, о равенствѣ сословій, о братствѣ народовъ, однимъ словомъ, съ нимъ соединено рѣшеніе всѣхъ тѣхъ проблемъ, которыя стоятъ на первомъ планѣ передъ каждымъ политическимъ мыслителемъ, рѣшеніе, которое должно сдѣлать изъ исторіи науку. Въ самомъ дѣлѣ, требуется понять Римъ, послѣдовательно пережившій всѣ формы правленія, достигнувшій развитіемъ своихъ національныхъ началъ неслыханнаго могущества и величія, ставшій за тѣмъ передъ лицемъ завоеванной имъ вселенной, теряющій въ обладаніи ею свою національность и свои домашніе интересы, неудержимо стремящійся распространить по свѣту свою цивилизацію, дающій народамъ свой языкъ, свои гражданскія права, свою юрисдикцію и затѣмъ свою религію—зрѣлище величественное и достойное поглотить собой все вниманіе исторіи.

Работа начата; но вѣроятно пройдетъ много и много времени, когда она приведетъ науку къ удовлетворительному ре-

зультату. Она представляетъ необыкновенныя трудности, и главная изъ нихъ—это современныя страсти, духъ партій, котораго не легко избѣжать историку, углубленному въ исторію римской имперіи. Здѣсь неизбѣжно столкновеніе борющихся вопросовъ о политической свободѣ и государственномъ величіи, о національности и космополитизмѣ, объ аристократическихъ и демократическихъ началахъ, о развитіи личности и государственныхъ интересахъ и т. д. Естественное дѣло, что люди предпочитающіе въ современности государственное величіе политической свободѣ гражданъ, космополитизмъ національности, демократическое равенство аристократическимъ привиллегіямъ, государственные интересы требованіямъ личнаго развитія индивидуумовъ, эти люди должны стать на сторону римской имперіи и видѣть въ ней величайшій прогрессъ, какой только совершонъ былъ когда либо въ исторіи; наоборотъ, защитники гражданской свободы, національности, вліянія просвѣщенныхъ и зажиточныхъ классовъ, развитія личности, найдутъ въ римской имперіи упадокъ, до какого только можетъ дойти на своемъ пути великій народъ. Разумѣется, люди безпристрастные, а главное, основательно развитые, найдутъ средства примирить крайности, дать каждому началу свое мѣсто и значеніе, и будутъ стараться не быть исключительными. Но прежде, чѣмъ отыщутся такіе люди, и голосъ ихъ будетъ услышанъ, наукѣ предстоитъ разработать развитіе, значеніе и уклоненіе каждаго изъ элементовъ, вступившихъ въ борьбу въ римской имперіи, не увлекаясь ни величественными, ни мрачными картинами, какія могутъ рисоваться въ воображеніи съ современной точки зрѣнія: только подъ этимъ условіемъ вопросъ о римской имперіи можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно, а съ этимъ вмѣстѣ и приложеніе его къ современности можетъ дать хорошіе результаты.

Вся бѣда настоящаго политическаго развитія въ Европѣ заключается именно въ томъ, что люди, учрежденія, принципы,

судятся не по ихъ сущности и значенію въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, а по значкамъ и костюму, въ который они облекаюття. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ сферахъ названіе демократа даетъ человѣку особенный апломбъ и право на прогрессивное знамя, не смотря на то, что демократизмъ въ данную пору и въ данномъ мѣстѣ не можетъ ни какимъ образомъ быть дѣломъ прогресса. Спрашивается, какое достоинство демократіи было въ концѣ римской республики и въ первое время имперіи, когда она въ сущности была двигателемъ политической продажности и рабства? Въ чемъ заслуга демократіи 2-й французской имперіи, такъ блистательно доказавшей свою неспособность понимать настоящіе интересы націи? Равнымъ образомъ, аристократизмъ понимается обыкновенно, какъ неспособный для развитія политическихъ обществъ факторъ, но всѣмъ извѣстно, что Англія именно ему обязана своимъ политическимъ развитіемъ и могуществомъ, которыя до сихъ поръ опираются на ту же самую аристократію. Такова была и аристократія Рима, пока она знала себѣ мѣру, а не выродилась; и республика пала именно тогда, когда на мѣсто аристократіи воцарилась демократія, быстро переродившаяся въ охлократію. Продолжая установлять вопросы, я тоже самое могу сказать и о господствующемъ въ наше время принципѣ національности. Извѣстно, что вредное вліяніе бонапартизма на Европу заключалось и заключается именно въ проповѣди о національностяхъ. Но есть ли напр. воскрешеніе феодальной національности въ Венгріи или гдѣ бы то нибыло начало прогрессивное? Можно затѣмъ перевернуть медаль и сказать о демократіи, аристократіи, національности и т. д. совершенно противное: все зависитъ отъ того, какъ понимается принципъ, гдѣ и когда онъ прикладывается. Все это нужно мнѣ было сказать, чтобы начать рѣчь о новыхъ взглядахъ на римскую имперію и Тацита.

Во главѣ литературы, открывающей новую точку зрѣнія

на римскую имперію стоятъ въ настоящую минуту два писателя: Французъ Амедей Тьерри и Англичанинъ Чарльзъ Меривель.—Первый своимъ небольшимъ сочиненіемъ (¹) сдѣлалъ, можно сказать, эпоху въ изученіи римской исторіи, разсматривая ее не столько съ національной, съ ея внутренней точки зрѣнія, сколько съ внѣшней, т. е. по отношенію Рима къ другимъ народамъ. Такая точка зрѣнія, очень строго проведенная, привела Тьерри естественно къ другимъ результатамъ, чѣмъ тѣ, какіе до сихъ поръ были достигнуты изученіемъ римской исторіи. Она пролила свѣтъ на многіе вопросы, остававшіеся прежде въ нѣкоторой тѣни, но была съ другой стороны поводомъ къ колоссальной ошибкѣ, какую только способенъ сдѣлать такой умный и талантливый историкъ, какъ Амедей Тьерри. Дѣло въ томъ, что съ его точки зрѣнія исторія Рима отъ начала до конца представляетъ постоянный ходъ къ прогрессу, въ которомъ имперія является кульминаціонною точкою. Тамъ, гдѣ по сознанію римскихъ историковъ, равно какъ и по нашему мнѣнію, начинается паденіе Рима, для Тьерри—особенное его величіе. Междуусобныя войны, раздиравшія римскій народъ въ послѣдній періодъ республики и приведшія его къ потерѣ свободы и къ гражданской деморализаціи, для Тьерри были великимъ движеніемъ къ прогрессу, во главѣ котораго сталъ домъ Цезаря. Когда мы съ ужасомъ останавливаемся на событіяхъ 3-го вѣка имперіи, не видя почти и слѣдовъ внутренняго развитія Рима, не видя ни литературы, ни искусства, когда Римъ представляетъ въ полномъ блескѣ восточное государство подъ владычествомъ женщинъ и солдатъ, Тьерри упивается отъ восторга, возвѣщая торжество всемірной демократіи, провозглашен-

---

(¹) Tableau de l'Empire Romain, depuis la fondation de Rome jusqu'a la fin du gouvernement imperial en Occident, par Amedée Thierry, Paris, 1862.

ной кровожаднымъ и безумнымъ Каракаллою. Наконецъ падаетъ римская имперія подъ напоромъ варваровъ, но еще прежде ея падаетъ цивилизація, воцаряется мракъ и варварство на цѣлыхъ тысячу лѣтъ: Тьерри остается и здѣсь на своей точкѣ зрѣнія, онъ не видитъ паденія, а углубляется въ созерцаніе торжества единой религіи. Но спрашивается, давно ли въ Европѣ политическая свобода, наука, искусство, развитіе личности, стали считаться пустыми словами? Давно ли тьма стала называться свѣтомъ и смерть жизнію? Пала наука, искусство, почти вся цивилизація, изчезли всякія гарантіи гражданской безопасности при полномъ владычествѣ военнаго деспотизма; въ чемъ же, слѣдовательно, величіе Рима въ эпоху имперіи? Тьерри видитъ его въ шествіи міра къ единству политическому, соціальному, юридическому, религіозному; картина, какую рисуетъ онъ, дѣйствительно величественна. Но не есть-ли это величіе призрачное, безъ содержанія и силы? Какіе были плоды его для міра и Италіи? Какая была польза римскимъ провинціямъ въ пріобрѣтеніи правъ римскаго гражданства отъ Каракаллы, когда этотъ послѣдній предается самымъ безумнымъ неистовствамъ даже въ самомъ образованномъ городѣ міра, въ Александріи, истребляя тамъ по прихоти и вѣроломно цвѣтъ общества и всю молодежь горорода? Какое было приложеніе этихъ правъ въ римскихъ провинціяхъ, когда они не имѣли смысла даже въ самомъ Римѣ? Далѣе, отъ чего не могла цѣлая римская имперія устоять противъ варваровъ, противъ которыхъ прежде такъ побѣдоносна была одна Италія? Отъ чего это въ концѣ 5 в. падаетъ имперія, а въ 6-мъ Григорій Турскій жалуется на то, что едва можно найти человѣка, способнаго записать современныя событія? Отъ чего эта вдругъ наступившая тысячелѣтняя ночь въ Европѣ, называемая средними вѣками? Не служитъ ли все это самымъ непреложнымъ доказательствомъ тому, что всѣ эти, въ такихъ величественныхъ образахъ ри-

совавшіяся воображенію французскаго писателя, *шествія къ единствамъ* были только біеніемъ колесъ пустой государственной машины, брызгавшей на весь міръ ни на что негодною пѣною? Не понятно, какимъ образомъ можно видѣть движеніе впередъ государства, неминуемое паденіе котораго было видно еще проницательнымъ людямъ втораго вѣка нашей эры, и которое дѣйствительно разлопалось, какъ мыльный пузырь безъ малѣйшей силы противостоять массѣ варваровъ? Ошибка Тьерри заключается въ томъ, что онъ принялъ нарисованный имъ идеалъ за дѣйствительность,—онъ не разобралъ значенія и дѣйствительной силы боровшихся въ то время элементовъ и стремленій, онъ не хотѣлъ замѣтить, что имперія держалась не на философскихъ тенденціяхъ Марка Аврелія, не на идеѣ гуманнаго права, за которую боролись Папиніанъ и Ульпіанъ, а на грубой силѣ солдатъ, для которыхъ не было никакихъ государственныхъ и соціальныхъ требованій, и при столкновеніи съ которыми всякая идея дѣлалась ироніею. Говоря правду, исторія не знаетъ другаго примѣра такой колоссальной и пагубной анархіи, какую представляетъ намъ состояніе римской имперіи. Ужасенъ деспотизмъ одного, ужаснѣе деспотизмъ олигархіи, еще ужаснѣе деспотизмъ охлократіи, но всего ужаснѣе деспотизмъ военный! А онъ-то и былъ господствующимъ режимомъ имперіи: это фактъ, котораго опровергнуть нельзя.

Сообразно съ своимъ взглядомъ на римскую имперію, Тьерри смотритъ и на Тацита, который, какъ мы знаемъ, не видѣлъ въ имперіи тѣхъ благъ, какія представились воображенію французскаго историка. «Одержимый религіею прошедшаго, поклонникъ древнихъ политическихъ формъ, которыя прогрессъ міра разбилъ одну за другой, какъ препятствіе къ его благосостоянію и свободѣ, несправедливый до оскорбленія къ побѣжденнымъ племенамъ, Тацитъ нарочно отвернулъ глаза отъ переворота, совершившагося къ ихъ пользѣ. Онъ упорно про-

должалъ видѣть въ зачатіи новаго Рима только паденіе нравовъ и злодѣянія Цезарей. Съ другой стороны его вѣкъ не былъ свидѣтелемъ самыхъ важныхъ событій, принесенныхъ этимъ великимъ зачатіемъ, особенно тѣхъ, которыя должны были наложить на римское господство всемірный и окончательный характеръ. Онъ не присутствовалъ ни при сооруженіи римскаго права имперіи, такъ справедливо названнаго *писанымъ разумомъ*, ни при тріумфѣ политическаго равенства между свободными людьми, ни при тріумфѣ христіанства, которое, дѣлая новый шагъ впередъ, дало этому обществу народовъ единаго Бога и провозгласило передъ нимъ всѣхъ людей равными» (1).

Несправедливость такого приговора очевидна до такой степени, что его безъ труда можно опровергнуть на всѣхъ пунктахъ. Изъ разбора сочиненій Тацита читатель ясно видѣлъ, каковы были *благосостояніе и свобода* въ періодъ времени описанный Тацитомъ. Можно бъ было подумать, что Тьерри высказываетъ эти слова въ шутку, если бъ не было ясно, что его взглядъ на Тацита тѣсно связанъ съ идеей его блестящей книги. Одно изъ двухъ: или Тацитъ представилъ римскую имперію въ превратномъ видѣ, т. е. исказилъ факты, или онъ изобразилъ ее такъ, какъ она была на самомъ дѣлѣ. Тьерри не говоритъ ни слова объ умышленномъ искаженіи фактовъ Тацитомъ: въ такомъ случаѣ гдѣ же основаніе для того, чтобъ заподозривать великаго историка въ несправедливости къ новому Риму? Защитники Тьерри отвѣтятъ на это, что тутъ дѣло идетъ не объ искаженіи фактовъ, а о непониманіи Тацитомъ своего времени; говоря иначе, они ставятъ Тациту въ вину то, что онъ не смотрѣлъ на вещи такъ, какъ смотритъ на нихъ Тьерри. На такое возраженіе слѣдуетъ сказать, что Тацитъ изображалъ и понималъ опи-

(1) Tableau de l'Empire romain, p. 4.

санное имъ время такъ, какъ понимала его *вся* римская интеллигенція, *все*, въ чемъ не была задушена мысль и не раздавлено нравственное чувство. Если иностранцы, жившіе въ Римѣ и питавшіеся отъ милости Цезарей, какъ Квинтиліанъ, Марціалъ, или какъ Аперъ «Разговора объ ораторахъ» выражали свое довольство деспотическимъ правленіемъ Цезарей, то можетъ-ли ихъ большею частію неискренній голосъ составить равновѣсіе воплямъ Римлянъ, у которыхъ отняли преданія, свободу, и отнимали каждый день жизнь? Я называю голосъ иностранцевъ *неискреннимъ*, потому что напр. стихи по заказу, какіе писалъ Марціалъ, прося милости у своихъ покровителей, могутъ служить органомъ общественнаго мнѣнія тѣмъ менѣе, что, по смерти Домиціана, тотъ же Марціалъ устыдился безсовѣстныхъ похвалъ, какія онъ воздавалъ этому деспоту. (1) Если даже были и Итальянцы, какъ Стацій, которые превозносили Домиціана, то это опять таки были люди, которые за кусокъ хлѣба готовы были написать все, чтó угодно, это были люди, въ какихъ не имѣетъ недостатка и наше время въ разныхъ государствахъ Европы. Уже одно то, что Марціалъ, Квинтиліанъ и Стацій превозносили до небесъ именно Домиціана, о которомъ и самъ Тьерри не нашелся сказать что-нибудь хорошаго, ясно указываетъ намъ точку зрѣнія, съ какой слѣдуетъ смотрѣть на эти похвалы. Ставши такимъ образомъ на историческую почву, мы должны спросить себя, какія въ самомъ дѣлѣ принесла благодѣянія имперія въ эпоху, описываемую Тацитомъ? Тьерри напираетъ именно на міровой прогрессъ, на благосостояніе провинцій. Но разверните «Исторіи» Тацита, біографіи Светонія, разверните Діона Кассія, и посмотрите, чтó дѣлается съ Галліей, Гельвеціей, Илліріей, Сиріей и т. д., за что опустошаютъ ихъ войска Вителлія и Веспасіана? Отъ чего это

---

(1) Epigr. XII, 15, 9.

Галлія возстала противъ Нерона? Отъ чего, не много спустя, она опять поднята была Цивилисомъ? Отъ чего это вопли Британіи, которыхъ не могъ скрыть Тацитъ въ своемъ жизнеописаніи Агриколы? Тьерри создалъ себѣ небывалое величіе и благосостояніе, и упрекаетъ Тацита за то, что тотъ не понималъ всего этого. Спрашивается опять, за какія же благодѣянія долженъ былъ Тацитъ восхвалять свой вѣкъ? Строго безпристрастный и справедливый, онъ дѣйствительно приходитъ въ восторгъ отъ правленій Нервы и Траяна; но этотъ восторгъ раздѣляется вмѣстѣ съ нимъ и всей римской литературой, которая уже тѣмъ, необыкновеннымъ въ имперіи, полетомъ, какой получила она въ это время, доказываетъ, что настали другія времена. Мы видѣли, что Тацитъ нисколько не былъ врагомъ принципата и что онъ искалъ лишь хорошихъ плодовъ отъ него. То ужъ не его вина, если Нерва и Траянъ были рѣдкимъ исключеніемъ между обладателями этой всемірной власти.

Тьерри упрекаетъ Тацита во враждѣ къ другимъ народамъ. И это несправедливо. Если Тацитъ, подобно всѣмъ патріотамъ, не былъ равнодушенъ къ славѣ Рима, если для него супрематія вѣчнаго города надъ другими народами была завѣтною мечтою, то въ этомъ, естественномъ и въ наше время національномъ желаніи, онъ не расходился нимало съ римской государственной политикой, дѣятельное распространеніе которой на весь міръ и служитъ идеаломъ, приводящимъ въ восторгъ французскаго историка. Если наконецъ, увлекаемый любовью къ отечеству, и видя для него опасности со стороны варварскихъ народовъ, населявшихъ пространство между Рейномъ и Дунаемъ, онъ желаетъ, чтобъ хоть взаимная вражда этихъ народовъ служила оплотомъ для безопасности Италіи, то въ этомъ желаніи великаго историка нѣтъ ровно ничего такого, что не было бы одобряемо даже патріотизмомъ нашего времени, когда мы отъ государственной политики имѣемъ право

требовать бо́льшей гуманности и естественной справедливости. Никто не укажетъ ни одного мѣста въ сочиненіяхъ Тацита, которое бы обнаруживало какую нибудь особенную кичливость историка надъ другими національностями. Нѣкоторая иронія, по поводу рѣчи Клавдія, требовавшей дарованія права «Волосатой Галліи» посылать представителей въ Сенатъ, такъ естественна въ человѣкѣ, въ которомъ еще билось римское сердце, вѣрно чувствовавшее современное изчезновеніе великаго народа подъ наплывомъ переселенцевъ въ Италію со всего свѣта. Особенныхъ порицаній въ этомъ случаѣ заслуживаетъ Тацитъ тѣмъ менѣе, что еще не извѣстно, были ли бы довольны Французы и самъ Тьерри, если бъ императоръ Франціи призвалъ къ засѣданію въ Сенатѣ и законодательномъ корпусѣ Арабовъ Алжира, (1) которые бы во всякомъ случаѣ оказались людьми преданными не Франціи, а правительству. Гуманное чувство Тацита къ побѣжденнымъ народамъ, проглядывая во многихъ мѣстахъ, особенно видно въ рѣчи Британца Галгака, (2) которую сочинилъ историкъ нашъ не безъ замѣтнаго сочувствія долѣ свободолюбивыхъ сыновъ сѣвера. Обвиненія, выходящія изъ устъ полководца Британцевъ, противъ римскаго владычества, были плодомъ (этого нельзя не видѣть) размышленій Тацита, когда онъ заставляетъ произносить о римскомъ владычествѣ жестокій, но вѣрный приговоръ: «если они (Римляне) все обратятъ въ пустыню, то называютъ это миромъ». (3) Историкъ не слышалъ рѣчи Галгака, онъ написалъ ее такъ, какъ говорило ему собственное сердце, прочувствовавшее долю побѣжденныхъ народовъ.

Кажется сказаннаго уже достаточно для того, чтобъ чита-

(1) Предложеніе въ этомъ родѣ дѣлано было въ послѣднюю сессію законодательнаго корпуса, но не было принято.

(2) Agr. 30—32.

(3) Agr. 30.

тель могъ видѣть произволъ, съ какимъ знаменитый ученый представлялъ себѣ положеніе вещей въ римской имперіи, и съ какимъ онъ хотѣлъ унизить великое имя Тацита. Переходимъ къ Меривелю ([1]).

Семь томовъ исторіи римской имперіи до смерти Марка Аврелія, изданные Меривелемъ, представляютъ солидное и достойное уваженія сочиненіе. Авторъ стоитъ не на одной точкѣ зрѣнія съ Тьерри, хотя и во многомъ съ нимъ согласенъ. Римская имперія не представляетъ для него постоянно прогрессивнаго хода, и послѣднія страницы седьмаго тома указываютъ на очевидные симптомы ея разложенія, но съ другой стороны въ утвержденіи ея на развалинахъ республики онъ видитъ больше блага, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Не вдаваясь въ анализъ многотомнаго сочиненія Меривеля, приступимъ прямо къ его взгляду на Тацита, въ выраженіи котораго ясно высказывается и точка зрѣнія его на римскую имперію.

Начавши сравненіемъ Тацита съ Ливіемъ, изъ которыхъ послѣдній является простымъ разскащикомъ, а первый историкомъ—философомъ, Меривель говоритъ:

«Задача Тацита, полученная имъ въ патриціанской школѣ, къ которой онъ принадлежалъ, состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что суприматія Рима, конечная причина его существованія, зависитъ отъ преобладанія олигархіи, съ которой тѣсно связана вся его слава и успѣхи. Онъ смотритъ на паденіе этой касты подъ владычествомъ цезарской узурпаціи,

([1]) Сочиненіе Меривеля, уже нѣсколько разъ упомянутое нами, называется: A History of the Romans under the Empire, by Charles Merivale, London 1862, 2-е изданіе. Характеръ какъ этого сочиненія, такъ и книги Тьерри умно и ловко представленъ г. Васильевскимъ, въ его отчетѣ Министерству народнаго просвѣщенія, См. Ж. М. н. п. Февраль 1864. Жаль только, что г. Васильевскій увлекся результатами книги Тьерри и не подвергнулъ ихъ надлежащей критикѣ.

какъ на обильный источникъ униженій и бѣдствій послѣдующаго времени. Имперія опозорена тиранніей, развратомъ, низкимъ раболѣпіемъ внутри, пораженіями и униженіями извнѣ. Свободный духъ оптимата подавленъ, и онъ принужденъ пресмыкаться и льстить не только патриціямъ равнаго съ нимъ благородства, но даже и младшей отрасли низшихъ домовъ, не только новымъ людямъ и неблагороднымъ Римлянамъ, но даже иностраннымъ проидохамъ и вольноотпущеннымъ рабамъ. Великія народныя бѣдствія, быстро слѣдуя одно за другимъ, возвѣстили гнѣвъ боговъ на вырожденіе ихъ избранныхъ любимцевъ, на неуваженіе къ своимъ алтарямъ и на святотатство, съ какимъ божественныя почести распространены на самыхъ негодныхъ изъ смертныхъ.

«Духъ и идея исторіи Тацита одинаково видны въ родственной ей поэмѣ Лукана, который общее обоимъ имъ чувство гнѣвнаго недовольства выражаетъ лишь прямѣе и безъ всякаго притязанія на историческое безпристрастіе, какъ это было естественно въ молодомъ человѣкѣ и поэтѣ. Но зрѣлый лѣтами и холодный по темпераменту Тацитъ болѣе остороженъ въ проведеніи своей теоріи, чѣмъ беззаботный декламаторъ въ двадцать пять лѣтъ. Планъ поэмы Лукана заводитъ его въ причины переворота, который они оба вмѣстѣ оплакиваютъ и обвиняютъ; и мы узнаемъ изъ многихъ наиболѣе умныхъ, равно какъ и наиболѣе краснорѣчивыхъ стиховъ въ *Фарсаліи*, что переворотъ, даже въ глазахъ аристократіи, былъ неизбѣженъ, что онъ былъ вызванъ пороками и злоупотребленіями того самаго періода аристократическаго господства, на который они оба озираются съ одинаковымъ сожалѣніемъ, что римская олигархія пала отъ своихъ собственныхъ преступленій, неразлучныхъ съ ея политическимъ устройствомъ, равно какъ отъ сильнаго блеска своихъ собственныхъ побѣдъ и тріумфовъ. Мы чувствуемъ, что ея паденіе, разъ совершившись, было рѣшительно и непоправимо,

что ни честь, ни благородство Юлія или Августа, ни воинственный пылъ Тиберія, ни осторожность Гая или Клавдія, ни достоинства Нерона немогли бы воскресить жизненнаго огня божественнаго вдохновенія, которое отлетѣло навсегда съ Сципіонами и Гракхами.

«Это однако ошибка въ Луканѣ, что онъ снимаетъ такимъ образомъ покровъ съ необузданности той эпохи, которую старается оплакивать. Тацитъ съ бо̀льшимъ искусствомъ и благоразуміемъ отводитъ отъ ней навсегда глаза своихъ читателей. Историкъ начинаетъ обозрѣніе римской исторіи періодомъ, послѣдовавщимъ за государственнымъ переворотомъ, когда уже первые и непосредственные плоды этого послѣдняго были пожаты, и когда несомнѣнныя благодѣянія, оказанныя имъ въ первое время, уже потеряли часть своего первоначальнаго блеска въ памяти современниковъ. Цезарская узурпація прошла уже періодъ шестидесяти лѣтъ—годы безпримѣрнаго благоденствія, въ чемъ Тацитъ былъ бы долженъ сознаться, если бы онъ ясно поставилъ ихъ передъ своими глазами—когда онъ беретъ нить событій и посвящаетъ трудъ своей жизни изображенію несчастій, которыя, какъ онъ думаетъ, никогда не переставали проистекать изъ этой узурпаціи. Онъ ограничивается такимъ образомъ временемъ паденія системы, для которой тогда уже, конечно, прошло время ея недолгаго и обманчиваго процвѣтанія. Онъ слѣдитъ за увядающимъ счастіемъ республики отъ пораженія Вара и послѣднихъ дней Августа, когда городъ омраченъ былъ опасеніемъ новой тиранніи, и заключаетъ свое мрачное обозрѣніе паденіемъ послѣдняго деспота, низкаго, жестокаго и подозрительнаго Домиціана. Слѣдовательно онъ обнимаетъ ровно весь періодъ несчастій и бѣдствій, которыми наказывались преступленія Цезарей; но чтобъ не повредить полнотѣ этого изображенія, онъ не хочетъ внести въ него фигуры тѣхъ виновниковъ возрожденія имперіи, которыхъ ему удалось ви-

дѣть при жизни, но откладываетъ изображеніе ихъ добродѣтелей для утѣшенія своей старости. Его повѣствованіе о междуусобныхъ войнахъ, послѣдовавшихъ за смертію Нерона, и о трехъ правленіяхъ Флавіевъ, было написано прежде и названо *Исторіями*, а изложеніе предыдущаго періода, извѣстное подъ заглавіемъ *Лѣтописи* было составлено впослѣдствіи. Сочиненіе, трактующее о современныхъ ему событіяхъ, (¹) полнѣе въ подробностяхъ, чѣмъ другое, но мы чувствуемъ, что авторъ смотрѣлъ на оба сочиненія какъ на одно цѣлое; и возможное дѣло что онъ представлялъ ихъ для себя подъ однимъ заглавіемъ. Единство общаго плана этихъ сочиненій—непрерывное изображеніе цезарскаго переворота, прослѣженнаго до его отдаленныхъ послѣдствій, было бы разстроено теплымъ заключеніемъ о славѣ и благоденствіи Траянова правленія. Мы даже не знаемъ, чтобы Тацитъ когда нибудь дѣйствительно совершилъ этотъ трудъ любви, которымъ онъ предоставлялъ себѣ увѣнчать свои сочиненія. Быть можетъ онъ чувствовалъ наконецъ, что сенатское правленіе, введенное его патрономъ, не имѣло твердыхъ основаній, и отвернулся въ послѣднее время отъ прославленныхъ заслугъ государственнаго устройства, зависѣвшаго лишь отъ личной умѣренности главы государства....»

За тѣмъ сдѣлавши упрекъ Тациту за его предубѣжденіе въ пользу Траяна, предоставившаго управленіе внутренними дѣлами Сенату и съ любовію предававшагося военнымъ предпріятіямъ, Меривель продолжаетъ:

«Теорія римскихъ политиковъ, которой держался Тацитъ, ввела его въ два грѣха противъ истины и безпристрастія. Читая *Лѣтопись* и *Исторіи* со вниманіемъ и безпристрастіемъ, нельзя не замѣтить, что авторъ часто позволяетъ себѣ повторять анекдоты, которые, какъ ему извѣстно, не имѣютъ

(¹) Т. е. «Исторіи». См. главу V предлагаемаго сочиненія.

твердаго основанія, но которые служатъ къ тому, что бы выставить ту или другую выдающуюся личность въ желаемомъ для него свѣтѣ. Ни одно мѣсто въ *Лѣтописи* не представляетъ болѣе разительнаго примѣра лицемѣрія, приписываемаго Тиберію, какъ пріемъ, сдѣланный этимъ послѣднимъ притязанію Сеяна на родство съ императорскимъ домомъ. Но разсказъ объ этомъ, изъ какого-бы источника онъ ни проистекалъ, чрезвычайно прикрашенъ, если не совершенно выдуманъ. Тацитъ—мы должны это сказать наконецъ—слишкомъ легко придаетъ этому разсказу вѣру, представляя его еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ съ цѣлію бросить тѣмъ мрачную тѣнь на характеръ архи-лицемѣра (Тиберія). И это, какъ уже доказано, не единственный случай его неуваженія истины въ угоду требованіямъ теоріи, заставлявшей его усиливать подозрѣнія относительно характера многихъ Цезарей. Мы должны кромѣ того обратить вниманіе на ловкость, съ какою преступленія и пороки императоровъ выставляются самымъ очевиднымъ образомъ противъ самого императорскаго режима и провозглашаются грѣхами противъ нравственнаго чувства оскорбленнаго общества. Допуская даже, что въ этихъ отвратительныхъ картинахъ нѣтъ никакого преувеличенія, мы все таки не можемъ позволить искуснѣйшему живописцу утаить тотъ важный фактъ, что эти ужасы принадлежатъ вѣку и классу, а не только отдѣльнымъ лицамъ. Варварства, какія Неронъ и Домиціанъ совершали надъ высокорожденною римскою знатью были только обыкновенными предосторожностями трепещущихъ рабовладѣльцевъ, жизнь которыхъ обезпечивалось со дня на день лишь безпощаднымъ физическимъ угнетеніемъ ихъ крѣпостныхъ. Существованіе рабства и недостатокъ религіозныхъ и нравственныхъ принциповъ, то, что разшатало запоры языческаго общества, могутъ быть взяты во вниманіе при жестокостяхъ, обыкновенно приписываемыхъ порочности, нераздѣльной съ установленной системой, или личной испорчен-

вости отдѣльныхъ императоровъ. Тацитъ безъ сомнѣнія былъ самъ рабовладѣлецъ, и его сочиненія, въ этомъ нужно признаться, носятъ печать глубокаго неуваженія къ правамъ и чувствамъ человѣческой природы, независимо отъ воззрѣній его класса и сословія, какія естественно воспитывались въ окружавшей его соціальной атмосферѣ. Съ другой стороны, даже между лучшими характерами римской имперіи немногіе были свободны отъ тѣхъ мерзостей, которыя возведены Тацитомъ въ спеціальный позоръ Тиберія и Нерона. Такого рода проступки должны быть взвѣшиваемы постоянно въ связи съ отношеніемъ къ состоянію господствующей морали. Даже мягкій и добродѣтельный Плиній позволялъ себѣ писать стихи съ нашей точки зрѣнія самаго безстыднаго свойства, и въ спискѣ именъ, какія онъ приводитъ къ своему извиненію, онъ дѣлаетъ длинный перечень первыхъ гражданъ республики, какъ и имперіи.

«Во всякомъ случаѣ необходимо признать, что то и другое, жестокость и распущенность римскаго общества ведетъ начало за сто лѣтъ до учрежденія имперіи и было скорѣе сѣменами, чѣмъ плодами императорскаго деспотизма. Болѣе значенія имѣетъ то обвиненіе противъ имперіи, что подъ ея тяжелымъ господствомъ мало было мѣста свободному и здоровому развитію духа, и что духовныя силы, стѣсненныя въ ихъ законномъ упражненіи, расточались въ грубыхъ матеріальныхъ интересахъ.

«Не только *исторіи*, но и всѣ другія сочиненія Тацита написаны почти въ формѣ обвиненій противъ своего вѣка... Нельзя не пожалѣть, что Тацитъ не призналъ возродительнихъ стремленій своего вѣка и не оказалъ имъ никакой поддержки своимъ именемъ и вліяніемъ. Чисто сатирическое направленіе всегда безполезно и вообще худо руководитъ. Сѣмена обновленія не лежали ни въ суровыхъ и непримѣнныхъ на практикѣ догматахъ стоицизма, ни въ однихъ возвышенныхъ стрем-

леніяхъ христіанства, но также и въ мудромъ ученіи школъ эклектическихъ моралистовъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Мы будемъ очерчивать въ другомъ періодѣ дѣятельность Діона, Плутарха, Аполлонія и должны пожалѣть, что къ списку римскихъ реформаторовъ не можемъ прибавить знаменитаго имени Тацита» (1).

Вотъ взглядъ Меривеля на Тацита и вмѣстѣ съ тѣмъ на римскую исторію. Читатель видитъ, что англійскій историкъ стоитъ на совсѣмъ другой точкѣ зрѣнія, какая необходимо вытекаетъ изъ всего хода сочиненія, предлагаемаго мной русской публикѣ. Главное, что Меривель старается выдвинуть противъ Тацита, заключается въ томъ, что будто бы послѣдній былъ человѣкомъ олигархической партіи, въ видахъ которой онъ искажалъ исторію имперіи. Нельзя не остановиться съ изумленіемъ передъ такимъ обвиненіемъ, взведеннымъ на великаго Римлянина и не спросить себя: откуда это обвиненіе и на чемъ оно основывается?—Напрасно стали бы мы искать подтвержденія ему въ самихъ сочиненіяхъ Тацита. Разбирая политическія убѣжденія Тацита (см. 6-ю главу) съ чисто научнымъ безпристрастіемъ, мы видѣли, что историкъ нашъ не былъ демократомъ, но не нашли ничего такого, что представляло его борцемъ олигархической партіи. Мы знаемъ, что быть демократомъ въ то время значило быть защитникомъ режима Цезарей, къ которому у Тацита не было симпатіи. Онъ убѣжденъ, что наибольшая свобода существовала въ демократической республикѣ, и громко высказываетъ такое убѣжденіе (2), но зная что такого рода государственное устройство представляетъ въ его время абсолютную невозможность, онъ нимало не предается иллюзіямъ, а домогается лишь того, чтобъ неиз-

(1) Merivale, vol. VII, p. 290—299.
(2) An. VI, 42 (42) Populi imperium juxta libertatem.

бѣжное въ его время единовластіе не совсѣмъ исключало свободу, (1) какъ это было въ правленія Нервы и Траяна. Съ другой стороны понимая, что отъ развращенной черни, составлявшей въ его время безобразную толпу негодяевъ всего свѣта, невозможно ожидать какого бы то ни было возрожденія государства, онъ ищетъ въ жизни высшихъ классовъ Рима тѣхъ элементовъ, на которыхъ можно было бы основать надежду этого возрожденія. Онъ открыто *признаетъ себя*—это, конечно, извѣстно Меривелю—*врагомъ олигархіи*, которая, по его мнѣнію всего ближе къ произволу деспотической власти, (2) и если онъ, какъ мы сказали обращается съ своими надеждами къ высшимъ классамъ общества, то это потому, что единственно на сторонѣ этихъ послѣднихъ была образованность, нѣкоторое чувство независимости и сколько нибудь уцѣлѣвшія преданія свободнаго Рима. Тацитъ представляется нашимъ глазамъ не въ положеніи человѣка партіи, требующей во что бы то ни стало господства своей теоріи, а въ положеніи честнаго гражданина, для котораго всего важнѣе общее благо, изъ какого бы источника оно ни истекало. Вотъ почему онъ признаетъ въ теоріи демократическую республику, но не возстаетъ противъ роковаго для его времени принципата, и требуетъ господства высшихъ классовъ, въ которыхъ однихъ видитъ какую нибудь гарантію свободы. Въ этомъ же положеніи Тацита находится между прочимъ оправданіе того отсутствія въ его воззрѣніяхъ опредѣленной политической системы, какое было замѣчено нами въ своемъ мѣстѣ.

Отъ чего же Меривель такъ категорически обвиняетъ Тацита въ приверженности къ олигархической партіи? Отъ чего

(1) Такъ онъ заставляетъ Гальбу говорить Пизону: imperaturus es hominibus, qui nec totam servitutem pati possunt nec totam libertatem Hist. I, 16.

(2) An. VI, 48 (42); paucorum dominatio regiae libidini propior est.

онъ старается выставить Тацита въ возможно неблаговидномъ свѣтѣ, даже въ ущербъ серьёзности своего сочиненія? Отъ того, что Меривель—демократъ (на сколько можетъ быть демократомъ Англичанинъ), а историкъ нашъ не стоитъ на сторонѣ демократіи, т. е. *той продажной демократіи*, во главѣ которой стоялъ цезаризмъ, служившій въ глазахъ Меривеля началомъ огромнаго прогресса въ римской исторіи. Это приводитъ насъ опять къ трудному вопросу о заслугахъ имперіи, о чемъ мы только что говорили по поводу книги Амедея Тьерри. Пусть Тьерри, Меривель, Дюбуа—Гюшанъ и вся бонапартистская партія въ римской исторіи восхваляютъ заслуги имперіи, пусть Тиберіи и Клавдіи рисуются намъ симпатическими личностями, а безумные Каракаллы благодѣтелями человѣчества: во имя научнаго безпристрастія мы съ удовольствіемъ принимаемъ всякій доказанный фактами, а не вообраденіемъ историка, взглядъ въ пользу римской имперіи. Но справедливость требуетъ сказать, что покуда защитники имперіи не имѣютъ за себя никакихъ положительныхъ доказательствъ. Правда, стоя на отвлеченно философской—точкѣ зрѣнія, слѣдуетъ вмѣстѣ съ Тьерри признать за имперіей огромное значеніе въ дѣлѣ сближенія между собой человѣчества, но въ этомъ нельзя видѣть особенной заслуги со стороны имперіи, потому что дѣлу сближенія разныхъ народовъ еще больше содѣйствовало христіанство и содѣйствовало не завоеваніемъ, какъ имперія, а безкорыстною проповѣдью всемірнаго братства, всемірнаго равенства, проповѣдью принциповъ, передъ которыми обнародованіе Каракаллою правъ римскаго гражданства всѣмъ свободнорожденнымъ подданнымъ имперіи теряетъ всякое значеніе, тѣмъ болѣе, что права эти, не принося никакой выгоды, налагали на міръ только новыя тягости (¹).

(¹) Діонъ Кассій (77,9), говоря о необыкновенныхъ грабительствахъ Каракаллы, замѣчаетъ что онъ повысилъ подать съ наслѣдствъ съ 20-й

Неоспоримая заслуга имперіи заключается въ выработкѣ гражданскаго права, наложившаго такую крѣпкую печать на духъ европейскихъ законодательствъ; были можетъ быть еще заслуги, оказанныя человѣчеству имперіей, но покуда онѣ не доказаны. Необходимо при этомъ замѣтить, что, при оцѣнкѣ историческаго значенія имперіи, не слѣдуетъ смѣшивать того, что̀ принадлежитъ господствовавшему въ ней режиму, съ тѣмъ, что̀ выходило изъ римскаго національнаго духа, выработывавшаго изъ себя то или другое независимо отъ формы правленія. Также нужно поступать и тогда, когда дѣло идетъ о мрачныхъ сторонахъ римской имперіи. Во всякомъ случаѣ надобно сознаться, что со времени цезарей въ Римѣ начинается упадокъ не только свободы политической и развитія личности, но и науки, литература, искусства и самой цивилизаціи, однимъ словомъ всего того, безъ чего не мыслимы прогрессъ и благосостояніе. Въ самомъ дѣлѣ историкъ римской литературы съ изумленіемъ останавливается не только на правленіи Тиберія, но даже и на послѣднихъ годахъ правленія Августа, видя въ это время поразительное молчаніе литературы, которая еще такъ недавно гремѣла именами Виргилія, Горація, Ливія и др. Дѣло въ томъ, что еще при Августѣ начались преслѣдованія литературы и мнѣнія, еще при Августѣ, сославшемъ безъ суда Овидія на берега Эвксинскаго Понта, предаваемы были сожженію сочиненія, не нравившіяся повелителю, и преслѣдовались ихъ авторы (1). Скорбя о при-

---

части на 10-ую и далъ право римскаго гражданства всѣмъ подданнымъ Рима затѣмъ, чтобы умножить свою казну налогами, которые, какъ подать съ наслѣдствъ, лежали только на людяхъ, имѣвшихъ званіе римскихъ гражданъ.

(1) См. *Egger*, Examen critique des historiens anciens de la vie et du regne d'Auguste, Paris, 1844, p. 68 и слѣд. Также *Ad. Schmidt*, Geschichte der Denk—und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserschaft und des Christenthums, Berl. 1847. Пр. Благовѣщенскій въ своемъ, достойномъ всякаго вниманія, сочиненіи: «Горацій и его время», СПБ. 1864,

тѣсненіи литературы одинъ писатель того времени, не Итальянецъ по происхожденію, хочетъ утѣшить себя тѣмъ, что гоненія на литературу послѣдовали тогда, когда перестали рождаться таланты ([1]). Съ необыкновенной быстротой имперія, призванная водворить миръ и порядокъ, перерождается въ тираннію и дѣлается невыносимымъ бичемъ общественнаго порядка: помѣшанный Калигула, слабоумный Клавдій, безчеловѣчный Неронъ, развратный Отонъ, отупѣвшій отъ обжорства Вителлій—это-ли были люди, которыхъ требовала задача имперіи? При Веспасіанѣ и Титѣ Римъ отдыхаетъ отъ тиранніи и тотчасъ воскресаетъ литература; но за ними слѣдовалъ Домиціанъ,—онъ проливаетъ потоки крови и Римъ замираетъ. Удивительна однако сила духа у римскаго народа: едва онъ освобождается отъ безчеловѣчнаго Веспасіанова сына, какъ римскій духъ снова оживаетъ; но уже израненный, ослабленный онъ собираетъ здѣсь послѣднія силы, производитъ Тацита, Ювенала, Плинія и за тѣмъ умираетъ. Во 2-мъ вѣкѣ нашей эры уже кончается римская литература. Литературное движеніе замѣтно еще въ Галліи и въ Африкѣ, но Римъ и Италія не даютъ болѣе писателей, кромѣ бездарныхъ компиляторовъ и грамматиковъ, которые всегда выростаютъ на могилахъ уже почившихъ литературъ. Не менѣе быстро, какъ литература, пало въ имперіи и искусство. Въ Римѣ стоятъ до сихъ поръ не вдалекомъ разстояніи одна отъ другой три тріумфальныхъ арки: одна принадлежитъ Титу, другая Септимію Северу и третья Константину Великому. На нихъ

говоритъ объ Августѣ, что онъ «всѣми средствами поощрялъ даровитыхъ писателей» (стр. 123). Очень жаль, что почтенный профессоръ совершенно опустилъ изъ виду гоненія Августомъ литературы, что необходимо было взять во вниманіе для надлежащей оцѣнки того *поощренія*, о которомъ говоритъ г. Благовѣщенскій.

([1]) Sen. de Controv, V, praef. Eo seculo ista ingeniorum supplicia coeperunt, quo et ingenia desierunt.

можно видѣть ясно, какъ быстро падало искусство и до какого жалкаго положенія дошло оно ко времени Константина, когда для украшенія его арки надобно было ограбить скульптуру съ арки, давно уже стоявшей при входѣ на форумъ Траяна. Вмѣстѣ съ литературой и искусствомъ пала и римская цивилизація, — пала даже раньше, чѣмъ погибла имперія (¹).

(¹) Литература въ защиту римской имперіи довольно велика въ настоящее время. Я не считалъ нужнымъ дать здѣсь отчетъ о каждой книгѣ такого рода, имѣя въ виду, что все, написанное противъ Тацита въ защиту римской имперіи, сводится къ выводамъ Тьерри и Меривеля. Однако для читателя не будетъ безъинтересно заглянуть въ такое сочиненіе, какъ: *Dubois-Guchan*, Tacite et son siecle, Paris, 1861. Сочиненіе это—чисто бонапартистскаго направленія. Особенно интересна литература о Тиберіѣ, какъ: *Sievers*, Tacitus und Tiberius, Hamburg, 1850, сочиненіе довольно солиднаго характера; Ad. *Stahr*, Tiberius, Berlin 1863—ни мало не оригинальная книга; наконецъ, Императоръ Тиберій, г. *Драгоманова*, Кіевъ 1864. Относительно послѣдней книги нужно замѣтить, что авторъ ея поступилъ неблагоразумно, не указавъ на источники, откуда онъ почерпнулъ свои идеи о Тацитѣ и Тиберіѣ... Книга эта, написанная довольно талантливымъ молодымъ ученымъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ плагіата, другой существенный недостатокъ—отсутствіе ученыхъ пріемовъ. Авторъ ея изучаетъ Шампани вмѣсто Тацита, Светонія и Діона Кассія и приводитъ Тацита по переводу Кронеберга, за которымъ значеніе вульгата никѣмъ еще не признано. А называть такъ легко Тацита риторомъ, т. е. повторять то, что сказалъ Сиверсъ и повторять, неуказывая на источникъ—это ужъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ плагіатъ и отсутствіе ученыхъ пріемовъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Напечатано*:	*Читай:*
21	Lavrentinum	Laurentinum.
30	хрология	хронологія.
37	такжъ	также.
39	въ упомянутыхъ	въ упомянутомъ.
40	пріобрѣгаемы	пріобрѣтаемыя.
41	бесѣды	бесѣдой.
50	Мессала	Матернъ.
52	примѣряется	примиряется.
58	по умерщевленія	по умерщвленіи
64	двухкраткой	двухкратной.
65	Serm (въ примѣч.)	Germ.
—	Британіи	о Британіи.
—	описаніи	описаніе.
68	могла	могло.
—	предсторженія	предостереженія.
70	о князяхъ	о князьяхъ.
82	дошло	дошли.
90	Каллигулы	Калигулы.
—	«Исторіи»	«Исторій».
91	безъ милосердіе	безъ милосердія.
119	учреждечій	учрежденій.
—	lesae	laesae.
126	дюжанная	дюжинная.
141	разговорѣ	заговорѣ.
167	съ историками	съ историкомъ.
171	Каждый	Каждое.
172	Петръ	Петъ.
173	сознаніе	сознанія.